

Д. Н. БЕРЕЖКОВЪ.

О ХРАМАХЪ

ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКАГО КНЯЖЕСТВА

(XII—XIII в.).

Владиміръ на Клязьмѣ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.

1902.

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи
Предсѣдатель *С. А. Хвостовъ.*

(Изъ V кн. „Трудовъ Владимір. Губерн. Ученой Архивной Киммиссіи").

Д. Н. БЕРЕЖКОВЪ.

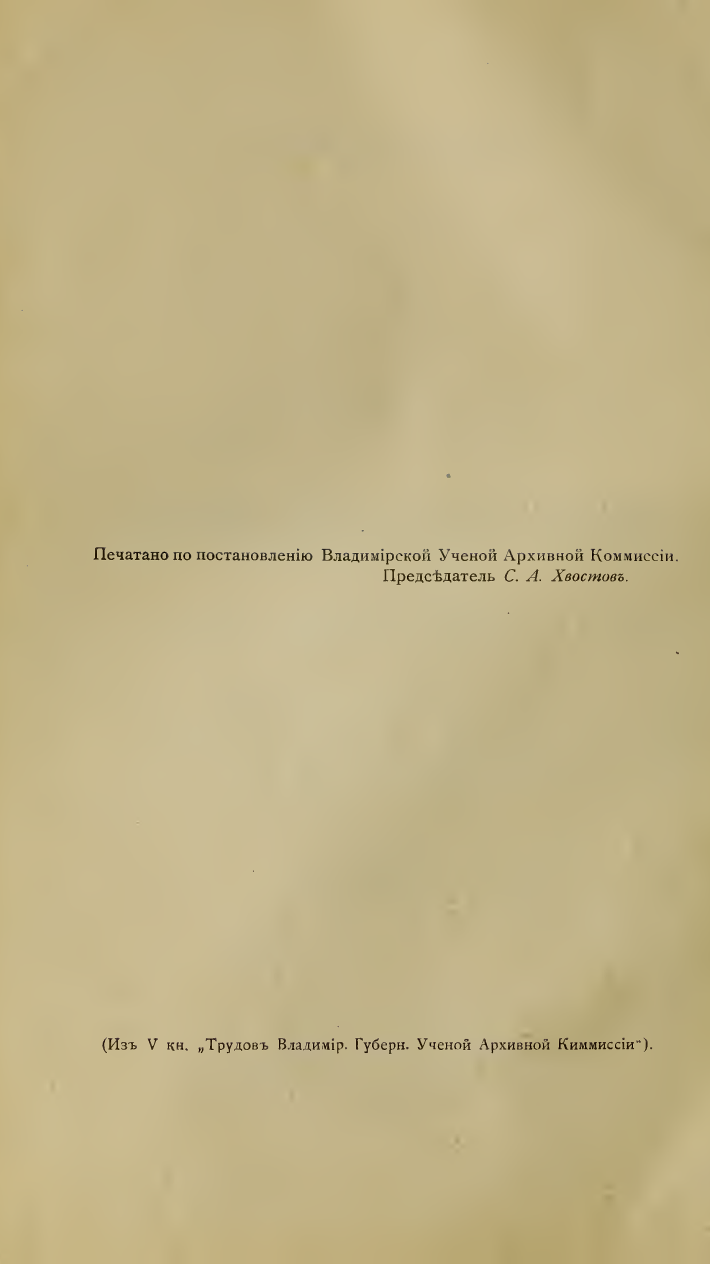
О ХРАМАХЪ ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКАГО КНЯЖЕСТВА.

(XII—XIII в.).

Съ приложеніемъ рисунковъ и плановъ.

Владиміръ на Клязьмѣ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1903.

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.
Предсѣдатель *С. А. Хвостовъ.*

(Изъ V кн. „Трудовъ Владимір. Губерн. Ученой Архивной Киммиссіи").

О ХРАМАХЪ
ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКАГО КНЯЖЕСТВА
(XII—XIII в.).

I.

Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Переяславль, затерявшіеся нынѣ въ массѣ великихъ и малыхъ городовъ Россійской Имперіи, не всегда играли столь скромную роль провинціальнаго захолустья: было время, когда они представляли собою центръ политической жизни Руси, когда воля Великаго Князя Владимірскаго была закономъ для всѣхъ прочихъ удѣльныхъ князей, когда къ голосу его прислушивались даже такія далекія княжества, какъ Галичское (времена Всеволода III). Очутившись съ самаго начала XII вѣка въ рукахъ умныхъ и дѣятельныхъ Мономаховичей, отдаленный Ростовско-Суздальскій удѣлъ—тогдашняя Сибирь, по выраженію проф. Голубинскаго [1]), уже къ половинѣ этого вѣка настолько окрѣпъ, что былъ въ состояніи—и не безъ успѣха—бороться съ самимъ Великимъ княжествомъ Кіевскимъ, а затѣмъ сдѣлался мѣстопребываніемъ и самого Великаго Князя. Такое возвышеніе его на степень первенствующаго удѣла не могло не отразиться и на внѣшнемъ видѣ его городовъ. Если же мы припомнимъ себѣ, какую гордость для каждаго князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для всего княжества, составляла въ древней Руси мѣстная святыня края—

[1]) Голубинскій. Исторія Рус. Церкви. II полов. I тома, стр. 96.

церкви, и въ особенности соборная церковь главнаго его города, служившая мѣстомъ всѣхъ крупныхъ общественныхъ событій (здѣсь князья вступали на княженіе, здѣсь погребались, здѣсь происходили встрѣчи народомъ епископовъ и т. д.), то намъ будетъ понятно, почему Владимірскій край такъ быстро украсился церквами и такъ прославился своимъ храмомъ Успенія Пресвятой Богородицы: постройка и украшеніе ихъ были священнымъ долгомъ со стороны народа, жертвой Богу, гордостью всей области, и князья не останавливались ни предъ какими трудностями, чтобы только создать что-либо достойное себя.

Въ глухой лѣсистой области, каковой былъ, несомнѣнно, Владиміро-Суздальскій край въ XI—XII в., при первыхъ попыткахъ насажденія здѣсь христіанства, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей мѣстнаго населенія, церкви, по всей вѣроятности, строились, по преимуществу, деревянныя: обиліе строительнаго матеріала, знаніе жителями плотничьяго ремесла, невзыскательность вкусовъ, а главное— умолчаніе лѣтописей о какихъ-либо каменныхъ постройкахъ въ этой странѣ—все говоритъ въ пользу этого предположенія. Правда, были и исключенія: въ Суздалѣ, напр., была воздвигнута первая въ краѣ каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы еще Владиміромъ Мономахомъ и Епископомъ Ефремомъ [1]), а равно и церковь Богородицы въ Ростовѣ [2]). Но такихъ исключеній было очень немного: то были лишь главныя церкви въ религіозныхъ или административныхъ центрахъ края, ибо такія, сравнительно роскошныя, постройки были подъ силу далеко не всякому князю. Лишь подъ 1152 годомъ мы находимъ въ лѣтописяхъ свидѣтельство о заложеніи здѣсь сразу пяти церквей Юріемъ Долгорукимъ: потерпѣвъ рѣшительную неудачу въ своихъ стремленіяхъ завладѣть Кіевскимъ Великокняжескимъ столомъ, этотъ князь возвратился въ свой удѣлъ и рѣшилъ

[1]) Лаврент. списокъ Лѣтописи подъ 6730 г.
[2]) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, т. II, прим. 158.

украсить его такъ, чтобы хоть нѣсколько утѣшить себя въ несбывшихся надеждахъ. „Того же (6660) лѣта князь велики Юрьи Долгорукій Суждалскій бывъ подъ Черниговомъ ратью, и возвратися въ Суждаль на свое великое княженіе, и пришедъ многи церкви созда: на Нерли святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и во свое имя градъ Юрьевъ заложи, нарицаемый полскій, и церковь въ немъ камену святаго Георгія созда, а въ Володимери церковь святаго Георгія камену же созда, и градъ Переаславль отъ Клещина перенесе и созда болши стараго, и церковь въ немъ постави камену святаго Спаса, а въ Суждалѣ постави церковь камену Спаса же святаго“ [1]).

Изъ всѣхъ этихъ церквей до нашего времени сохранились только двѣ—въ Кидекшѣ и Переяславлѣ, всѣ же прочія были или передѣланы или окончательно разрушены. Въ свою очередь и изъ этихъ двухъ, сохранившихся доселѣ, лишь церковь кидекшанская можетъ считаться постройкой несомнѣнно временъ Юрія, ибо переяславская, какъ увидимъ ниже, была окончена уже Андреемъ Боголюбскимъ. Такимъ образомъ, въ сужденіи объ общемъ типѣ построекъ Юрія мы, по необходимости, должны ограничиваться только одной первой. Но и она, подвергаясь въ теченіе своего многовѣковаго существованія разнымъ невзгодамъ, была время отъ времени подновляема, такъ что теперь уже многое утратила отъ своего первоначальнаго вида: старыя, узкія и длинныя, окна ея во многихъ мѣстахъ передѣланы въ большія; покрытіе изъ посводнаго сдѣлано на 4 ската; шлемообразная глава приняла видъ луковичной; на южной сторонѣ дверь заложена и на мѣстѣ ея сдѣлано широкое окно; съ запада пристроена трапеза; подвергся передѣлкѣ и самый остовъ зданія: его часть, ближайшая къ алтарю, по передніе столбы, сохранила только нижнюю свою половину, которая соединена теперь коробовымъ сво-

---

[1]) Никоновская лѣтоп. 6660.

домъ съ алтарными нишами,—верхняя же часть ея сломана. Судить о наружныхъ украшеніяхъ этой церкви въ ея первоначальномъ видѣ очень трудно: лишь жалкіе остатки ихъ свидѣтельствуютъ, что когда-то и она была украшена, но, очевидно, не такъ богато, какъ церкви позднѣйшей постройки: порталы ея состоятъ изъ простого, полукруглаго вверху, архивольта,—рельефныхъ украшеній на стѣнахъ нѣтъ совсѣмъ; но характерный для нашихъ церквей поясокъ посрединѣ наружныхъ стѣнъ строенія на лицо: онъ состоитъ изъ отлива, изъ поставленныхъ угломъ кирпичей (сухарчатый поясъ) и изъ дугообразныхъ перемычекъ; были-ли подъ этими перемычками обычныя суздальскимъ церквамъ болѣе поздняго времени колонки—сказать ничего опредѣленнаго нельзя. Колонками здѣсь украшенъ лишь барабанъ купола.

По общей своей конструкціи и по простотѣ украшеній весьма близко къ кидекшанской церкви стоитъ Преображенскій соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Заложенный въ одинъ годъ съ нею Юріемъ, соборъ этотъ былъ законченъ постройкой уже при Андреѣ Боголюбскомъ, который, сдѣлавшись княземъ Ростовскимъ и Суздальскимъ, „по смерти отца своего велику память створи: церкви украси, и монастыри постави, и церковь сконча, юже бѣ заложи преже отець его, святаго Спаса камену“ [1]). Что въ этой церкви юрьевской и что андреевской постройки—сказать трудно: планъ ея и постройка зданія вчернѣ, вѣроятно, принадлежатъ Юрію, а отдѣлка, можетъ быть, Андрею. Кажется, впрочемъ, можно признать за несомнѣнное, что мастера, строившіе ее при Юріи и Андреѣ были одни и тѣ же: на это указываетъ замѣчательное ея сходство по плану и величинѣ съ церковью кидекшанскою, какъ равно и простота ея украшеній: рѣзьбы настѣнной здѣсь нѣтъ же, нѣтъ и пристав-

---

[1]) „въ Переславли новомъ“—прибавлено въ Троицкомъ и Радзиволовскомъ спискахъ Лавр. лѣт. 6665. Ипат. 6666.

ныхъ къ пилястрамъ колоннъ; порталы состоятъ изъ простого, полукруглаго сверху, отверстія въ стѣнахъ,—поясъ представляетъ собой простой отливъ, подъ которымъ, впрочемъ, судя по прежнимъ описаніямъ собора, были, какъ кажется, и колонки [1]).

Что касается остальныхъ трехъ церквей времени Юрія Долгорукаго, то изъ нихъ Георгіевская во Владимірѣ была разобрана до фундамента послѣ пожара въ 1778 году, и на ея мѣсто поставлена новая; церковь св. Георгія въ Юрьевѣ была перестроена еще въ 1230 году Святославомъ Всеволодовичемъ, а церковь св. Спаса въ Суздалѣ и совсѣмъ не существуетъ. Каковы были настѣнныя украшенія этихъ церквей, мы не знаемъ, такъ какъ до насъ не дошло о нихъ никакихъ свѣдѣній; относиться же къ утвержденію Толстого и Кондакова, будто церковь Спаса въ Суздалѣ „нѣкогда была покрыта густою рѣзьбою по аркадамъ и украшена гротесками въ модильонахъ" [2]), нужно съ осторожностью, ибо авторы не указываютъ источника, изъ котораго они взяли это извѣстіе.

Это—первая группа церквей Владиміро-Суздальскаго княжества, которая послужила, по мнѣнію изслѣдователей, зерномъ для развитія здѣсь самостоятельнаго типа церквей, столь отличнаго отъ церквей другихъ удѣловъ тогдашней Руси.

Андрей Боголюбскій, сдѣлавшій Владиміръ столицей своего княжества, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы украсить его постройками, приличествующими великокняжескому городу. И прежде всего, онъ задумалъ построить храмъ, который бы красотой своей затмилъ великолѣпіе всѣхъ другихъ церквей. Въ 1158 году онъ, дѣйствительно, заложилъ въ самой лучшей части города, на горѣ надъ Клязьмою, церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, которая

---

[1]) „Подъ окнами, между ярусами, проходитъ гладкой поясъ или наличникъ, вытесанный изъ бѣлаго известковаго камня, съ лѣпной работою и нижнимъ поясомъ колоннъ, который простирается до верхней части". Владимірскія Губ. Вѣдомости. 1848 г. № 32.

[2]) Русскія Древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр 13.

и до сихъ поръ составляетъ главную святыню владимірскаго края. Лѣтописи отмѣчаютъ этотъ фактъ, какъ выдающееся событіе въ жизни княжества: „в лѣто 6666. Заложи Андрѣй князь, говорятъ они, в Володимери церковь камену святую Богородицю, мѣсяця априля в 8, в день святаго Апостола Родиона, во вторникъ“ [1]). Такая точность въ указаніи времени закладки свидѣтельствуетъ намъ о томъ вниманіи, съ какимъ современники отнеслись къ этому событію.—Въ 1160 году „создана бысть церкы святая Богородица, в Володимери, благовѣрнымъ и боголюбивымъ княземъ Андрѣемъ; и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгимъ каменьемъ бес числа, и ссуды церковными, и верхъ ея позлати („сверши же церковь 5 верховъ, и все верхы золотомъ украси“. Ипат. лѣт. 6666); по вѣрѣ же его и по тщанью его к святѣй Богородицѣ, приведе ему Богъ изъ всѣхъ земль мастеры, и украси ю паче инѣхъ церквий“. „В лѣто 6669. Почата бысть писати церкы в Володимери Золотоверхая, а кончана августа въ 30“ [2]). Такимъ образомъ, по свидѣтельству наиболѣе авторитетной для суздальскаго края лѣтописи, соборная церковь Успенія Пресвятой Богородицы была заложена, окончена постройкой и росписана внутри въ теченіе всего одного трехлѣтія.

При опредѣленіи первоначальнаго вида владимірскаго Успенскаго собора мы встрѣчаемся въ литературѣ съ двумя мнѣніями: по одному изъ нихъ, соборъ построенъ Боголюбскимъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ мы видимъ его теперь,—по другому—соборъ былъ перестроенъ Всеволодомъ III и сохранился до нашихъ дней только въ его перестройкѣ. Перваго мнѣнія держится проф. Голубинскій,—второго—большинство другихъ изслѣдователей. Въ виду того авторитета, какимъ по всей справедливости пользуется почтенный профессоръ въ вопросахъ церковно-историческихъ, и той категоричности и

[1]) Лавр. и Ипат. лѣт. 6666.
[2]) Лавр. лѣт. 6668. 6669.

настойчивости, съ какими онъ отстаиваетъ свое мнѣніе, мы должны будемъ разобраться въ этомъ спорномъ вопросѣ съ возможной тщательностью и подробно обслѣдовать тѣ данныя, которыя заставили его пойти противъ общепринятаго до него мнѣнія о двукратной постройкѣ собора.

Поводомъ къ разногласію между учеными въ этомъ пунктѣ послужила замѣтка Лаврентьевской лѣтописи подъ 1189 г. о подновленіи собора послѣ пожара 1183 или 1185 года Великимъ Княземъ Всеволодомъ III: была-ли въ это время церковь обновлена только известью, или же князь расширилъ ее, обстроивъ ее вокругъ стѣнами и заключивъ, такимъ образомъ, андреевскую постройку какъ бы въ футляръ [1]).

Въ разрѣшеніи этого недоумѣнія наиболѣе авторитетнымъ свидѣтельствомъ является самъ соборъ; данныя, представляемыя имъ, должны имѣть въ нашихъ глазахъ рѣшающее значеніе. Вотъ что пишетъ по этому поводу осматривавшій неоднократно владимірскій соборъ мѣстный архитекторъ, г. Артлебенъ: „первоначальный владимірскій Успенскій соборъ сохранился, кромѣ алтарей, между Всеволодовыхъ пристроекъ. Наружныя стѣны его (андреевскаго собора) и теперь можно отличить по находящимся въ нихъ окнамъ, поясу изъ колоннокъ и кое гдѣ замѣтнымъ выступамъ около пилястръ, не совсѣмъ закрытымъ пристроенными къ пилястрамъ устоями арокъ Всеволодовой пристройки“ [2]). Дѣйствительно, существованіе пояса на андреевскомъ соборѣ особенно рѣзко бросается въ глаза: его отливъ, поставленные угломъ кирпичики (сухарчатый поясъ),

---

[1]) По вопросу о времени пожара лѣтописи разногласятъ: Ипатьевская говоритъ о немъ подъ 13 апр. въ среду 1183 г., а Лаврентьевская—подъ 1185 г. 18 апрѣля и тоже въ среду. Правильной должна быть признана первая дата, такъ какъ въ 1185 г. 18 апрѣля приходится не на среду, а на четвергъ. Въ Ипатьевской лѣтописи годъ, мѣсяцъ, число и день сходятся между собою.

[2]) Труды I Арх. съѣзда. Къ вопросу объ архитектурѣ Владиміро-Суздальскихъ церквей. I. 297. Существованіе оконъ во внутреннихъ стѣнахъ и выступовъ на пилястрахъ отмѣчено въ атласѣ къ Трудамъ I Арх. съѣзда, табл. XXIII, гдѣ различной тушевкой на планѣ оттѣнены Андреевскія постройки отъ Всеволодовскихъ. Существованіе пояса замѣтно по табл. XX.

круглодужчатыя перемычки, поддерживаемыя колонками на подставкахъ, т. е. украшенія, совершенно тожественныя съ сохранившимися на другихъ церквахъ края, совершенно были бы необъяснимы внутри собора, если бы мы допустили, что Успенскій соборъ строился въ настоящемъ его видѣ. Мы отмѣтимъ, съ своей стороны, и еще одну деталь въ постройкѣ: въ тѣхъ мѣстахъ древняго андреевскаго собора, гдѣ пилястры столбовъ начинаютъ образовывать арки (такъ называемыя пяты арокъ), всюду изваяны лежащіе львы, обращенные головами въ разныя стороны,—въ пристройкахъ же Всеволода подобныхъ львовъ въ пятахъ арокъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, въ признакахъ, указанныхъ выше г. Артлебеномъ, проф. Голубинскій находитъ возможнымъ не видѣть свидѣтельства о перестройкѣ собора и говоритъ по этому поводу: „онъ (Артлебенъ), полагаемъ, согласится съ нами, что эти окна, поясъ изъ колоннокъ и выступы можно понимать и иначе, нежели какъ онъ понимаетъ“ [1]), но какъ же именно нужно понимать присутствіе внутри храма этихъ, обычно наружныхъ украшеній церквей, онъ не указываетъ, а ограничивается только однимъ этимъ общимъ замѣчаніемъ. Точно также не болѣе убѣдительны и дальнѣйшія доказательства его, въ родѣ того, напр., что перестройка собора явилась бы безпримѣрной и чудовищной,—что видѣть въ настоящемъ стройномъ зданіи произведеніе двухъ разъ и двухъ рукъ невозможно по архитектурнымъ соображеніямъ,—что соборъ въ Андреевской постройкѣ былъ бы слишкомъ малъ для великокняжескаго города и т. д [2]). Но „доказательства въ видѣ отвлеченныхъ соображеній, скажемъ здѣсь словами самого автора, какъ бы они ни были очевидны и осязательны, никого никогда не убѣждаютъ“ [3]), и мы, поэтому, съ своей стороны, болѣе склоняемся къ мнѣнію г. архитекторовъ, могущихъ правильнѣе рѣшать вопросы

---

[1]) Исторія Рус. церкви. II полов. I т. стр. 98, прим. 1.
[2]) Исторія Рус. церкви. II пол. I т. стр. 97.
[3]) Ibid.

о возможности или невозможности подобныхъ перестроекъ, нежели къ отвлеченнымъ соображеніямъ кабинетнаго ученаго.

Далѣе, въ примѣчаніи къ стр. 98 Исторіи Рус. церкви (II пол. I тома) у проф. Голубинскаго мы находимъ критику на соображенія, высказанныя г. Артлебеномъ объ обновленіи собора въ 1192 и 1194 г.г. Г. Артлебенъ полагаетъ, что въ эти года происходило обновленіе собора Всеволодомъ, во время котораго послѣдній „пристави 4 връхы", при чемъ, въ подтвержденіе такого своего мнѣнія авторъ сослался на свидѣтельство Воскресенской лѣтописи [1]). Возражая ему, проф. Голубинскій, прежде всего, рѣшительно заявляетъ, что подобнаго свидѣтельства въ Воскресенской лѣтописи нѣтъ; а между тѣмъ, эти слова читаются именно въ Воскресенской лѣтописи подъ 1212 годомъ, гдѣ они приводятся по поводу смерти Всеволода III, когда дѣлается краткій обзоръ важнѣйшихъ его построекъ въ краѣ [2]). Все недоразумѣніе произошло оттого, что г. Артлебенъ не указалъ, подъ какимъ годомъ лѣтописи онъ взялъ свою цитату.

Вслѣдъ за г. Артлебеномъ, проф. Голубинскій пропустилъ и извѣстіе лѣтописи, сообщенное подъ 1189 годомъ объ освященіи Успенскаго собора. Поврежденія, полученныя соборомъ во время пожара 1183 года, были на столько велики, что обновленіе его продолжалось цѣлыхъ 6 лѣтъ, и только въ 1189 году „священа бысть церкы сборная святая Богородиця, великымъ священьемъ, блаженнымъ епископомъ Лукою, при князи великомъ Всеволодѣ, и сынѣ его Костянтинѣ, и Ярославичи Ростиславѣ зяти его; и бысть радость велика в градѣ Володимери, и священа бысть на канунъ святое Богородици Успенья" [3]). Къ этому то времени, съ большей вѣроятностью, и слѣдуетъ относить приставленіе 4 верховъ, о которыхъ упоминаетъ Воскресен-

---

[1]) Труды I арх. съѣзда. Къ вопросу объ архитектурѣ Владиміро-Сузд. храмовъ, стр. 297.
[2]) Воскрес. лѣт. 6720.
[3]) Лавр. и Воскр. лѣт. 6697.

ская лѣтопись, такъ какъ выраженіе: „святить великимъ священіемъ" указываетъ на какую-то важную перестройку, предшествовавшую ему. Опустивши изъ виду это свидѣтельство лѣтописи, Голубинскій настаиваетъ на мысли, что если и могло даже быть это приставленіе 4 верховъ, то только во время поправокъ собора въ 1192 или 1194 годахъ; а такъ какъ лѣтопись говоритъ здѣсь лишь о побѣлкѣ собора известью—не болѣе, то, заключаетъ Голубинскій, значитъ Всеволодъ собора не перестраивалъ. Но на такое его соображеніе слѣдуетъ замѣтить, что поправка собора въ 1194 году побѣлкой известью послѣдовала послѣ пожара 1193 года: „в лѣто 6701. Бысть пожаръ в Володимери городѣ, мѣсяца июля въ 23 день, в полночи зажжеся и горѣ мало не до вечера, церквий изгорѣша 14, а города половина погорѣ, а княжь дворъ Богомь и Святое Богородици изотяша, дѣда его и отца его молитвою святою, избвленъ бысть отъ пожара" [1]). Не удивительно, если соборъ и пострадалъ нѣсколько, когда его вмѣстѣ съ княжимъ дворомъ „отнимали" у огня.

Вслѣдствіе этого, на слѣдующее „лѣто 6702, мѣсяца августа, обновлена бысть церкы святое Богородици Володимери, яже бѣ ополѣла в великый пожаръ, блаженымь епископомь Иваномъ, и при благовѣрнѣмь и христолюбивѣмь князи Всеволодѣ Юргевичи, и бысть опять акы нова" [2]). Въ ипатьевской лѣтописи объ этомъ событіи говорится подъ 1192 годомъ: „того же (6700) лѣта великый князь Всеволодъ... церковь обнови святую Богородицю в Володимерѣ, извѣстію" [3]). Но такъ какъ остальныя событія, сообщаемыя ею подъ этимъ годомъ: постриги сына Всеволодова - Ярослава, заложеніе дѣтинца во Владимірѣ, обновленіе суздальской церкви, рожденіе у Всеволода сына Димитрія - тѣ же самыя, что и въ лаврентьевской лѣтописи, то и нужно думать, что 1192 г. ипатьевской лѣтописи со-

---

[1]) Лавр. лѣт. 6701.
[2]) Ibid 6702.
[3]) Ипат. лѣт. 6700.

отвѣтствуетъ 1194 году лаврентьевской. Отсюда совершенно излишнимъ является предположеніе, что соборъ бѣлили известью дважды—въ 1192 и 1194 году [1]: едва лишь освященный послѣ капитальной передѣлки 1189 года, онъ не нуждался еще такъ скоро (черезъ 3 года) въ побѣлкѣ; для этого нужны были какія нибудь особенно неблагопріятныя случайности, въ родѣ, напр., пожара, каковой и былъ въ 1193 году.

Голубинскій приводитъ и еще соображеніе, по которому будто бы была невозможна перестройка собора Всеволодомъ: мало вѣроятности, говоритъ онъ, предполагать, чтобы Всеволодъ имѣлъ охоту, распространяя зданія Боголюбскаго, создавать ему славу на свой счетъ, особенно если мы вспомнимъ, какъ обращался съ своими братьями Андрей, т. е., что онъ прогналъ ихъ отъ себя [2]. Но такому общему разсужденію можно противоставить тоже общее разсужденіе: братскія чувства, во первыхъ, могли измѣниться, а во вторыхъ, Всеволодъ, и не имѣя намѣренія непремѣнно создавать славу Андрея на свой счетъ, долженъ былъ позаботиться о соборномъ храмѣ Богородицы: распространяя и украшая главный храмъ своего княжества, онъ тѣмъ самымъ умножалъ свою славу, и чѣмъ роскошнѣе была его постройка сравнительно съ прежней, тѣмъ болѣе было чести ему самому отъ всѣхъ. Нельзя же было оставлять въ неприглядномъ видѣ храмъ Божій, кто бы его ни строилъ!

На сторону мнѣнія о перестройкѣ Успенскаго собора Всеволодомъ склоняется и такое авторитетное учрежденіе, какъ Московское археологическое общество, подъ наблюденіемъ котораго совершалась реставрація Успенскаго собора въ 1887—1891 г.г.: въ своихъ протоколахъ оно все время говоритъ о двукратной постройкѣ изслѣдуемаго нами памятника [3]. Равнымъ образомъ, извѣстіе о расширеніи

---

[1] Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. гор. Владимірѣ. Прот. Виноградова, стр. 27.

[2] Голубинскій. Ист. Рус. церкви. II пол. I т. стр. 98, прим. 1.

[3] Древности. Труды Имп. Московск. Археологическаго Общества, т. XVI: Краткій отчетъ о реставраціи Влад. Усп. собора въ 1891 г.,

Успенскаго собора сохранилось и въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ Степенной книгѣ, напр., прямо говорится: „по сихъ же Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ церковь Владимірскую сугубо округъ ея упространи и украси, юже братъ его князь Андрей постави объ единомъ версѣ во имя Пречистыя Богородицы честнаго ея Успенія; Всеволодъ же, четыре верхи наздай, позлати“ (I. 290). На основаніи этой лѣтописной замѣтки, а равно и новѣйшихъ изысканій, оказывается, что перестройка Всеволодомъ андреевскаго собора состояла не въ обнесеніи его только стѣнами, но въ расширеніи его абсидъ [1]), въ передѣлкѣ средняго купола [2]), въ поставленіи новыхъ 4 куполовъ, въ пробитіи отверстій въ стѣнахъ для соединенія новыхъ боковыхъ отдѣленій съ внутренними и т. д., такъ что судить о первоначальномъ видѣ его можно только предположительно по небольшимъ остаткамъ его стѣнъ. По нимъ можно видѣть, что совнѣ соборъ былъ украшенъ поясомъ изъ поставленныхъ угломъ кирпичиковъ и изъ арочекъ, поддерживаемыхъ колонками, капители которыхъ имѣютъ внизу стеску граней; къ пилястрамъ были приставлены колонки.—Сказать еще что нибудь о наружныхъ украшеніяхъ его, за неимѣніемъ какихъ либо данныхъ, трудно. Въ теперешнемъ же своемъ видѣ Владимірскій Успенскій соборъ является великолѣпнымъ образцомъ того стиля, въ какомъ строились церкви суздальской области: при замѣчательной пропорціональности всѣхъ своихъ частей, онъ украшенъ скульптурными изваяніями, хотя и не особенно

секретаря Общества г. Трутовскаго и Протоколы. Въ атласѣ къ Трудамъ I арх. съѣзда, табл. XX, на представленномъ тамъ разрѣзѣ собора, можно видѣть, гдѣ оканчиваются постройки Андрея и начинаются Всеволодовскія.

[1]) Виноградовъ. Исторія Каѳедр. Усп. собора, стр. 23,—вопреки увѣреніямъ Прохорова въ Рус. Древн. 1875, стр. 37.

[2]) „Стиль рѣзныхъ капителей, находящихся на колонкахъ трибуна, рѣзко отличается отъ капителей въ поясѣ первоначальнаго собора, между тѣмъ онѣ совершенно подходятъ подъ стиль всѣхъ капителей, находящихся снаружи Всеволодовыхъ пристроекъ, а самый трибунъ совершенно сходенъ съ 4-мя малыми трибунами тѣхъ же пристроекъ“. Ежегодникъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, т. III, 1880 г., стр. 293.

многочисленными, имѣетъ обычный поясокъ съ колонками, приставныя къ пилястрамъ колонки, порталы съ многочисленными уступами и архивольтами и т. д.

Недалеко отъ Боголюбова (городокъ въ 10—11 верстахъ отъ Владиміра), на поймѣ, при впаденіи здѣсь въ древности рѣки Нерли въ Клязьму, одиноко стоитъ также замѣчательный памятникъ архитектуры владиміро-суздальской области—церковь Покрова Пресвятой Богородицы. О времени ея построенія лѣтописи совсѣмъ не упоминаютъ. Древнее преданіе, сохранившееся въ рукописномъ житіи Андрея Боголюбскаго, такъ говоритъ о созданіи этой церкви: „сего же (1165) лѣта сынъ его (Андрея) первый Изяславъ Андреевичъ ко Господу отъиде, и положенъ бысть въ соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церквѣ. Сей же Великій Князь Андрей, аще печалію о скончавшемся сынѣ, яко человѣкъ объятъ бывъ, и скорбяше, обаче оную на Господа Бога полагаше и благодаря Его всемогущество, болѣе въ богоугодныя дѣла поощряшеся; ибо близь Боголюбскія обители, яко поприще едино, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ лугу, нача здати церковь во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго Ея Покрова, на устьѣ рѣки Нерли, изъ собираемыхъ и дволѣтіемъ изъ Болгаръ вывозимыхъ камней для строенія во Владимірѣ соборныя Успенія Пресвятыя Богородицы церкви и другихъ десятыя части, яже по повелѣнію его на томъ мѣстѣ отлагаемы бываху, и помощію Пресвятыя Богоматере, оную церковь единымъ лѣтомъ соверши и обитель монашествующимъ при ней содѣла“ [1]). Если основываться на этомъ свидѣтельствѣ рукописи, то построеніе Покровской церкви слѣдуетъ относить къ 1166-1167 г.г. [2]).

---

[1]) В. Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями. М. 1852 г. стр. 70. Мы не знаемъ, гдѣ находится въ настоящее время это „житіе“, которымъ пользовался и которое цитуетъ авторъ, какъ хранящееся въ Боголюбовомъ монастырѣ: тамъ его, по наведеннымъ нами справкамъ, нѣтъ и въ каталогѣ библіотеки монастыря оно не значится.

[2]) Проф. Кондаковъ и гр. Толстой время ея постройки относятъ къ 1158—1161 г.г., хотя, впрочемъ, въ пользу такого категорическаго

По общему своему типу она весьма близко подходитъ къ Дмитріевскому собору во Владимірѣ, и ее можно назвать какъ бы его моделью: планъ, сюжеты украшеній, стиль ихъ почти одни и тѣже на обѣихъ церквахъ, только на Покровской они нѣсколько проще и ихъ меньше количественно.

Соборъ св. Димитрія Солунскаго во Владимірѣ былъ выстроенъ въ княженіе Всеволода Юрьевича, во св. крещеніи Димитрія. Этотъ князь „многы церкви созда по власти своей, ибо созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ святаго мученика Дмитрия, и украси ю дивно иконами и писаньемъ“ [1]. Но къ какому моменту всеволодова княженія слѣдуетъ отнести время его постройки—трудно сказать. Гр. Строгановъ [2] и проф. Кондаковъ съ гр. Толстымъ [3], соображаясь съ извѣстіями лѣтописи о рожденіи у Великаго Князя сына Димитрія и заложеніи дѣтинца во Владимірѣ въ 1194 году, относятъ къ этому времени и заложеніе Дмитріевскаго собора.

По своимъ украшеніямъ Дмитріевскій соборъ гораздо богаче прочихъ владимірскихъ храмовъ: здѣсь рѣзьбой по камню покрыты всѣ верхнія половины стѣнъ, всѣ колонки на поясѣ, архивольты порталовъ, весь барабанъ купола, капители колоннъ. Разнообразіе рисунковъ, тонкость рѣзьбы, симметричность въ расположеніи украшеній—все свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи вкуса строителей: по своей оригинальности и художественности этотъ соборъ является единственнымъ въ мірѣ памятникомъ и справедливо вызываетъ къ себѣ удивленіе во всѣхъ, интересующихся искусствомъ.

Нѣкоторая скромность въ постройкѣ и украшеніяхъ храма въ княгининомъ женскомъ монастырѣ во Владимірѣ составляетъ исключеніе въ послѣдо-

---

своего утвержденія они не указываютъ никакихъ основаній. Рус. Древности, вып. VI, стр. 14.

[1]) Лавр. лѣт. 6720.

[2]) Дмитріевскій соборъ. Стр. 5.

[3]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, СПБ. 1899, стр. 19—24.

вательномъ ходѣ строительнаго искусства суздальской области. Основаніе этой церкви относится къ 1200 году: „В лѣто 6708. Заложи благовѣрный князь великый Всеволодъ Гюргевичь церковь камену, во имя святое Богородици Успенья, в монастыри княгининѣ, при блаженномъ епископѣ Іоанѣ“ [1]). А „в лѣто 6710 осенью священа бысть церкы святое Богородици Успенья, юже созда любовью правовѣрная княгини великая в своемъ монастыри, епископомь блаженымь Іоаномь, мѣсяца семтября въ 9 день, на память святою праведнику Акыма и Анны, ту сущю великому князю Всеволоду, и сыну его Костянтину и Юргию и Володимеру“ [2]). За исключеніемъ простыхъ лизенъ и сухарчатаго пояска подъ крышей алтарныхъ выступовъ и купольнаго барабана до настоящаго времени не сохранилось никакихъ другихъ наружныхъ украшеній: были-ли они даже, и если были, то въ какомъ количествѣ, за неимѣніемъ данныхъ, мы ничего не можемъ сказать положительнаго. Очень можетъ быть, что отсутствіе рѣзныхъ украшеній на стѣнахъ объясняется отчасти и самымъ матеріаломъ, изъ какого построенъ храмъ—кирпичъ.

„В лѣто 6730. Великій князь Гюрги заложи церковь каменьну святыя Богородица в Суждали, на первѣмъ мѣстѣ, раздрушивъ старое зданье, понеже учала бѣ рушитися старостью, и верхъ ея впалъ бѣ; та бо церкы создана прадѣдомъ его Володимеромъ Мономахомъ и блаженымь епископомъ Ефрѣмомъ“ [3]). „В лѣто 6741 Написана бысть церкы святая Богородица в суждали, и измощена моромором красным разноличнымъ“ [4]). Въ теченіе долгаго времени своего существованія Суздальскій соборъ былъ неоднократно обновляемъ, но и по уцѣлѣвшимъ остаткамъ прежней его постройки все же можно судить, что онъ когда-то

---

[1]) Лавр. лѣт. 6708.
[2]) Лавр. лѣт. 6710.
[3]) Ibid. 6730.
[4]) Ibid. 6741.

былъ богато украшенъ рѣзьбой: такое сужденіе можно составить себѣ по входнымъ дверямъ, архивольты которыхъ испещрены рѣзными узорами, по колончатому рѣзному поясу, по оконнымъ украшеніямъ и по сохранившимся каменнымъ маскамъ на стѣнахъ собора.

Полнаго же своего развитія искусство рѣзьбы достигло на Георгіевскомъ соборѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ. 1230 года „Святославъ князь въ Юргевѣ руші церковь святаго Юргя каменую, такоже бѣ обетшала и поломалася, юже бѣ создалъ дѣдъ его Юрги Володимеричь и святилъ великимъ священьемъ" [1]). А „в лѣто 6742 Благовѣрный князь Святославъ Всеволодичь сверши церковь въ Юрьевѣ святаго мученика Георгия, и украси ю" [2]). По богатству и разнообразію своихъ украшеній эта церковь можетъ быть поставлена на первое мѣсто среди всѣхъ прочихъ: рѣзьбою здѣсь покрыты всѣ стѣны ея, за исключеніемъ алтарныхъ абсидъ, отъ самаго верху до низу, и при томъ такъ, что рисунокъ идетъ по всей глади стѣнъ, а не по отдѣльнымъ плитамъ, какъ то практиковалось до сихъ поръ на другихъ храмахъ. Точно такимъ же образомъ украшены порталы, капители, карнизы, тяги арокъ. Среди разводовъ рѣзьбы вставлены здѣсь и изображенія святыхъ, птицъ, звѣрей, растеній и т. д. Такое обиліе украшеній показываетъ, что любовь къ великолѣпнымъ постройкамъ не ослабѣвала въ краѣ, а напротивъ, вкусъ къ нимъ все болѣе и болѣе развивался.

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ церковнаго строительства суздальской области указаны лишь тѣ памятники, которые на столько уцѣлѣли, что по нимъ и до сихъ поръ еще можно судить объ искусствѣ этого края. Есть, впрочемъ, здѣсь и другія церкви, которыя имѣютъ въ научномъ отношеніи меньшее значеніе, но которыя, сохранивъ отъ древности нѣкоторыя черты, все-же могутъ быть разсматриваемы хотя бы въ качествѣ второстепенныхъ источниковъ,

---

[1]) Лавр. лѣт. 6738.
[2]) Ibid. 6742.

какъ только подтверждающія или ослабляющія тотъ или другой выводъ. Такова церковь св. Георгія во Владимірѣ, которая, хотя и числится въ изслѣдованіяхъ между древнѣйшими церквами края [1]), однако, не является таковой: послѣ пожара 1778 года она была почти вся передѣлана, остался лишь размѣръ ея и, можетъ быть, часть стѣнъ—все же прочее въ ней новое. Барабанъ ея теперь безъ оконъ, видимо новой постройки, восьмигранный; окна широкія; хоры уничтожены; своды крестовые; вмѣсто трехъ обычныхъ абсидъ сдѣлана лишь одна широкая, высотою до половины церкви; пристроены паперти: все это слишкомъ удаляетъ ее отъ обычнаго типа церквей XII вѣка.—Такова, затѣмъ, церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ; зданіе древняго строенія упало въ 1722 году до половины высоты стѣнъ, а въ 1751 году, при игуменѣ Иннокентіи, было разобрано до основанія [2]). Теперешняя церковь стоитъ съ 1756 года, когда тотъ же игуменъ выстроилъ ее на прежнемъ основаніи и по прежнему плану.—Такова, наконецъ, церковь въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ, основанная въ 1191 году Вел. Кн. Всеволодомъ, въ 1858—1869 г.г. разобранная до основанія и вновь воздвигнутая въ стилѣ построекъ суздальскаго края XII вѣка. О прежнемъ ея видѣ можемъ судить лишь по сохранившимся ея описаніямъ и рисункамъ.

Остальныя церкви суздальскаго края, извѣстныя намъ по упоминаніямъ о нихъ лѣтописей, не сохранились и на столько, чтобы служить даже второстепенными источниками для науки. Развѣ только своею численностью онѣ могутъ говорить намъ о распространенности каменныхъ храмовъ въ то время [3]).

---

[1]) Артлебенъ въ Ежегодникѣ Влад. Губ. Стат. Комитета, стр. 285—286. Уваровъ въ Трудахъ 1 Арх. съѣзда, стр. 258.

[2]) Доброхотовъ. Боголюбовъ монастырь, стр. 16—17.

[3]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь полный списокъ каменныхъ церквей, построенныхъ въ суздальскомъ краѣ въ періодъ до монгольскаго нашествія, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ:

1) Суздальская соборная церковь Пресв. Богородицы, основанная первоначально Владиміромъ Мономахомъ и Епископомъ Ефремомъ и вновь выстроенная Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1222—1233 г.г.

Періодъ строительства церквей въ суздальской области закончился съ татарскимъ погромомъ, когда у князей настала забота уже не объ украшеніи своихъ отчинъ, а о возможномъ облегченіи тяжести ига. Съ этихъ поръ, въ продолженіе почти двухсотлѣтняго періода здѣсь не появляется церквей болѣе или менѣе замѣчательныхъ; существовавшія же до сихъ поръ подвергаются частымъ разграбленіямъ со стороны азіатскихъ выходцевъ. Первое же нашествіе ихъ имѣло для многихъ памятниковъ прямо таки роковое значеніе: предавая все огню и мечу, они брали, что могли взять, и уничтожали, чего не могли унести. Лишь изумительная крѣпость построекъ, для разрушенія которыхъ варварамъ необходимо было употреблять и время и усилія, безъ всякой для себя выгоды, сохранила для потомства эти драгоцѣнные памятники старины, если и не во всей ихъ неприкосновенности, то, во всякомъ случаѣ, въ такомъ видѣ, что по нимъ можно еще судить объ общемъ характерѣ ихъ архитектуры и украшеній. Что касается драгоцѣнностей храмовъ, съ такимъ восторгомъ описываемыхъ лѣтописцами, то всѣ онѣ или расхищены, или истреблены огнемъ, или подверглись всесокрушающему вліянію времени: лишь для камня и желѣза, да и то далеко не во всѣхъ случаяхъ, пронесшіеся $7^1/_2$ вѣковъ не имѣли такихъ роковыхъ послѣдствій.

---

2) Церковь свв. Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ, построенная Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году.

3) Церковь св. Спаса въ Суздалѣ, его же постройки 1152 г. Не существуетъ.

4) Церковь св. Георгія во Владимірѣ, его же постройки 1152 г. Перестроена.

5) Церковь Спаса Преображенья въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, его же постройки 1152 г., доконченная Андреемъ Боголюбскимъ въ 1157 году.

6) Церковь св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, его-же постройки 1152 года, разобранная и вновь выстроенная въ 1230—1234 году Святославомъ Всеволодовичемъ.

7) Церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ, строеніе Андрея Боголюбскаго 1158 г. Перестроена.

8) Соборъ Успенія Пресв. Богородицы во Владимірѣ, строеніе Андрея Боголюбскаго 1158—1161 г., впослѣдствіи (м. б. 1185—1189 г.) расширенная Всеволодомъ III.

Всѣ эти немногочисленные остатки, свидѣтельствующіе о великомъ прошломъ владимірскаго края, о той культурѣ, какая начала было насаждаться и развиваться въ этомъ глухомъ краѣ, представляютъ высокій археологическій интересъ для любителей отечественной старины. Интересъ этотъ увеличивается тѣмъ, что Владиміро-Суздальское княжество является, съ одной стороны, продолжателемъ культуры, выработанной въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси, а съ другой – передаточнымъ пунктомъ, и даже болѣе, во многихъ отношеніяхъ предшественникомъ и первоисточникомъ той культуры, какая сосредоточилась потомъ въ Москвѣ. Москва была наслѣдницей Владиміра въ своихъ политическихъ стремленіяхъ къ объединенію вокругъ себя всей русской земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ она является отчасти наслѣдницей и строительной его дѣятельности: по образцу Владимірскаго Успенскаго собора выстроенъ, напр., большой Московскій Успенскій соборъ.—Естественно, поэтому, что съ тѣхъ поръ, какъ только у насъ въ Россіи явился интересъ и любовь къ старинѣ, какъ только явилось стремленіе къ описанію и сохраненію памятниковъ древности, вниманіе археологовъ всегда останавливалось на храмахъ владимірскаго края, и мы имѣемъ уже

---

9) Церковь неизвѣстныхъ святыхъ на Золотыхъ Воротахъ во Владимірѣ, строеніе Андрея Боголюбскаго 1164 г. Не существуетъ.

10) Церковь Спаса Вознесенія во Владимірѣ, строеніе Андрея Боголюбскаго 1164 г. Не существуетъ.

11) Церковь Покрова Пресв. Богородицы на Нерли, предположительно строеніе Андрея Боголюбскаго 1165—1166 г.

12) Церковь Рождества Богородицы въ Рождественскомъ монастырѣ во Владимірѣ, строеніе Всеволода Юрьевича 1192—1194 г. Перестроена.

13) Церковь свв. Іоакима и Анны на оградѣ Успенскаго собора во Владимірѣ, строеніе епископа Іоанна, 1196—1197 г. Не существуетъ.

14) Церковь Успенія Божіей Матери въ женскомъ княгининомъ монастырѣ во Владимірѣ, строеніе Вел. Кн. Маріи Шварновны 1200—1202 г.

15) Соборъ св. Великомученика Димитрія Солунскаго на княжескомъ дворѣ во Владимірѣ, предположительно 1194—1197 г.г.

16) Церковь Воздвиженія Креста Господня на торговищи во Владимірѣ, строеніе Константина Всеволодовича 1218 г. Не существуетъ.

17) Церковь св. Михаила во Владимірѣ, строеніе его-же. Годъ неизвѣстенъ. Упоминается, какъ сгорѣвшая въ 1227 году.

обширную литературу, трактующую объ нихъ. Къ величайшему сожалѣнію, за весьма немногими, сравнительно съ массой всего написаннаго, исключеніями, эта литература не имѣетъ большого научнаго значенія и является или простымъ описаніемъ памятниковъ, или же повтореніемъ съ чужого голоса различныхъ научныхъ предположеній, безъ достаточной, а иногда и безъ всякой, критической ихъ оцѣнки. Это явленіе объясняется, конечно, тѣмъ, что у насъ и вообще до послѣдняго времени было не особенно много людей, которые бы всецѣло посвятили себя археологіи, а если и были таковые, то не всегда именно *церковные* памятники являлись предметомъ ихъ спеціальныхъ занятій. Правда, появлялись иногда изданія, посвященныя исключительно суздальскимъ храмамъ, но они носили по преимуществу отрывочный характеръ: изслѣдывался какой нибудь одинъ—два памятника, объ остальныхъ же или дѣлались замѣчанія самаго общаго свойства, или совсѣмъ замалчивалось. Правда и то, что попытки сдѣлать общій обзоръ памятниковъ встрѣчаются у мѣстныхъ любителей старины, но отъ нихъ, какъ не имѣющихъ достаточныхъ научныхъ средствъ, трудно и ждать новаго слова въ наукѣ. Нельзя, поэтому, не согласиться съ мнѣніемъ г. Суслова, который говоритъ, что во владимірскихъ памятникахъ до сихъ поръ чувствуется недостатокъ детальнаго изученія и что доселѣ не представлено процесса развитія романо-византійской архитектуры на нашей почвѣ [1]). Скудость литературы особенно замѣтна по части болѣе или менѣе удовлетворительнаго изданія видовъ владимірскихъ храмовъ и ихъ деталей. До сихъ поръ нѣкоторые памятники еще совсѣмъ не изданы, другіе же, хотя и изданы, но не всегда съ точностью, какая требуется для научнаго ими пользованія. Самый способъ изданія ихъ былъ и продолжаетъ быть—литографія или гравюра, которыя лишь при крайнемъ усиліи искуснаго

[1]) Сусловъ. Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. 1889, стр. 79.

мастера могутъ достаточно вѣрно воспроизвести всѣ характерныя ихъ украшенія. Мы не говоримъ уже о фотографическихъ изданіяхъ нашихъ памятниковъ, которыхъ они вполнѣ, впрочемъ, заслуживаютъ, не смотря на всю дороговизну подобнаго предпріятія,—желательно было бы, по крайней мѣрѣ, имѣть порядочную литографію ихъ съ фотографическихъ снимковъ, а не съ рисунковъ отъ руки: тогда все таки было бы болѣе надежды, что эти рисунки будутъ ближе стоять къ дѣйствительности. Кромѣ того, важное неудобство въ пользованіи изданіями владимірскихъ храмовъ состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ нѣтъ полнаго сборника, гдѣ всѣ они были бы помѣщены вмѣстѣ: рисунки съ нихъ разсѣяны по многимъ, часто очень дорогимъ и рѣдкимъ изданіямъ, что сильно затрудняетъ желающихъ ознакомиться съ ними.—Въ результатѣ такого положенія дѣлъ оказывается, что есть еще множество вопросовъ, которые остаются нерѣшенными, и памятники все еще ждутъ подробнаго ихъ изученія со стороны свѣдущихъ археологовъ, которые съ знаніемъ дѣла довели бы до конца начатыя изслѣдованія и дали бы болѣе твердые выводы, чѣмъ къ какимъ пришли изслѣдователи предшествующаго времени. А для этого насущно необходимо вполнѣ научное и всѣмъ доступное ихъ изданіе: и мы надѣемся, что, съ развитіемъ въ обществѣ любви къ родному своему прошлому, явятся и желаніе и средства къ тому, чтобы почтить эти замѣчательные памятники древности достойнымъ ихъ изданіемъ.

Мы, съ своей стороны, въ настоящій разъ поставили себѣ самую скромную задачу: подвести итоги всему, что было написано по поводу нашихъ владимірскихъ памятниковъ, и хотя нѣсколько разобраться въ тѣхъ результатахъ, къ какимъ пришла въ изслѣдованіи ихъ археологическая наука [1]).

[1]] Здѣсь мы должны сдѣлать одну оговорку: мы будемъ имѣть дѣло только съ такими работами, которыя по своему содержанію имѣютъ хотя какое нибудь научное значеніе. А такъ какъ громадное большинство написаннаго о владимірскихъ храмахъ принадлежитъ къ

II.

Церковныя постройки Суздальской области, сохранившіяся отъ XII—XIII в. до нашего времени, могутъ быть подведены подъ одинъ общій типъ, характерныя черты котораго удачно скомбинированы г. Артлебеномъ. „Общій планъ суздальскихъ церквей, говоритъ онъ, есть четырехугольникъ, почти квадратъ, къ восточной стѣнѣ котораго примыкаютъ три полукружія алтаря. Четыре внутреннихъ столба, соединенные арками между собой и съ пилястрами, приставленными къ стѣнамъ, образуютъ равноконечный крестъ, вписанный внутри четырехугольника: надъ срединой креста, на аркахъ и люнетахъ, возвышается круглый трибунъ, покрытый полусферическимъ сводомъ; четыре оконечности креста покрыты полуциркульными коробовыми сводами, опирающимися на арки, перекинутыя отъ столбовъ на пилястры у стѣнъ. Четыре угловыя части церкви, не входящія въ составъ внутренняго креста, покрыты въ малыхъ церквахъ коробовымъ сводомъ, а въ большихъ—на нихъ стоятъ купола (Сузд. соб.). Стѣны внутри церкви пилястрами, находящимися противъ среднихъ столбовъ, дѣлятся на три части. Дѣленіе это обозначается и на фасадахъ, на которыхъ двѣ среднія пилястры (наружныя) соотвѣтствуютъ внутреннимъ, а двѣ крайнія находятся по угламъ фасада. Всѣ четыре наружныхъ пилястры соединены арками, представляющими очеркъ поперечнаго разрѣза внутреннихъ, примыкающихъ къ стѣнамъ, полуциркульныхъ сводовъ Прямыхъ карнизовъ въ древности не было, и крыши церквей покрывались прямо по сводамъ. Три части алтаря покрывались полусферическими сводами и крышами, подходящими къ очерку арокъ, составляющихъ

описательной литературѣ, имѣющей мало научнаго интереса, то мы часто о ней совсѣмъ не будемъ упоминать. Если же бы для кого нибудь понадобилась *вся* литература о нихъ, то мы можемъ указать какъ на справочную книгу на „Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи“ Звѣринскаго, коими пользовались и мы.

верхъ восточной стѣны. Стѣны — сѣверная, западная и южная—не одинаковой толщины во всю ихъ высоту: нижняя половина ихъ толще до высоты хоръ и имѣетъ обрѣзъ снаружи; обрѣзъ опоясываетъ церковь посрединѣ фасадовъ". Пояса эти иногда украшались колонками. „Алтарныя стѣны одной толщины. На трехъ сторонахъ фасада — полуциркульные верхи надъ дверями. Въ трехъ верхнихъ раздѣлахъ фасада—по одному окну. Въ алтарѣ — въ среднемъ нефѣ три, въ боковыхъ по одному окну. Въ трибунахъ находится по восьми оконъ". Трибуны украшались иногда колонками [1]). Дѣло науки здѣсь — опредѣлить, подъ какимъ вліяніемъ выработался такой типъ церквей въ Суздалѣ? Вопросъ этотъ уже неоднократно поднимался во многихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, но рѣшался, какъ увидимъ, различно. До сихъ же поръ ученые согласны лишь въ томъ общемъ положеніи, что наши церкви имѣютъ въ своей архитектурѣ сходство съ греческими церквами. Какъ извѣстно, къ XI—XII вѣку было выработано два главныхъ типа церквей: одинъ — западный, представляющій изъ себя многочисленныя варіаціи базилики, другой — восточный, купольный. Послѣдній былъ образцомъ и для всѣхъ русскихъ церквей. Признавая послѣднее положеніе за несомнѣнно-истинное, наши ученые весьма сильно расходятся лишь въ мнѣніяхъ о томъ, какія же греческія церкви послужили ближайшимъ образцомъ для русскихъ. Причиной разногласія между ними служитъ то обстоятельство, что громадная масса византійскихъ памятниковъ, построенныхъ до конца XII в., памятниковъ, въ которыхъ можно было бы искать образцы для русскихъ церквей, уничтожена въ бѣдствіяхъ, постигшихъ въ теченіе слѣдующихъ столѣтій Византію; даже и спасшіеся отъ разрушенія подверглись большимъ передѣлкамъ, такъ что теперь трудно сказать съ достовѣрностью, что въ этихъ памятникахъ есть первоначальнаго и что

---

[1]) Артлебенъ. Въ трудахъ I арх. съѣзда, стр. 289—290.

позднѣйшаго времени. То же нужно сказать и о русскихъ памятникахъ. Тѣмъ не менѣе, попытки указать въ греческихъ церквахъ образцы для русскихъ вообще были: основываясь на сходствѣ именъ, для Кіевской Софіи указывали, напр., первообразъ въ Константинопольской Софіи [1]). Но видимое различіе плановъ этихъ церквей заставило ученыхъ отвергнуть это предположеніе. Артлебенъ, поэтому, видитъ таковой образецъ въ 6-столпной церкви Теотокосъ въ Константинополѣ-же, а для внѣшняго вида суздальскихъ церквей въ Солунской церкви Богоматери [2]); прот. Лебединцевъ для Кіево-Софійскаго собора указываетъ первообразы въ солунскихъ церквахъ—Софіи, Димитрія, Апостоловъ, а равно въ Маркѣ Венеціанскомъ [3]) и т. д.

Но сходство самаго общаго характера еще ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что между церквами греческими и русскими замѣчаются существенныя разности, которыя, по указанію ученыхъ [4]), состоятъ въ слѣдующемъ: 1, планы нѣкоторыхъ церквей, особенно суздальскихъ, уменьшены на сколько только возможно, такъ что вмѣсто 6 столповъ явилось только 4; 2, абсиды даже въ малыхъ церквахъ сѣвера для бо́льшаго, м. б., тепла, дѣлались полукруглыя снаружи, а не высѣкались извнутри нишами въ прямой стѣнѣ, какъ это дѣлалось у грековъ въ малыхъ церквахъ; 3, различіе есть и въ способахъ постановки одного и многихъ куполовъ надъ церковью, съ чѣмъ тѣсно связано различіе и въ формѣ сводовъ; самыя мѣста ихъ постановки на 6 и 8 столпныхъ греческихъ церквахъ другія, чѣмъ въ русскихъ; 4, различны и формы

---

[1]) Евгеній. Описаніе Кіево-Софійскаго Собора, стр. 16.—Макарій. Исторія церкви, т. I. стр. 63 (СПБ., 1868), хотя далѣе самъ же онъ указываетъ и черты различія между ними.—„Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества". Тетрадь 2-я, стр. XII: Максютинъ. „Очеркъ исторіи зодчества въ Россіи".

[2]) Труды I арх. съѣзда, стр. 292.

[3]) Труды III арх. съѣзда. О Софіи Кіевской. т. I, стр. 64.

[4]) Голубинскій. Исторія Русской церкви. II пол. I тома, стр. 36—40. Труды I арх. съѣзда: Уваровъ, стр. 253—254; Даль, стр. 278—279; Артлебенъ, стр. 294—296 и др.

барабановъ, оконъ, дверей, кровель и, наконецъ, 5, нѣкоторыя русскія церкви отличаются особымъ обиліемъ наружной орнаментики сравнительно съ церквами Греціи.—Всѣ эти особенности не могли бы явиться у насъ въ Россіи сразу, если бы наши церкви были точными снимками съ какого нибудь греческаго образца. Въ объясненіе такого недоумѣннаго явленія въ наукѣ было высказано не мало предположеній, съ которыми мы теперь и познакомимся.

Проф. Голубинскій въ суздальской архитектурѣ видитъ воспроизведеніе типа церквей, существовавшаго будто бы въ Херсонесѣ Таврическомъ. Какъ ни старался онъ доказать всецѣлую зависимость суздальскихъ храмовъ отъ греческихъ, однако, и онъ долженъ былъ допустить, что, при настоящемъ знаніи памятниковъ, нѣтъ возможности объяснить всѣ ихъ особенности путемъ заимствованія непосредственно изъ Греціи. Все, что служитъ въ глазахъ другихъ изслѣдователей признаками т. наз. романскаго стиля въ нашей архитектурѣ: длинныя полуколонки, приставленныя къ пилястрамъ, полуциркульные порталы съ рѣзными архивольтами, пояса изъ арочекъ съ колонками, особая форма куполовъ, наконецъ, рельефныя украшенія на стѣнахъ—все это, по Голубинскому, можетъ быть объяснено изъ архитектуры херсонесской [1]). Въ такомъ своемъ предположеніи Голубинскій руководился, къ сожалѣнію, не фактическими данными, а одними лишь апріорными соображеніями, что въ исторіи иногда бываетъ не особенно удобно. Свои предположенія о заимствованіи Суздалемъ архитектуры изъ Херсонеса онъ основываетъ на самой простой

---

[1]) Исторія Рус. церкви. II пол. I т., стр. 41—46. Мысль не новая. Она была высказана еще въ 1845 году Альфредомъ Мори (Alfred Maury), который думалъ, что первыя церкви Новгорода и Кіева были строимы корсунянами. Корсунь была источникомъ, откуда русскіе получали въ то время предметы искусства; отсюда же шли и первые строители храмовъ: Десятинная церковь была дѣломъ рукъ корсунянъ. Revue archeologique 1845. Coup d'oeil sur l'histoire d'architecture religieuse en Russie.

дилеммѣ: „мы могли брать мастеровъ *только* изъ Константинополя или изъ Корсуни, и если они были не изъ перваго, то необходимо должны быть изъ послѣдней“ [1]). Проф. Голубинскій, высказывая эту теорію, совершенно не хотѣлъ считаться съ тѣми результатами раскопокъ въ Херсонесѣ, какіе были уже извѣстны наукѣ еще до выхода въ свѣтъ его „Исторіи Русской Церкви“ и изложены Погодинымъ въ „Древней русской Исторіи до монгольскаго ига“ т. III. 1871 г. По рисункамъ, приложеннымъ здѣсь, можно было бы уже тогда судить объ общемъ характерѣ господствовавшей церковной архитектуры въ Херсонесѣ. Послѣ же раскопокъ, произведенныхъ здѣсь Императорской Археологической Коммиссіей, всякія предположенія о вліяніи Херсонесской архитектуры на русскую вообще и суздальскую въ частности дѣлаются совершенно невозможными. По изслѣдованіямъ Бертье Делагарди [2]) оказывается, что Херсонесъ между другими провинціями византійской имперіи былъ тѣмъ „медвѣжьимъ угломъ“, гдѣ, по бѣдности и невѣжеству жителей, не могли быть воздвигаемы никакіе иные храмы, какъ только самыя простыя базилики и то небольшихъ размѣровъ, по конструкціи ближе доступныя всякому зодчему, нежели любое купольное сооруженіе [3]). Общій типъ здѣшнихъ храмовъ—базилики трехнефныя съ одной абсидой; жертвенникъ и діаконикъ, въ видѣ особыхъ отдѣленій, находимъ только въ двухъ и то крестовыхъ, позднѣйшихъ церквахъ. Трансептъ и тріумфальная арка, внѣшніе нартексы, портики, атріумы — совершенно отсутствуютъ [4]).

Изъ всѣхъ доселѣ открытыхъ церквей [5]), какъ кажется, куполомъ была покрыта только одна (другая только на половину подходитъ къ купольнымъ [6]),

---

[1]) Исторія Рус. Церкви. II пол. I тома, стр. 42.

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи. № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса, Бертье Делагарди.

[3]) Ibid. 49.

[4]) Ibid. 50.

[5]) До 1891 г. открыто 27 церквей, изъ нихъ 8 базиликъ, 2—крестоваго типа, 1 крещальня и 16 часовень. Ibid. 38.

[6]) Ibid, стр. 40.

а представленные планы здѣшнихъ церквей [1]), своимъ отличіемъ отъ существующихъ плановъ церквей на Руси, окончательно утверждаютъ насъ въ мысли о невозможности какого либо заимствованія русскими отсюда типа своихъ церквей. „Техника и художество церковнаго зодчества въ Херсонесѣ, очевидно, стояли на самой низкой ступени развитія, не обнаруживая ни малѣйшей доли самобытности, даже въ самыхъ мелкихъ, такъ сказать, элементарныхъ попыткахъ, напр., въ орнаментаціи или въ архитектурныхъ деталяхъ [2]). Когда оказывались средства, весьма, впрочемъ, жалкія, покупался „рѣзной мраморъ“ [3]), шаблонно приготовляемый Византіею на весь христіанскій міръ,—добывался не зодчій, а кое какой еле грамотный мастеръ, который и строилъ или вновь или изъ прежде разрушенныхъ базиликъ новую, простѣйшей формы [4]). Вообще, архитектурное невѣжество и безграмотность, даже въ самыхъ населенныхъ и богатѣйшихъ частяхъ города и въ лучшихъ его постройкахъ—церквахъ, не поддаются никакому описанію“ [5]).—Эти фактическія данныя, добытыя въ новѣйшее время, какъ видимъ, рѣшительно не позволяютъ намъ послѣдовать за проф. Голубинскимъ въ его догадкахъ о вліяніи Херсонеса на Кіевъ и Суздаль въ архитектурномъ отношеніи.

Предполагаемое французскимъ ученымъ Віоле-ле-Дюкомъ вліяніе на планы русскихъ церквей плановъ церквей св. Никодима или Капникареа въ Аѳинахъ [6]) тоже оказывается несостоятельнымъ: по такимъ планамъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Артлебенъ, на Руси не было построено

---

[1]) Б. Делагарди. Табл. I—III.

[2]) Ibid. стр. 48. Въ противоположность утвержденіямъ проф. Голубинскаго о странѣ, гдѣ процвѣтало зодчество. Исторіи Рус. Церкви. II пол. I т., стр. 42.

[3]) Находки котораго и дали поводъ говорить о богатствѣ Херсонеса. Делагарди. Прим. къ 11 стр.

[4]) Ibid. 48.

[5]) Ibid. 11—12.

[6]) Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе и его будущее. Рус. перев. стр. 43. 72.

ни одной церкви, ни въ Кіевѣ, ни въ Новгородѣ, ни въ Суздалѣ [1]).

Невозможность найти среди существующихъ церквей такой прототипъ, о которомъ можно было бы сказать, что съ него, какъ съ образца, копировались наши храмы, заставила изслѣдователей искать, на основаніи сходства памятниковъ въ деталяхъ, хотя бы просто только зависимости суздальской архитектуры отъ какой либо иной,—и вотъ, на I археологическомъ съѣздѣ, гдѣ изученіе владимірскихъ древностей было поставлено на вполнѣ научную почву, высказывается въ этомъ смыслѣ цѣлый рядъ мнѣній. Какъ результаты изслѣдованій спеціалистовъ-археологовъ, мнѣнія эти доселѣ служатъ главнымъ источникомъ для знакомства съ архитектурой владимірскаго края. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы между засѣдавшими на съѣздѣ учеными было полное согласіе въ ихъ окончательныхъ выводахъ: большинство вопросовъ, поднятыхъ ими, такъ и остались нерѣшенными, а въ самыхъ попыткахъ къ ихъ рѣшенію обнаружилось такое разногласіе, что сказать, кто изъ изслѣдователей ближе стоитъ къ истинѣ, является дѣломъ весьма затруднительнымъ.

Первымъ вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію на съѣздѣ, былъ вопросъ о происхожденіи плана суздальскихъ церквей. Графъ Уваровъ, допуская вообще мысль о греческомъ вліяніи на наши церкви въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, отклонилъ отъ себя окончательное рѣшеніе, этого вопроса, сославшись на недостаточность данныхъ, представляемыхъ для того древними церквами Греціи и Россіи. Онъ говоритъ только, что „образцы греческіе не чужды были при составленіи плана суздальскихъ церквей“, но и это „мы можемъ напередъ предположить только“ [2]). Впрочемъ, въ виду другихъ данныхъ, которыя указываютъ на вліяніе Византіи на Русь, онъ на слѣдующей страницѣ называетъ это вліяніе уже „не-

[1]) Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета. III. 302.
[2]) Труды I арх. съѣзда, стр. 263.

оспоримымъ“. „Этотъ планъ (суздальскій), вѣроятно, былъ не съизнова созданъ, а отчасти заимствованъ у византійцевъ. Хотя мы можемъ признать справедливость такой догадки, но не въ состояніи теперь указать на тѣ именно планы греческихъ церквей, которые послужили образцами при составленіи нашего типичнаго плана. Къ сожалѣнію, слишкомъ мало сохранилось плановъ съ древнѣйшихъ церквей, чтобы ясно понять, какъ постепенно образовался этотъ планъ, установившійся для церквей сѣверной полосы“ [1]. Также осторожно выражаются о греческомъ вліяніи вообще Даль [2] и Филимоновъ [3]. Но неудовлетворительность этихъ общихъ замѣчаній была ясна и самимъ членамъ съѣзда: вопросъ — какъ же создался суздальскій планъ церквей? — оставался открытымъ въ наукѣ.

Такъ-какъ до 1152 года, когда, собственно говоря, и начался строительный періодъ во Владиміро-Суздалѣ, было на Руси два главныхъ центра, гдѣ процвѣтало строительное искусство, то на съѣздѣ были высказаны и двѣ теоріи о вліяніи, сказавшемся на суздальскихъ церквахъ: одна изъ нихъ гласитъ, что источникомъ при составленіи ихъ плана послужилъ Кіевъ, — другая — что это вліяніе оказалъ Новгородъ. Первую теорію особенно отстаиваетъ г. Лашкаревъ, который говоритъ, что, такъ какъ первыя постройки церквей были въ Кіевѣ, то Кіевъ для всѣхъ областей Руси и послужилъ первоисточникомъ въ дѣлѣ церковнаго строительства. Это общее соображеніе онъ подтверждаетъ фактическими данными: Троицкая церковь на вратахъ Лавры, по его мнѣнію, весьма близко подходитъ къ типичному плану суздальскихъ церквей. Планъ ея — четырех-угольникъ, приближающійся къ квадрату, — четыре столба въ срединѣ поддерживаютъ при помощи парусовъ фонарь. Наружныя пилястры, со-

---

[1]) Труды I арх. съѣзда, стр. 264.
[2]) Протоколы съѣзда, стр. XCVIII.
[3]) Ibid. XCV.

хранившіяся на нѣкоторыхъ стѣнахъ, соотвѣтствуютъ внутреннимъ столбамъ храма. Если же здѣсь нѣтъ трехъ алтарныхъ выступовъ, то это объясняется недостаткомъ мѣста: на вратахъ негдѣ было соблюдать полную форму плана. Если крыша расположена не по полукружіямъ, то это уже позднѣйшая передѣлка: на планахъ Аѳанасія Кальнофойскаго (XVII в.) покрытіе этой церкви представлено щипцовымъ—новгородскимъ,—по 3 щипца на каждой сторонѣ, что соотвѣтствуетъ тремъ полукружіямъ владимірскихъ церквей [1]).

Это сопоставленіе суздальскихъ церквей съ Троицкою на вратахъ Лавры едва-ли можно назвать особенно удачнымъ. Прежде всего, на съѣздѣ же былъ подвергнутъ весьма сильному сомнѣнію самый фактъ постройки этой церкви къ XII вѣку: г. Закревскій, несомнѣнный знатокъ кіевскихъ святынь, рѣшительно высказался противъ столь почтенной древности Троицкой церкви: онъ относитъ ея построеніе къ XV вѣку [2]). Съ другой стороны, указаніе сходства между церквами Троицкой на вратахъ и суздальскими имѣло бы гораздо болѣе смысла при допущеніи мысли о заимствованіи плана Кіевомъ отъ Суздаля, а никакъ не наоборотъ: въ Кіевской церкви замѣчается уже отступленіе отъ суздальскаго плана. Обыкновенно бываетъ такъ, что образцомъ для извѣстной постройки берутъ болѣе или менѣе законченное во всѣхъ своихъ частяхъ зданіе и затѣмъ уже, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, измѣняютъ его, сокращаютъ или дополняютъ въ деталяхъ. Но думать, чтобы строители суздальскаго края, исполняя волю своего князя Юрія Долгорукаго, желавшаго насколько возможно болѣе украсить главные центры тогдашней политической жизни сѣвера—Суздаля, Владиміра, Переяславля,—взяли за образецъ для своихъ построекъ столь несовершенную въ архитектурномъ отноше-

---

[1]) Труды I арх. съѣзда, стр. 267—271.
[2]) Ibid. Протоколы XCVIII—CI.

ніи церковь, какъ Троицкая, намъ кажется нѣсколько страннымъ. Конечно, по нуждѣ, и за отсутствіемъ лучшихъ образцовъ, и это бываетъ, но ничего подобнаго нельзя сказать про Кіевъ: строители могли найти себѣ здѣсь великолѣпные образцы въ церквахъ: св. Софіи, Михаиловской въ монастырѣ того же имени, Лаврской и др.; если же бы эти церкви показались кому нибудь слишкомъ большими и воспроизведеніе ихъ было бы не подъ силу строителю, то болѣе простые образцы онъ могъ найти въ церквахъ, и меньшихъ по размѣрамъ, какъ наприм. въ церкви Спаса на Берестовѣ, ц. св. Михаила въ Выдубецкомъ монастырѣ и др.

Не признавая непремѣнно Троицкую церковь за образецъ для суздальскихъ церквей, г. Закревскій [1]), а также особенно Д. И Иловайскій отстаиваютъ *вообще* кіевское вліяніе на составленіе ихъ плана. Иловайскій аргументируетъ свое мнѣніе тѣмъ, что суздальскіе князья,—Юрій и Андрей, имѣли постоянную связь съ Кіевомъ: Юрій всю жизнь свою стремился въ Кіевъ,—Андрей, воспитанный на югѣ, принесъ на сѣверъ готовые вкусы и симпатіи: Золотыя Ворота строятся имъ по примѣру Кіева, Боголюбовъ обстраивается, вѣроятно, по примѣру Вышгорода и такъ далѣе. Поэтому, прототипъ суздальскихъ храмовъ мы должны искать въ Кіевской Руси" [2]).—Такого же мнѣнія отчасти держался и гр. Уваровъ: „если мы сравнимъ, говоритъ онъ, планъ суздальскихъ церквей съ планами церквей, выстроенныхъ прежде XII вѣка, то, дѣйствительно, найдемъ, что нѣкоторые изъ нихъ отчасти могли служить первообразами для составленія его, хотя и эти планы во многомъ съ нимъ различествуютъ. Изъ такихъ церквей въ южной Россіи мы укажемъ въ Кіевѣ на ц. св. Василія или Трехъ Святителей, основаніе которой должно быть отнесено къ концу XII вѣка" [3]). Но на это г. Закревскій рѣшительно

---

[1]) Протоколы I Арх. съѣзда, стр. XCIX.
[2]) Протоколы I Арх. съѣзда, стр. CVI.
[3]) Труды I Арх. съѣзда, стр. 264.

заявилъ, что церковь Трехъ Святителей не могла послужить образцомъ для церквей суздальскихъ: она, прежде всего, выстроена въ концѣ XII столѣтія, а затѣмъ, не имѣетъ внутри никакихъ подпоръ или 4-хъ-стороннихъ столбовъ, а слѣдовательно, у нея нѣтъ и купола [1]).

Такимъ образомъ, въ Кіевѣ не нашлось ни одной церкви, на планъ которой можно было бы указать, какъ на несомнѣнный первообразъ плана церквей суздальскихъ. Даже самъ гр. Уваровъ, только что высказавшій приведенное выше мнѣніе, въ слѣдующихъ же строкахъ своего реферата говоритъ о возможности здѣсь и новгородскаго вліянія. Дѣйствительно, новгородско-псковская область, гдѣ греческій типъ церковныхъ построекъ былъ такъ же распространенъ, какъ и въ Кіевѣ, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть разсматриваема въ качествѣ источника, изъ котораго возможно было заимствованіе Суздалемъ плана для своихъ церквей. И тотъ же графъ Уваровъ настойчиво проводитъ эту мысль. Онъ говоритъ: „въ церквахъ южной Россіи, въ особенности кіевскихъ, нѣтъ того первообраза, который могъ бы служить основой для суздальскаго типичнаго плана". Хотя здѣсь и „есть трех-алтарное раздѣленіе и три выступа алтарной части, но эти выступы имѣютъ совершенно отличный характеръ отъ выступовъ суздальскихъ церквей. Въ суздальскихъ церквахъ выступы круглые, средній изъ нихъ выдвигается больше впередъ, чѣмъ остальные два,— между тѣмъ въ кіевскихъ церквахъ средній выступаетъ, а другіе или почти вовсе не выступаютъ, или даже закрываются совершенно толщею стѣны, такъ что снаружи является только одинъ выступъ, одна алтарная часть". „Церкви кіевскія не придерживаются типичной формы квадрата, а приближаются къ формѣ креста" [2]). Поэтому, онъ начинаетъ

---

[1]) Протоколы I Арх. съѣзда стр. XCIX.

[2]) Протоколы I Арх. съѣзда, стр. CII. Эти особенности, подмѣченныя гр. Уваровымъ, могутъ служить лишнимъ доказательствомъ мысли о не-кіевскомъ происхожденіи плановъ суздальскихъ церквей,—

говорить о новгородскомъ вліяніи на Суздаль и указываетъ, какъ на образцы для суздальскихъ церквей, на церковь св. Георгія Застѣнную въ Старой Ладогѣ, основанную, вѣроятно, въ началѣ XII в., и нѣкоторыя другія церкви Новгорода и Пскова [1]). Эта мысль его была поддержана г. Прохоровымъ [2]) и Савваитовымъ, изъ которыхъ послѣдній, въ подтвержденіе новгородскаго вліянія, привелъ, какъ особенно близкую къ суздальскимъ церквамъ по плану, церковь Спаса Преображенія въ Мирожскомъ монастырѣ [3]). Уваровъ, резюмируя мнѣнія, высказанныя по поводу вліяній на составленіе суздальскихъ плановъ, признаетъ эту ссылку также подтверждающей его мысль, проведенную имъ въ рефератѣ о новгородско-псковскомъ вліяніи [4]). Но любопытно, что на томъ же самомъ археологическомъ съѣздѣ былъ доложенъ рефератъ г. Васильева, который, желая обратить вниманіе изслѣдователей на псковскія древности и описывая особенно подробно именно Спасо-Мирожскую же церковь, приходитъ къ выводамъ, совершенно противоположнымъ только что высказанному. Послѣ подробнаго описанія храма и древняго вида его, какимъ онъ представляется ему, онъ говоритъ: „перехожу къ сравненію устройства этого храма съ устройствомъ описаннаго графомъ А. С. Уваровымъ Дмитріевскаго собора, и долженъ сказать, что почти во всѣхъ частяхъ Мирожская церковь отличается отъ Дмитріевскаго собора Планы того и другого храма различны: въ Дмитріевской—южная и сѣверная стѣны длиннѣе западной,—въ Мирожской на оборотъ: если не при-

---

если только онѣ на самомъ дѣлѣ существуютъ, должны мы прибавить съ своей стороны: мнѣніе объ алтарныхъ выступахъ выработано авторомъ, очевидно, на основаніи личныхъ его наблюденій надъ кіевскими храмами; если же судить о ихъ формѣ по планамъ, приложеннымъ у Фундуклея (Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ 1847), то разницы между кіевскими и суздальскими церквами въ этомъ отношеніи не видно почти никакой.

[1]) Труды I Арх. съѣзда, стр. 264.

[2]) Протоколы съѣзда, стр. CVII.

[3]) Ibid., стр. XCVI.

[4]) Ibid., стр. CIII.

нимать во вниманіе абсида, основаніе храма хотя и четырех-угольникъ, но съ половины оно превращается въ крестъ. Крыша на Дмитріевскомъ соборѣ четырех-скатная (очевидная ошибка автора), въ Мирожскомъ всѣ отдѣльныя четыре части имѣли столько же особыхъ покрышекъ (вѣроятно, обычныхъ въ Новгородѣ—скатныхъ, щипцовыхъ). Куполъ церковный въ Дмитріевской церкви о четырехъ (о восьми, а не о четырехъ) узкихъ окнахъ, въ Мирожской же ихъ 8, свѣтлыхъ, пространныхъ. Дмитріевскій соборъ испещренъ украшеніями, Мирожскій почти вовсе лишенъ ихъ. Кромѣ того, въ противоположность суздальскимъ церквамъ, здѣсь нѣтъ проходовъ изъ средней части алтаря въ боковые придѣлы, въ помѣщеніе жертвенника и діаконика“ [1]). Такой нежданный выводъ относительно плановъ сравниваемыхъ церквей, правда, не обратилъ на себя особеннаго вниманія другихъ членовъ съѣзда, но уже одинъ тотъ фактъ, что на одну и ту же церковь ссылаются защитники совершенно противоположныхъ мнѣній, видя въ ней—одни—ближайшее сходство, другіе—„во всѣхъ частяхъ отличіе“ отъ суздальскихъ церквей, показываетъ, что этотъ памятникъ не можетъ имѣть рѣшающаго и неоспоримаго значенія въ данномъ вопросѣ. Очевидно, что защитникамъ новгородскаго вліянія нужно было бы для большей убѣдительности сослаться на какіе либо другіе памятники. Но такъ какъ таковыхъ ими не указано, то и нужно думать, что и эта теорія не обладаетъ достаточной твердостью. И дѣйствительно, на съѣздѣ-же нѣкоторые изъ членовъ высказались открыто противъ такого вліянія: Даль, напр., какъ защитникъ ломбардскаго вліянія на суздальскія церкви, говоритъ, что мастера могли идти въ Суздаль и не чрезъ Новгородъ, окольнымъ пу-

---

[1]) Труды I арх. съѣзда, стр. 285—286. Мнѣніе о крестовомъ, отличномъ отъ кубическаго, суздальскаго, типа Спасо-Мирожской церкви было поддержано впослѣдствіи особенно г. Павлиновымъ. Древности. Труды М. Арх. Общ., т. XII, вып. I. Протоколы 26; т. XIII, вып. I, ст. Павлинова: Спасо-Мирожскій монастырь въ г. Псковѣ.

темъ чрезъ Любекъ, а прямо — чрезъ Чехію и Моравію, какъ страны православныя [1]).

Эта невозможность указать первообразъ для суздальскихъ церквей ни въ Кіевѣ ни въ Новгородѣ дала г. Погодину поводъ предположить, что здѣсь не было ничьего сильнаго вліянія, что появленіе нашего типа церквей обязано произволу мастера: „отвращеніе отъ всякой формы въ русской жизни привело нашихъ зодчихъ къ тому, что всякій строилъ по своему". На это И. И. Срезневскій совершенно справедливо замѣтилъ ему, что всякое искусство въ своемъ поступательномъ движеніи впередъ подчиняется историческимъ законамъ развитія и что въ каждой мѣстности, обыкновенно, господствуетъ одинъ, опредѣленный типъ церквей [2]).

Чтобы какъ нибудь объяснить фактъ появленія особаго плана суздальскихъ церквей, оставалось допустить одно изъ двухъ: или суздальскій планъ былъ выработанъ вполнѣ самостоятельно мѣстными строителями, или же онъ является воспроизведеніемъ типа такихъ церквей, которыя, послуживши ему образцомъ, сами съ теченіемъ времени были совершенно уничтожены. Тотъ же гр. Уваровъ явился и защитникомъ перваго мнѣнія: „въ типичномъ планѣ суздальскомъ, кромѣ византійскаго вліянія, замѣтны уже слѣды особеннаго—ни западнаго, ни византійскаго вліянія, которые слѣдуетъ признать за начатки народнаго творчества" [3]). Эта теорія о самостоятельности суздальскихъ мастеровъ въ выработкѣ мѣстнаго типичнаго плана церквей нашла себѣ приверженцевъ среди многихъ членовъ съѣзда. Д. И. Иловайскій высказываетъ это мнѣніе неопредѣленно—въ формѣ вопроса: не были-ли архитектурныя формы суздальскихъ церквей продолженіемъ прежней строительной дѣятельности у насъ? Не есть ли это выработка русскаго типа на византійской ос-

[1]) Труды I арх. съѣзда, стр. 280.
[2]) Протоколы I арх. съѣзда, стр. XCVI.
[3]) Ibid. CII.

новѣ? [1]). Даль говоритъ объ измѣненіи византійскихъ формъ подъ вліяніемъ климатическихъ условій [2]). Срезневскій толкуетъ объ отступленіяхъ отъ опредѣленныхъ плановъ сообразно съ даровитостью самихъ строителей [3]). Артлебенъ въ „Ежегодникѣ“ уже рѣшительно потомъ заявляетъ, что суздальское зодчество произошло отъ первыхъ церквей, построенныхъ Мономахомъ, во всемъ сходныхъ съ Кіевскими [4]).

Эта теорія о самостоятельности суздальскаго плана, хотя и принимаемая многими учеными, по нашему мнѣнію, также не заслуживаетъ большого вѣроятія: допустить, чтобы въ мѣстности, гдѣ каменныя постройки составляли большую рѣдкость, гдѣ дерево было до сихъ поръ единственнымъ строительнымъ матеріаломъ, нашлись вдругъ мастера, могущіе самостоятельно составлять новые планы такихъ крупныхъ каменныхъ построекъ, какъ церкви, чуть-ли не при первомъ появленіи ихъ въ краѣ, мы никакъ не можемъ. Рѣшительно непонятно, какимъ образомъ плотники могли такъ хорошо знать искусство каменныхъ построекъ? Всякое искусство идетъ въ своемъ развитіи послѣдовательно: необходимо предварительно пройти извѣстную школу, усвоить себѣ необходимыя знанія для той или иной работы, а потомъ уже и создавать, если возможно, что нибудь новое. Безъ знанія архитектурныхъ законовъ если и можно еще строить зданіе, то только съ извѣстнаго образца, потому что здѣсь отвѣтственность за пропорціональное расположеніе его частей лежитъ на мастерѣ, создавшемъ этотъ образецъ. Къ такому роду дѣятельности только и способны были, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, суздальскіе каменьщики. Мы не можемъ не согласиться съ разсужденіями

---

[1]) Протоколы I арх. съѣзда, стр. XCVI.
[2]) Ibid., стр. XCVIII.
[3]) Ibid.
[4]) Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета, т. III, стр. 278.

проф. Голубинскаго о неспособности русскихъ мастеровъ прежняго времени создавать новые планы церквей: русскіе мастера, говоритъ онъ, даже позднѣйшаго времени—до XVII столѣтія, не имѣя никакого понятія объ архитектурѣ, не могли создавать новыхъ плановъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: строителямъ указывался образецъ; никакихъ въ немъ нововведеній и собственныхъ примышленій не могло быть, ибо для сего требовалось ученое знаніе архитектуры, а безъ него дѣлать какія либо нововведенія значило бы ничто иное, какъ подвергать себя риску построить церковь, которая бы упала прежде окончанія [1]). А между тѣмъ, церкви, выстроенныя по плану, сдѣлавшемуся типичнымъ для суздальскаго края, стоятъ вотъ уже 750 лѣтъ и доселѣ поражаютъ твердостію своей конструкціи. Невольно склоняешься болѣе къ мнѣнію графа Уварова, выраженному имъ въ его рефератѣ, нежели къ его же воззрѣніямъ въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ съѣзда, когда онъ началъ уже проводить мысль о самостоятельности мѣстныхъ зодчихъ. Въ рефератѣ онъ совершенно справедливо говоритъ о трудности выработки плана мѣстными мастерами: „при сильномъ византійскомъ вліяніи мы не были на столько сильны въ искусствахъ, чтобы успѣть выработать свои народныя формы. Для такого самостоятельнаго труда необходимо было предварительное освобожденіе отъ греческаго вліянія, а потомъ—степень развитія, до котораго Россія еще не доходила“ [2]). Очевидно, держащіеся мнѣнія о самостоятельности суздальскихъ плановъ, подъ мастерами, могущими измѣнять эти планы приспособительно къ мѣстнымъ требованіямъ, разумѣютъ не суздальцевъ, а тѣхъ, которые начали ихъ учить каменному дѣлу, то есть пришлыхъ мастеровъ. Эти мастера, какъ болѣе знакомые съ строительнымъ искусствомъ, могли бы измѣнять планы созидаемыхъ зданій съ большей вѣ-

---

[1]) Исторія Рус. церкви, II пол. I т., стр. 79—80.
[2]) Труды I арх. съѣзда, стр. 263.

рой въ свои способности, если бы только хотѣли почему либо показать свое знаніе архитектурныхъ законовъ. Но предполагать послѣднее едва-ли есть особенная надобность: гороздо легче допустить, что они и въ чужой сторонѣ копировали свои, родныя имъ, постройки, тѣмъ болѣе, что, воспроизводя зданія въ знакомыхъ имъ пропорціяхъ, они могли дѣйствовать гораздо болѣе увѣренно, не подвергая себя никакому риску и не утруждая себя безъ всякой нужды новыми вычисленіями ихъ устойчивости.

Поэтому *мы думаемъ, что четырехстолпный въ планѣ типъ суздальскихъ церквей есть воспроизведеніе прежде существовавшаго въ какой либо мѣстности, но теперь уже исчезнувшаго, типа церквей.*

Но этотъ четырехстолпный планъ не былъ единственнымъ въ суздальской области: двѣ церкви—Владимірскій Успенскій соборъ андреевской постройки и Суздальскій Рождества Богородицы—имѣютъ по 6 столбовъ Очевидно, здѣсь сказалось какое-то иное вліяніе. Обращаясь къ сохранившимся на Руси отъ XI - XII вѣковъ памятникамъ, которые могли послужить для нихъ образцомъ, мы видимъ, что почти всѣ церкви большого типа были также шестистолпныя: таковы въ Кіевѣ Михайловскій соборъ [1]), Великая Лаврская церковь [2]), церковь Кириллова монастыря [3]),—въ Черниговѣ—Преображенскій соборъ [4]), въ Новгородѣ—Софійскій [5]),—заимствованіе плана, слѣдовательно, могло произойти изъ любой указанной мѣстности, конечно, особенно изъ Кіева, который во многихъ отношеніяхъ служилъ примѣромъ для другихъ городовъ. Дѣйствительно, относительно одной изъ церквей г. Суздаля мы имѣемъ въ Патерикѣ печерскомъ такого рода преданіе: „Христолюбецъ Владиміръ, вземъ мѣру

---

[1]) Фундуклей. Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1847, стр. 52.

[2]) Ibid. 60.

[3]) Ibid. 78.

[4]) Павлиновъ. Исторія русской архитектуры, стр. 8 и 23.

[5]) Ibid.

Богомъ знаменанныя церкви печерскія, и въ своемъ княженіи въ градѣ Ростовѣ созда церковь, всѣмъ подобіемъ въ высоту и широту и долготу. Сынъ же того князь Георгій.... и той въ своемъ княженіи въ градѣ Суждалѣ созда церковь въ туюжде мѣру“ [1]). Это извѣстіе о кіевскомъ вліяніи на Суздаль весьма вѣроятно и подтверждается сходствомъ плановъ, отчасти и размѣровъ, Печерской церкви, напр., даже съ теперешнимъ Суздальскимъ соборомъ [2]).

Въ свою очередь, Суздальскій соборъ, какъ весьма близко стоящій по плану и размѣрамъ къ Владимірскому Успенскому собору андреевской постройки, и послужилъ, по мнѣнію г. Артлебена, первообразомъ для послѣдняго [3]).

Не имѣя, что сказать ни за, ни противъ подобнаго утвержденія, такъ какъ сходство въ планахъ и величинѣ этихъ соборовъ, дѣйствительно, поразительное [4]), мы позволимъ себѣ въ то же время высказать здѣсь одно соображеніе, которое на первый разъ можетъ показаться нѣсколько смѣлымъ, но которое, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія. Проф. Голубинскій, настаивая на мысли, что Успенскій соборъ во Владимірѣ не былъ обстраиваемъ Всеволодомъ и что онъ вышелъ изъ рукъ Андрея Боголюбскаго такимъ, какимъ мы видимъ его теперь, приводитъ въ пользу своего мнѣ-

---

[1]) Патерикъ Печерскій. Листъ 101. Изд. 1759.

[2]) Нынѣ существующій Суздальскій соборъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, выстроенъ Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1222—1225 г.г. на мѣстѣ стоявшей здѣсь прежде церкви Владиміра Мономаха и еп. Ефрема. Преданіе Патерика Печерскаго, такимъ образомъ, должно быть относимо къ какой нибудь другой церкви, воздвигнутой здѣсь Юріемъ Владиміровичемъ, но къ какой—сказать трудно, такъ какъ отъ его построекъ въ Суздалѣ не сохранилось ни одного памятника.

[3]) Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета III, стр. 309. Г. Артлебенъ разумѣетъ здѣсь соборъ постройки Владиміра Мономаха, допуская, что о его планѣ можно судить по плану теперешняго собора, такъ какъ послѣдній заложенъ „на первѣмь мѣстѣ“, т. е., можетъ быть, на фундаментѣ существовавшей здѣсь церкви. (Лавр. лѣт. 6730). Труды I арх. съѣзда, стр. 292.

[4]) Ширина того и другого 8 с. 2 арш.; нѣкоторое удлиненіе владимірскаго собора (13 с. 2½ арш.) противъ суздальскаго (13 с. 1 арш.) объясняется увеличеніемъ абсидъ перваго при перестройкѣ его Всеволодомъ. Виноградовъ. Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора во Владимірѣ, стр. 22—23.

нія слѣдующее соображеніе: „Боголюбскій всѣми силами стремился къ сравненію своей новой столицы съ Кіевомъ, даже болѣе того—превзойти его. Какимъ же образомъ онъ могъ начать постройку собора, долженствующаго служить лучшимъ украшеніемъ города, по размѣрамъ своимъ далеко уступающую Кіевскому собору? Его каѳедральный соборъ былъ бы гораздо меньше всѣхъ тогда существовавшихъ каѳедральныхъ епископскихъ соборовъ,—а это было бы не согласно съ его планами—замѣнить Кіевъ Владиміромъ [1]). Дѣйствительно, богатѣйшій и сильнѣйшій князь на Руси, имѣя всѣ средства къ украшенію своей столицы, почему-то вдругъ строитъ храмъ, гораздо меньшій кіевскаго, служившаго гордостью великокняжескаго престола. Такого умаленія своей новой столицы предъ Кіевомъ Андрей допустить никакъ не могъ. Красоту же и все величіе Кіевскаго собора Боголюбскій могъ видѣть не задолго предъ тѣмъ: въ 1156 г. отецъ его, Юрій Долгорукій, достигъ великокняжескаго стола, сѣлъ въ Кіевѣ; сыновья же его, въ томъ числѣ и Андрей, какъ дѣятельные помощники въ достиженіи этой главной цѣли всей его жизни, были, конечно, въ Кіевѣ: извѣстно, что Андрей получилъ для себя и удѣлъ на югѣ—въ Вышгородѣ. Мы также склоняемся къ мысли о заимствованіи плана владимірскаго Успенскаго собора отъ кіевскаго Софійскаго, но, признавая за несомнѣнное перестройку нашего собора Всеволодомъ, мы беремъ на себя смѣлость, вопреки общепринятому въ литературѣ мнѣнію, высказать предположеніе, что Кіевская Софія, въ первоначальной своей постройкѣ, была не пяти-нефная, а трех-нефная. Это предположеніе можетъ подтверждаться слѣдующими историческими и археологическими данными.

Въ продолженіе всего XII вѣка мы не имѣемъ никакихъ указаній на существованіе въ Кіево-Софійскомъ соборѣ придѣловъ свв. Георгія и Михаила,

---

[1]) Голубинскій. Исторія русской церкви, II пол. I т., стр. 97.

которые помѣщаются теперь въ двухъ крайнихъ его нефахъ изъ предполагаемыхъ первоначальныхъ пяти. Прот. Лебединцевъ, подробно описывая планъ, конструкцію и всю исторію собора, не находитъ другого основанія къ предположенію о ихъ существованіи, какъ только то обстоятельство, что въ XII вѣкѣ уже былъ придѣльный алтарь во имя Іоанна Предтечи въ Великой церкви Печерскаго монастыря и что около 1180 г. становятся извѣстными въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ придѣлы во имя Рождества Богородицы и Іоакима и Анны [1],—слѣдовательно, заключаетъ онъ, можно думать, что и въ Кіевской Софіи были придѣлы уже отъ XI вѣка, ибо въ Новгородѣ они могли быть устроены по образцу кіевскому [2]. Этимъ, по его мнѣнію, и доказывается существованіе пяти нефовъ въ кіевской Софіи. Но какъ это ясно всякому, подобныя соображенія не имѣютъ большой убѣдительности; особенно же поспѣшенъ выводъ, что придѣлы въ кіевской Софіи должны существовать съ XI вѣка. Еще можно думать, что Кіевъ вообще шелъ впереди другихъ городовъ въ строительномъ искусствѣ, и что тамъ появились первые придѣлы, но утверждать, что придѣлы въ кіевской Софіи существуютъ отъ первоначальной постройки, нельзя.— Это во первыхъ.

Во вторыхъ, ни въ Константинополѣ, ни на всемъ христіанскомъ востокѣ мы не находимъ первообраза для пятинефнаго кіевскаго собора: тамъ церкви преимущественно трех-нефныя, а если и есть пяти-нефныя, то другой конструкціи, сравнительно съ кіевской. Дѣло въ томъ, что расположеніе ихъ куполовъ совершенно иное, чѣмъ на кіевской Софіи: на пяти-нефной, напр., церкви въ Мокви стоитъ всего одинъ куполъ [3], на ѳессалоникской церкви святыхъ апостоловъ, тоже пяти-нефной, хотя и пять

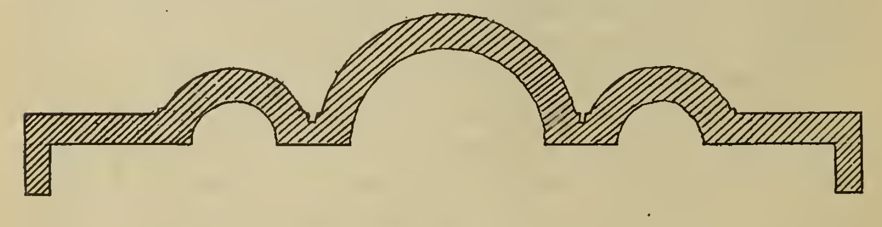
---

[1]) Лѣтописецъ Новгородскій, 6686.

[2]) Труды III арх. съѣзда, его статья: „О Святой Софіи Кіевской“.

[3]) Древности. Труды М. Арх. Общ. т. XIII, вып. I. въ приложеніи: „Программа для изслѣдованія древностей Кавказа“. рис. 8.

куполовъ, но 4 боковыхъ стоятъ здѣсь на двухъ крайнихъ отдѣленіяхъ церкви, на подобіе того, какъ расположены теперь купола владимірскаго Успенскаго собора; надъ средними же тремя нефами стоитъ одинъ куполъ [1]). Между тѣмъ, разсматривая планъ верхняго этажа Кіево-Софійскаго собора, мы замѣчаемъ, что здѣсь пять главныхъ куполовъ стояли надъ тремя его нефами, а не надъ пятью [2]), причемъ эти купола отмѣчены здѣсь, какъ принадлежащіе къ древнѣйшей постройкѣ. Какъ разъ такое же расположеніе куполовъ мы видимъ на трех-нефной Вардіевой церкви въ Ѳессалоникахъ [3]), а равно и на большихъ русскихъ церквахъ, которыя всѣ строились трех-нефными. Такимъ образомъ, допуская мысль, что кіевская Софія была выстроена изначала пяти-нефною съ расположеніемъ пяти ея куполовъ на трехъ среднихъ нефахъ, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что она представляетъ собою единственный примѣръ такого рода построекъ. Могущее возникнуть недоумѣніе, какимъ же образомъ явились два боковыхъ его нефа, легко объясняется примѣромъ Софіи новгородской: первоначально она была тоже трех-нефной. Впослѣдствіи, по какимъ то причинамъ потребовалось обнести ее кругомъ папертями [4]), за исключеніемъ, конечно, восточной стороны. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ первоначальными тремя абсидами образовалось два угла, и тогда восточная ея стѣна приняла такой видъ:

[1]) Texier and Pullan. Byzantine architecture, pl. XLVII.

[2]) Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ. Табл. 2—3.

[3]) Texier and Pullan. Byzantine architecture, pl. L.

[4]) Толстой и Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 105.

Но теперь въ соборѣ сохранилось только сѣверное квадратное отдѣленіе, южное же передѣлано въ полукруглую абсиду. Это какъ бы переходная ступень къ полному уничтоженію боковыхъ квадратныхъ отдѣленій: въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ ихъ совсѣмъ уже нѣтъ, между тѣмъ какъ во Владимірскомъ, по образцу котораго построенъ послѣдній, углы остались въ цѣлости. То же самое, что случилось съ новгородскимъ соборомъ, могло случиться и съ кіевскимъ: въ извѣстное время явилась нужда въ обстройкѣ его папертями и, такимъ образомъ, изъ трех-нефнаго онъ сдѣлался пяти-нефнымъ. Возраженіе, что способъ кладки всѣхъ пяти абсидъ—древній—ничего не говоритъ противъ этого предположенія: греческій способъ постройки держался въ Кіевѣ въ продолженіе всего XII столѣтія, такъ что вновь приставленныя абсиды вполнѣ могутъ быть одинаковой кладки съ первоначальными.—Когда началась постройка папертей около кіевскаго собора, рѣшать не беремся за отсутствіемъ для того въ лѣтописяхъ какихъ либо данныхъ; мы знаемъ лишь о новгородской Софіи, что притворы ея уже существовали къ 1144 году: въ первой Новгородской лѣтописи подъ 6652 записано: „въ то же лѣто испьсаша честно притворы вся во святѣи Софіи“. Явились-ли эти притворы раньше кіевскихъ или же позднѣе, трудно сказать: возможно, что болѣе холодный новгородскій климатъ заставилъ тамошнихъ жителей поскорѣе позаботиться о теплѣ, чѣмъ кіевлянъ, и притворы тамъ явились ранѣе. Если бы послѣднее предположеніе оправдалось, если бы до 1155—1157 г.г. кіевская Софія была еще трех-нефной, тогда объяснился бы и тотъ любопытный фактъ, что андреевскій Успенскій соборъ, будучи до тожества сходенъ съ ней по плану, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ одинаковыя съ ней пропорціи и приближается къ ней по своимъ размѣрамъ.—Такое представленіе дѣла, разрѣшая высказанное проф. Голубинскимъ недоумѣніе по поводу сравнительно меньшей величины Владимірскаго Успенскаго собора по

отношенію къ каѳедральному собору кіевскаго княжества, проливало бы въ то же время новый свѣтъ и на спорный вопросъ о количествѣ куполовъ на первоначальномъ, андреевскомъ, владимірскомъ соборѣ. Теперь на немъ 5 куполовъ, при чемъ средній стоитъ на андреевскомъ соборѣ, а четыре остальныхъ на Всеволодовскихъ боковыхъ пристройкахъ. Было-ли также и на первоначальномъ андреевскомъ соборѣ 5 куполовъ, или же только одинъ,— вопросъ спорный до сего времени. Колебанія ученыхъ въ этомъ отношеніи происходятъ отъ разногласія въ показаніяхъ самихъ лѣтописей: Лаврентьевская лѣтопись подъ 6668 г., говоря о построеніи собора Андреемъ Боголюбскимъ, замѣчаетъ: „и верхъ ея позлати“; въ Никоновской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ значится: „совръшена бысть святая церковь соборная Пречистыя Богородицы Успеніе о единомъ версѣ въ новомъ градѣ Владимери“. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію проф. Голубинскаго, изъ неопредѣленнаго слова „верхъ“ Лаврентьевской лѣтописи Никоновская сдѣлала заключеніе объ *одномъ* верхѣ, которымъ будто бы былъ украшенъ соборъ [1]). Но другая древнѣйшая лѣтопись—Ипатьевская—постоянно говоритъ о пяти верхахъ собора: подъ 6666 г.—по поводу его постройки; подъ 6689: „верхы ея позолоти“; подъ 6683 г., когда перечисляются великолѣпныя постройки Андрея въ княжествѣ; подъ 6691 г., когда его „вся 5 верховъ златая сгорѣ“ и т. д.

Такое ясное свидѣтельство одной изъ важнѣйшихъ лѣтописей, неоднократно повторенное, заставляетъ думать, что, дѣйствительно, на соборѣ была не одна глава, а пять. Проф. Голубинскій тоже доказываетъ существованіе изначала 5 верховъ, но не на трех-нефномъ, а на пяти-нефномъ соборѣ, такъ какъ онъ не допускаетъ его передѣлки Всеволодомъ [2]). Онъ никакъ не можетъ согласиться

---

[1]) Исторія рус. церкви. II пол. I т., стр. 96.
[2]) Ibid., стр. 97 и примѣчаніе къ ней.

съ мнѣніями, высказанными г.г. Артлебеномъ [1]), Иловайскимъ [2]), Погодинымъ [3]) и другими, что и непередѣланный андреевскій соборъ могъ имѣть пять главъ. Вступая въ полемику съ Артлебеномъ, онъ говоритъ: „чтобы соборъ и въ маломъ видѣ (о четырехъ столпахъ) могъ имѣть 5 верховъ, отъ этихъ словъ онъ, надѣемся, откажется“ [4]). Почему онъ надѣется на это, онъ не объяснилъ: можетъ быть, потому, что на четырех-столпной церкви нельзя умѣстить пяти куполовъ,—и это дѣйствительно, было бы трудно. Но здѣсь онъ увлекся: желая во что бы то ни стало доказать свое мнѣніе, онъ не хочетъ видѣть въ андреевскомъ соборѣ шести-столпной постройки, каковой онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а говоритъ о немъ, лишь какъ о четырех-столпномъ. На шести же столпныхъ соборахъ—Софійскомъ Новгородскомъ, и, можно думать, на Черниговскомъ, Кіево-Печерскомъ, Кіево-Михайловскомъ возможность существованія пяти куполовъ, повидимому, допускаетъ и самъ Голубинскій [5]). Вообще, кажется, можно было бы допустить, что пятикуполіе было довольно обычнымъ явленіемъ для шести-столпныхъ церквей, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ, каковы церкви въ Юрьевскомъ и Антоніевскомъ монастыряхъ въ Новгородѣ [6]). Это предположеніе внесло бы и больше единства въ наше представленіе объ архитектурномъ типѣ церквей того времени: не было бы тогда нужды говорить о типахъ церквей съ 10 внутренними столбами (владимірскій Успенскій соборъ),—съ восемью (кіево-Софійскій), съ шестью (новгородскій Софійскій, церкви: печерская, михайловская, суздальская, черниговская) [7]) и, наконецъ, съ четырьмя: тогда было бы только два типа ихъ—бо́льшія съ шестью

---

[1]) Труды I арх. съѣзда, стр. 297.
[2]) Ibid. Протоколы CV.
[3]) Ibid. CVI.
[4]) Исторія русской церкви, II пол. I т., стр. 98 примѣчаніе.
[5]) Ibid. стр. 74—76 и 2 примѣчаніе къ стр. 76.
[6]) Ibid., стр. 76 примѣчаніе 1-е.
[7]) Ibid. стр. 74 и I примѣчаніе къ ней; стр. 75—76.

столбами, и меньшія съ четырьмя; тогда владимірскій и кіевскій соборы не являлись бы какимъ-то исключеніемъ въ ряду прочихъ церквей древней Руси; не было бы тогда мѣста и недоумѣніямъ, въ родѣ, такихъ напр.: почему новгородскій соборъ построенъ не всецѣло по образцу кіевскаго? Не нужны были бы въ объясненіе ихъ и разсужденія, болѣе остроумныя, чѣмъ дѣйствительно вѣрныя исторически, будто новгородцы и ихъ князья были— на первыхъ порахъ безучастны къ своей святынѣ, будто и позднѣе, до половины XII вѣка, они продолжали мало заботиться объ ея украшеніи и т. д., съ такой подробностью развитыя у проф. Голубинскаго [1]).

Итакъ, по нашему мнѣнію, *Владимірскій Успенскій соборъ Андрея Боголюбскаго былъ выстроенъ по типичному для всѣхъ церквей большого размѣра плану и былъ съ самаго начала пятиглавымъ.*

III.

На планахъ несомнѣнно греческаго типа воздвигнуты въ суздальской области храмы, имѣющіе въ разныхъ частяхъ своихъ такія особенности, какихъ мы не встрѣчаемъ на храмахъ другихъ русскихъ областей. Отличіе это состоитъ, прежде всего, въ самой кладкѣ стѣнъ. Она состоитъ въ томъ, что на фундаментѣ предполагаемаго зданія возводились двѣ стѣнки изъ хорошо подогнанныхъ одинъ къ другому кусковъ бѣлаго камня, такъ что эти стѣнки являются извнутри и снаружи облицовкой зданія; промежутокъ между ними заполнялся мелкими камнями, щебнемъ и т. под., и все это заливалось известковымъ растворомъ, къ которому прибавлялась ячменная или ржаная мука [2]). Когда вся масса высыхала, она пріобрѣтала необычайную твер-

---

[1]) Исторія русской церкви, II пол. I т., стр. 93—94.
[2]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, стр. 5.

дость.—Думаютъ, что этотъ способъ кладки заимствованъ изъ древней Болгаріи, откуда, по свидѣтельству рукописнаго житія Андрея Боголюбскаго [1]), вывозился и самый камень для построекъ въ суздальскомъ краѣ. Это мнѣніе можетъ подтверждаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что Юрій Долгорукій, при заселеніи своихъ городовъ, вызывалъ жителей, между прочимъ, и изъ Болгаріи [2]). Сношенія съ Болгаріей въ древнее время, какъ съ страной сосѣдней съ Русью, были довольно частыя, то мирныя, то враждебныя: еще подъ 1120 годомъ въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что Юрій Долгорукій ходилъ на нихъ войной и побѣдилъ ихъ [3]). Болгары, вѣроятно, жили при дворѣ Андрея Боголюбскаго: въ лѣтописи, по поводу его убіенія, говорится, что „Болгаре и жидове плачутъ“ по немъ [4]). Татищевъ говоритъ о мастерѣ, строившемъ Юрьевскій соборъ, что онъ былъ болгарскій [5]). По изслѣдованію г. Шпилевскаго, болгарскій способъ кладки, дѣйствительно, близко подходитъ къ суздальскому [6]). Конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Болгарія оказала въ этомъ отношеніи вліяніе на Суздаль, но въ то же время не слѣдуетъ опускать изъ виду и того, что точно такой же способъ кладки и тоже въ средніе вѣка употреблялся во многихъ странахъ: въ Грузіи, Арменіи, Греціи, отчасти на Балканскомъ полуостровѣ [7]) и на западѣ въ такъ называемомъ романскомъ періодѣ архитектуры. Віоле-ле-Дюкъ [8]) даетъ въ своемъ „Словарѣ“ и рисунокъ, изображающій горизонтальный разрѣзъ одной стѣны зда-

---

[1]) Доброхотовъ. Древній городъ Боголюбовъ, стр. 70, а за нимъ и всѣ прочіе изслѣдователи.

[2]) Татищевъ. Исторія Россійская, ч. III, стр. 76. (М. 1774).

[3]) Лавр. и Ипат. лѣт. 6628.

[4]) Ипат. лѣт. 6683.

[5]) Татищевъ. Исторія Россійская, т. III, стр. 456.

[6]) Шпилевскій. Древніе города и другіе Болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань. 1877. Стр. 237.

[7]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, гр. Толстого и Н. Кондакова, вып. VI, стр. 26.

[8]) Viole-le-Duc. Dictionnaire raisonné de l'architecture française, IV, стр. 11—12: construction.

нія, до поразительности схожій съ описаннымъ выше способомъ кладки стѣнъ Дмитріевскаго собора. Разница между тѣмъ и другимъ способомъ кладки состоитъ только въ томъ, что въ растворѣ, которымъ заливали внутренность стѣны, на западѣ не клали муки, какъ въ Суздалѣ, а употребляли для того чистую известь. Проф. Голубинскій говоритъ, что примѣсь мякины въ известковый растворъ указываетъ на болгарскій способъ кладки стѣнъ [1]), но на какомъ основаніи онъ утверждаетъ это, мы не знаемъ. Въ пользу мнѣнія о болгарскомъ происхожденіи этого способа кладки говоритъ и то, по видимому, обстоятельство, что, какъ было замѣчено выше [2]), самый матеріалъ для построекъ храмовъ во Владимірѣ привозился будто бы изъ Болгаріи. Но допустить послѣднюю мысль безъ всякихъ оговорокъ мы никакъ не можемъ. Дѣло въ томъ, что сама Владимірская губернія изобилуетъ такой массой бѣлаго камня, что его хватаетъ не только на мѣстныя потребности, но и въ громадныхъ количествахъ его вывозятъ въ другіе города. Что касается качества его, то вотъ что пишетъ по этому поводу ближайшій участникъ послѣдней реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора, Протоіерей А. Виноградовъ: „Когда понадобился камень при реставраціи (собора) для нѣкоторыхъ поправокъ, то сначала весьма трудно было найти подобный тому, изъ какого построенъ соборъ. Для отысканія такого камня было командировано особое, съ спеціальнымъ знаніемъ, лицо. Командированный, послѣ многочисленныхъ и отдаленныхъ поѣздокъ, нашелъ, наконецъ, бѣлый камень совершенно одинаковаго качества съ болгарскимъ камнемъ въ новыхъ, недавно открытыхъ каменоломняхъ въ с. Георгіевскомъ, Меленковскаго уѣзда (Владимірской губерніи). Камень этотъ плотный, но на столько мягкій, что

---

[1]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви, II пол. I т., стр. 78, прим. 1.

[2]) Стр. 13.

легко перепиливаемъ былъ и къ вырѣзкѣ изъ него украшеній съ самыми разнообразными завитками, какъ нельзя болѣе удобенъ" [1]). Предполагать, чтобы камень возили изъ отдаленной Болгаріи, когда былъ свой и по близости, возможно только тогда, когда будетъ доказано, что суздальцы совершенно не знали въ то время мѣстонахожденія залежей бѣлаго камня,—а это весьма трудно допустимо, такъ какъ въ Ковровскомъ, напр., уѣздѣ камень лежитъ не глубже ½ аршина отъ поверхности земли, и не въ одномъ мѣстѣ, а во многихъ. Далѣе, если мы примемъ мысль о вывозѣ камней изъ Болгаріи для Владимірскаго Успенскаго собора и Покровской церкви на Нерли, то мы должны будемъ сдѣлать то же самое и по отношенію къ предшествующимъ храмамъ, такъ какъ и тѣ и другіе выстроены изъ одинаковаго матеріала, лѣтописи же ничего не говорятъ намъ о какихъ либо подобныхъ покупкахъ бѣлаго камня за весь строительный періодъ во Владиміро-Суздалѣ [2]).

Наружная поверхность стѣнъ владимірскихъ храмовъ представляетъ собою не гладкую плоскость, а покрыта различными украшеніями. Къ нимъ, прежде всего, принадлежатъ пилястры, закругляющіеся вверху въ видѣ арокъ. Такой мотивъ украшенія встрѣчается не исключительно только на владимірскихъ храмахъ: его можно видѣть и на кіевскихъ [3]) и на новгородскихъ [4]) церквахъ. Основываясь на этомъ сходствѣ, г. Лашкаревъ дѣлаетъ выводъ о связи суздальской архи-

---

[1]) Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. гор. Владимірѣ, стр. 106.

[2]) Доброхотовъ, приведши выдержку (цитуемую нами на 13 стр.) изъ житія Андрея, говоритъ, что перевозку камней начали производить послѣ побѣды надъ Болгарами. (стр. 70—71). Здѣсь авторъ очевиднымъ образомъ впадаетъ въ грубую ошибку: побѣда Андрея Боголюбскаго имѣла мѣсто въ 1164 году, а Успенскій соборъ былъ заложенъ въ 1158 году.

[3]) Троицкая на вратахъ Лавры, Михайловская Златоверхая, Выдубецкая. См. труды I арх. съѣзда. Протоколы, стр. XCV.

[4]) Спасо-Нередицкая церковь. См. у Толстого и Кондакова. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 129.

тектуры съ кіевской и даже о заимствованіи ея отсюда. На I арх. съѣздѣ этому вопросу былъ посвященъ даже цѣлый его рефератъ. Но намъ кажется, что общность какой либо черты въ памятникахъ сама по себѣ не есть еще доказательство непремѣнной зависимости ихъ одинъ отъ другого: эту черту оба памятника могли заимствовать изъ одного, общаго для нихъ, первообраза. Что касается, въ частности, нашихъ, своеобразной формы пилястръ, то, обращаясь къ первоисточнику русской архитектуры, къ древнимъ церквамъ Греціи, мы видимъ, что раздѣленіе фасадовъ глухими арками, соотвѣтствующее именно внутреннему дѣленію церкви столбами, тамъ составляетъ самое обычное явленіе на церквахъ, напр., Пантократора, церкви Спасителя за стѣнами (Μονη της χωρας) въ Константинополѣ [1]), церкви святаго Θеодора въ Константинополѣ [2]) же, Солунской Вардіевой [3]) и др. Не удивительно, поэтому, что подобное раздѣленіе стѣнъ явилось и у насъ въ Россіи, какъ заимствованіе изъ Византіи вмѣстѣ съ занесеніемъ къ намъ ея типа церквей непосредственно-ли, или чрезъ какую нибудь страну, гдѣ Византія тоже оказала свое вліяніе,—не удивительно, что оно отразилось и на церквахъ всѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ въ старину процвѣтало искусство—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ—какъ греческія архитектурныя традиціи. На западѣ подобныя полукруги на стѣнахъ встрѣчаются также только тамъ по преимуществу, гдѣ сказывалось греческое вліяніе—въ Венеціи, въ Падуѣ, напримѣръ [4]).—Такимъ образомъ, мнѣніе г. Лашкарева о зависимости суздальской архитектуры отъ кіевской, высказываемое имъ на основаніи указаннаго признака, по нашему мнѣнію, является нѣсколько поспѣшнымъ: основываясь на немъ, можно съ одина-

---

[1]) Lenoir. Architecture Monastique. I. 268. 269.
[2]) Pulgher. Les anciennes eglises byzantines de Constantinopole, pl. VII.
[3]) Texier and Pullan. Byzantine architecture., pl. LI.
[4]) Труды I арх. съѣзда. Даль, стр. 278.

ковымъ правомъ говорить о вліяніи на Суздаль любой изъ мѣстностей, гдѣ процвѣтало греческое искусство.

Къ пилястрамъ суздальскихъ церквей приставлены колонки, идущія отъ цокола зданія до его крыши. Указывая на эту особенность, изслѣдователи видятъ въ ней признакъ несомнѣнно романскаго искусства, потому что подобныя колонки въ особенно большомъ количествѣ встрѣчаются на западѣ [1]), и лишь одинъ проф. Голубинскій производитъ ихъ отъ архитектуры херсонесской [2]).

Если мы обратимся къ самимъ памятникамъ, то увидимъ, что приставныя колонки не были чужды и византійскому искусству: мы видимъ ихъ на барабанахъ куполовъ, какъ украшеніе, напр. церкви Спасителя за стѣнами въ Константинополѣ (Μονη της χωρας), стараго собора (Католиконъ) въ Аѳинахъ, церкви св. Ѳеодора [3]), на нартексѣ церкви Спасителя за стѣнами въ Константинополѣ [4]), на церкви Мирелея [5]) и др. У насъ въ Россіи такія колонки употреблялись въ XI—XII вѣкахъ и въ другихъ, кромѣ Суздаля, мѣстахъ: напр. на храмахъ Елецкой Божіей Матери въ Черниговѣ, Борисо-Глѣбской въ Полоцкѣ, Спаса въ Евфросиніевомъ монастырѣ [6]), св. Василія въ Кіевѣ [7]) и др. Тѣмъ не менѣе, эти колонки не составляютъ такой *характерной* черты въ постройкахъ греческаго типа, какой онѣ являются въ романскомъ искусствѣ запада. Здѣсь онѣ являются въ системѣ покрытій поддержкой сводовъ или, если покрытіе не сводча-

---

[1]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, стр. 26. Уваровъ. Труды I арх. съѣзда, стр. 254; Даль, ibid. стр. 278; Артлебенъ, ibid. 294 и др.

[2]) Голубинскій. Исторія Рус. Церкви. II пол. I т., стр. 48.

[3]) Lenoir. Architecture Monastique. I. стр. 293.

[4]) Pulgher. Les anciennes eglises byzantines de Constantinopole, pl. XVI.

[5]) Труды VI арх. съѣзда, т. II, стр. 258: Планы древнихъ церквей Константинополя. Люикса.

[6]) Павлиновъ. Исторія русской архитектуры, стр. 44 и 49.

[7]) Труды III арх. съѣзда, т. I. Кіевская архитектура X—XII вѣка, Лашкарева, стр. 266. Г. Филимоновъ, имѣя въ виду, м. б., эти примѣры, и не признаетъ колонки исключительной принадлежностью романскаго стиля. Труды I арх. съѣзда. Протоколы. XCV.

тое, то поддержкой балокъ, на которыхъ лежитъ крыша; иногда онѣ служатъ поддержкой карнизовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлись просто украшеніемъ стѣнъ, для чего онѣ располагались даже въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ [1]). Такимъ образомъ, о происхожденіи суздальскихъ приставныхъ колоннокъ, въ виду общности ихъ востоку и западу, можно судить только по ихъ стилю: въ этомъ отношеніи всѣ изслѣдователи почти единогласно утверждаютъ, что онѣ своимъ характеромъ напоминаютъ колонки романскаго стиля.

Что касается капителей нашихъ колоннъ, то они по своему типу весьма близко подходятъ къ такъ называемому римско-коринѳскому стилю романскаго искусства, имѣющему такъ же, какъ и наши колонки, украшеніе изъ листьевъ аканта и стеблей [2]). Другая форма ихъ—кубъ съ закругленіями внизу—тоже весьма обычна западу: ее мы видимъ на множествѣ памятниковъ, начиная съ XI столѣтія во весь періодъ романскаго искусства, хотя подготовительныя формы этого рода капителей замѣчаются уже въ византійскомъ искусствѣ [3]).

Крыша церквей суздальской области полагалась непосредственно на своды, что̀ напоминаетъ греческій пріемъ покрытія храмовъ. Съ запада подобное покрытіе не могло быть заимствовано: базиличная форма церквей требовала покрытія на два ската,— по крайней мѣрѣ, это было необходимо, пока базилики крылись не каменными сводами, а деревянною крышею. Хотя впослѣдствіи каменные своды и появились на базиликахъ, но форма ихъ покрытія

---

[1]) См. многочисленные рисунки у Viole-le-Duc, t. VII. „Pilier“, а также у Lubke: Geschichte der Architectur, стр. 300—463; у Reber: Kunstgeschichte des Mittelalters, глава: Die romanische Baukunst, и у другихъ историковъ романскаго искусства.

[2]) Otte. Geschichte der romanischen Baukunst in Deutschland, стр. 10. Ср. у Строганова Дмитріевскій соборъ. Пл. III. *m*. Подобныя же капители мы видимъ въ церкви св. Михаила въ Фульдѣ: Reber, Kunstgeschichte des Mittelalters, стр. 199, на Notre-Dame-des-Doms въ Авиньонѣ: Lenoir, Architecture Monastique, т. I, стр. 231.

[3]) Куглеръ. Руководство къ исторіи искусства, т. I, стр. 383.

была удержана прежняя, скатная, что мы видимъ на любомъ зданіи романскаго стиля.

Наоборотъ, на востокѣ, въ греческомъ искусствѣ, мы видимъ массу примѣровъ, когда крыша, положенная прямо на своды, обрисовываетъ послѣдніе со всей очевидностью: такъ какъ стѣны храмовъ иногда были раздѣлены на части пилястрами, соединенными между собой арками, что придавало волнистый видъ боковой сторонѣ крыши на церкви, то эту же волнистость сводовъ отражаетъ на себѣ и покрытіе, то есть происходитъ то же самое, что и на владимірскихъ храмахъ [1]). Матеріаломъ покрытія служило олово, свинецъ и мѣдь: о суздальскомъ соборѣ сказано, напр., что когда епископъ Іоаннъ обновлялъ его, то покрылъ его оловомъ [2]); у Владимірскаго Успенскаго собора верхъ (по всей вѣроятности, здѣсь разумѣется крыша) былъ позлащенъ, а слѣдовательно, былъ металлическій [3]): дѣйствительно, при реставраціи собора въ щеляхъ его стѣнъ были найдены куски олова, которое, вѣроятно, плавилось при бывшихъ въ немъ пожарахъ [4]).

---

[1]) См. церкви Пантократора, Спасителя за стѣнами города (Μονὴ τῆς χώρας), Богородицы и др. у Lenoir, Architecture Monastique. I. стр. 268—269. См. также ссылки А. Быковскаго на другіе храмы греческой постройки въ Трудахъ I арх. съѣзда, протоколы CIII. И это не есть новѣйшее покрытіе, такъ какъ подобная форма его встрѣчается, напр., уже въ минологіи Василія Македонянина: см. рисунки къ 14 января, 12 февраля, 24 октября и другіе.

Что касается формы покрытія владимірскихъ храмовъ, то между членами Московской археологической Коммиссіи, завѣдывавшими реставраціей Успенскаго собора, произошло разногласіе: Павлиновъ, Никитинъ и Филимоновъ рѣшительно высказались въ пользу щипцоваго покрытія, на подобіе новгородскаго. См. Древности. Труды Моск. Арх. Общ., т. XVI, вып. I, стр. 1—40. Въ своей „Исторіи Русской архитектуры“ (стр. 59—68, а равно и въ Древностяхъ: XI, вып. III, стр. 77; XII, вып. II, 174), Павлиновъ усиленно старается обосновать это мнѣніе и называетъ теперешнее посводное покрытіе неправильнымъ.

Для окончательнаго выясненія этого вопроса, при реставраціи Успенскаго собора, была образована особенная коммиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Уваровой, которая, на основаніи тщательнаго изученія другихъ суздальскихъ церквей, рѣшительно высказалась за кружальное покрытіе. См. Древности. Труды Моск. Арх. Общ., т. XVI, стр. 1—40.

[2]) Лавр. лѣт. 6702.

[3]) См. лѣтописныя описанія Владимірскаго Успенскаго собора.

[4]) Древности. Труды Моск. Арх. Общества, т. XVI, стр. 13.

Различіе въ формѣ покрытій обусловливаетъ и различіе въ формѣ подкровельныхъ карнизовъ нашихъ церквей, сравнительно съ романскими: тѣ имѣютъ ихъ горизонтальными, наши церкви—дугообразными, волнистыми.

Окна нашихъ храмовъ по своей формѣ рѣшительно отличаются отъ греческихъ: они представляютъ собою узкія щелеобразныя отверстія въ стѣнахъ, дающія не особенно много свѣта. Какъ выработалась такая ихъ форма, отвѣтъ на это, и довольно вѣроятный, даетъ проф. Голубинскій, который видитъ здѣсь приспособленіе къ мѣстнымъ потребностямъ края: зимній холодъ, при отсутствіи печей въ церквахъ, заставлялъ усиленно заботиться о томъ, чтобы всѣ отверстія въ стѣнахъ были какъ можно меньшихъ размѣровъ [1]). Греки дѣлали окна самыхъ разнообразныхъ видовъ даже въ одной и той же церкви. Для примѣра возьмемъ церковь св. Ѳеодора въ Константинополѣ, рисунки съ которой находимъ у Pulgher'a (Les anciennes eglises byzantines de Constantinopole, табл. VI): здѣсь мы видимъ и длинныя узкія, и широкія съ круглымъ верхомъ, и двойныя, и тройныя окна. Для защиты отъ излишней жары и свѣта окна закрывались мраморными или деревянными досками съ просверленными въ нихъ отверстіями [2]). — Но допуская возможность выработки особой формы оконъ въ суздальскихъ постройкахъ, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить въ то же время, что точь-въ-точь подобныя нашимъ окна существовали до XII вѣка въ западно-романскомъ искусствѣ: тамъ они имѣютъ такой же, какъ у насъ, откосъ внутрь и наружу стѣны [3]) и такъ же узки и длинны, какъ у насъ; поэтому, нѣкоторые изслѣдователи суздальскихъ древностей [4]), вопреки мнѣнію проф. Голубинскаго, видятъ сказав-

---

[1]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви. II пол. I т., стр. 43.

[2]) Lenoir. Architecture Monastique. I. стр. 297—305.

[3]) Viole-le-Duc. Dictionnaire raisonné etc. т. V. стр. 371: Fenêtres.

[4]) Труды I арх. съѣзда. Статьи разныхъ авторовъ: Взглядъ на архитектуру XII вѣка въ суздальскомъ княжествѣ Артлебенъ въ „Ежегодникѣ“ Влад. Губ. Стат. Комит., т. III, стр. 280—281.

шееся здѣсь романское вліяніе. На чьей сторонѣ правда—опредѣлить довольно трудно: за мнѣніе проф. Голубинскаго стоитъ общность этой формы оконъ всѣмъ русскимъ храмамъ древняго періода,—за мнѣніе о вліяніи запада—необычайное сходство ихъ съ окнами романской архитектуры.

Три абсиды нашихъ церквей обыкновенно украшались очень длинными тонкими колонками, идущими отъ цоколя до самой крыши. Этотъ видъ украшенія свойственен церквамъ всѣхъ строительныхъ центровъ древней Руси: его мы видимъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и во Владимірѣ. Очевидно, это мотивъ украшенія, бывшій въ употребленіи въ Греціи, откуда заимствована и русская архитектура. Г. Артлебенъ, дѣйствительно, утверждаетъ, что у грековъ полуколонки приставлялись къ алтарнымъ выступамъ [1]). Въ этой общности алтарныхъ украшеній г. Прохоровъ видитъ ближайшую связь суздальской архитектуры съ Кіевской [2]). Но, по наблюденію проф. Голубинскаго, владимірскія полуколонки совершенно отличны отъ новгородскихъ и кіевскихъ: на владимірскихъ церквахъ онѣ представляютъ собой въ собственномъ смыслѣ полуколонки, верхомъ своимъ достигающія карниза крыши, а низомъ опирающіяся на цоколь, между тѣмъ какъ новгородскія и кіевскія являются скорѣе жгутами, окаймляющими окна: иногда эти жгуты доходятъ до цоколя, а иногда просто висятъ на подобіе толстыхъ шнуровъ, но до карниза онѣ никогда не доходятъ [3]). И если относительно кіевскихъ и новгородскихъ украшеній этого рода Голубинскій еще склоненъ думать, что они греческаго происхожденія, то, при всемъ своемъ желаніи сказать то же о владимірскихъ, онъ не рѣшается на это: отмѣчая сходство между владимірскими и западно-романскими полуколонками, онъ говоритъ, что лучше воздержаться

---

[1]) Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит. III, стр. 279.
[2]) Русскія Древности. 1875. стр. 13—14.
[3]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви. II пол. I т., стр. 55.

отъ какихъ либо положительныхъ выводовъ [1]). Къ сожалѣнію, въ источникахъ, какими мы пользовались, намъ не удалось найти ни одной греческой церкви съ подобными нашимъ алтарными украшеніями, такъ что говорить о заимствованіи ихъ или о ихъ связи съ греческимъ искусствомъ. мы не можемъ. Если же мы сравнимъ суздальскія церкви съ нѣкоторыми изъ романскихъ зданій, то замѣтимъ между ними въ этомъ отношеніи ближайшее сходство. Для примѣра укажемъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и церкви св. Назара въ Миланѣ [2]), св. Петра (S. Pietro cielo d'oro) въ Павіи, св. Михаила и соборъ въ Моденѣ [3]), церковь въ Иссуарѣ [4]).

Барабаны нашихъ храмовъ круглые, восьми или двѣнадцатиоконные, украшены карнизами и иногда приставными колонками. — Купольныя сооруженія являются преимущественной принадлежностью востока; если же около XII вѣка мы и встрѣчаемъ купола на западѣ, то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проявлялось въ болѣе или менѣе сильной степени византійское вліяніе [5]). Такимъ образомъ, въ самомъ фактѣ существованія купола на суздальскихъ церквахъ видно уже вліяніе Византіи. Украшенія ихъ также имѣютъ сходство съ греческими: приставныя колонки, на которыхъ покоятся арочки, встрѣчаются и въ Греціи: на церкви Спасителя за стѣнами (Μονή τῆς χώρας), старомъ соборѣ въ Аѳинахъ, св. Ѳеодора въ Константинополѣ [6]) и др. Но отличіе ихъ отъ византійскихъ куполовъ заключается въ карнизѣ, который идетъ надъ арочками: подобныхъ карнизовъ на греческихъ церквахъ мы не встрѣчаемъ. Тамъ кровля купола полагалась обыкновенно или прямо на сводъ, со всѣми его неровностями, образуемыми дугами надъ колонками барабана, или же

---

[1]) Голубинскій. Исторія Русской церкви, II пол. I т., стр. 55—56.
[2]) Hubsch. Die altchristlichen Kirchen. pl. XLI. 5.
[3]) Knight. The ecclesiastical architecture of Italy. XIV, XL.
[4]) Куглеръ. Руководство къ исторіи искусства, стр. 454.
[5]) Viole-le-Duc. Dictionnaire. „Coupole", т. IV.
[6]) Lenoir. Architecture Monastique. I. 293.

надъ колонками дѣлался прямой карнизъ, на который и полагалась крыша [1]. На суздальскихъ же церквахъ поверхъ прямого карниза иногда дѣлались еще полукруглыя арочки, въ родѣ кокошниковъ (Покровская церковь на Нерли, Дмитріевскій и Успенскій соборы). Эти карнизы съ арочками наверху, по мнѣнію г. Артлебена [2], Даля [3], Быковскаго [4]) и др., являются отличіемъ, въ которомъ всецѣло проявилось романское вліяніе.—Отрицать въ этой детали отличіе суздальскихъ куполовъ отъ греческихъ мы не станемъ, но и видѣть въ ней непремѣнно романское вліяніе тоже будетъ, м. б., нѣсколько поспѣшнымъ: куполовъ съ подобными украшеніями на западѣ мы не находимъ, вообще же мотивъ арочекъ встрѣчается одинаково и на востокѣ и на западѣ.—Барабаны нашихъ храмовъ въ промежуткахъ между окнами иногда покрывались золоченой мѣдью, слѣды чего можно было наблюдать на Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ при послѣдней его реставраціи [5]. Самый же верхъ купола крылся мѣдью или желѣзомъ и былъ обыкновенно позлащенъ.

На сводъ купола непосредственно ставился въ суздальскихъ церквахъ крестъ, по греческому обыкновенію. Крестъ этотъ четырех-конечный съ отрогами внизу и—на нѣкоторыхъ церквахъ—съ птицей наверху. Для болѣе яснаго представленія себѣ его формы опишемъ, напр., крестъ владимірскаго Успенскаго собора: онъ четырех-конечный; стволъ и поперечная перекладина его представляютъ собою рамку въ 7 вершковъ ширины; на трехъ концахъ его—по кругу; какъ стволъ и перекладина, такъ и круги его украшены прорѣзными узорами изъ тол-

---

[1]) Lenoir. Architecture Monastique. I, стр. 293—295.

[2]) Труды I арх. съѣзда, стр. 296.

[3]) Ibid. стр. 278.

[4]) Протоколы I арх. съѣзда, CIV. Онъ видитъ сходныя съ купольными украшеніями Дмитріевскаго собора детали въ нѣкоторыхъ постройкахъ Швейцаріи.

[5]) Прот. Виноградовъ. Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора во Владимірѣ, стр. 110.

стой листовой мѣди. Узоры въ вертикальной полосѣ состоятъ изъ переплетенныхъ вѣтвей и травъ, на которыхъ сидятъ райскія птицы. Вышина креста 6½ арш., ширина 4½ арш. Орнаментика его вообще носитъ отпечатокъ искусства XII вѣка съ его причудливыми узорами.—Такой же крестъ стоитъ и на Дмитріевскомъ соборѣ. Но здѣсь есть нѣкоторое добавленіе сравнительно съ крестомъ Успенскаго собора: на верху креста помѣщена птица. Какъ появилось и что значитъ подобное украшеніе—до сихъ поръ еще не выяснено окончательно, и ученые въ объясненіи его разногласятъ. По наблюденію гр. Строганова, подобныя украшенія существуютъ на главнѣйшихъ церквахъ подвѣдомственныхъ кіевскому митрополиту до XI вѣка шести епархій: Кіевской, Новгородской, Черниговской, Ростовской, Владимірской на Волыни и Бѣлгородской близь Кіева; на другихъ церквахъ подобныхъ украшеній, будто бы, не было, а отсюда онъ строитъ предположеніе: не имѣло-ли подобное украшеніе какого либо отношенія къ первоначально учрежденнымъ въ Россіи архіерейскимъ столамъ, отъ которыхъ распространился въ нашемъ отечествѣ свѣтъ Христова ученія; а такъ какъ птица на Дмитріевскомъ соборѣ грудью обращена на юго-востокъ, то не указываетъ-ли это на первоначальный юго-восточный путь, какимъ шло христіанство въ суздальскій край? [1]) Здѣсь, прежде всего, нужно замѣтить, что до XI вѣка существовали не только вышеупомянутыя 6 епархій. Проф. Голубинскій рѣшительно утверждаетъ, что Владиміръ святой учредилъ, кромѣ этихъ епархій, еще и Туровскую, Полоцкую и, м. б., Тмутараканскую [2]). Изъ этихъ 8—9 епархіальныхъ церквей голубь на крестахъ существуетъ только на Кіевской, Черниговской и Новгородской: что касается остальныхъ, то о нихъ нельзя ничего

---

[1]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ. Стр. 8.
[2]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви. I пол. I т., стр. 290—294.

сказать ни положительнаго, ни отрицательнаго, за неимѣніемъ для того какихъ либо данныхъ

Если, далѣе, принять за правильную мысль, будто голубь ставился на крестахъ, какъ отличительный признакъ старѣйшей каѳедры, то непонятно, какимъ же образомъ онъ появился на Дмитріевскомъ соборѣ, а не на главномъ храмѣ княжества—Успенскомъ? Кромѣ того, епархія во Владимірѣ, по всей вѣроятности, учреждена уже послѣ постройки соборовъ [1]).—Юго-восточное направленіе груди голубя, подавшее гр. Строганову мысль объ указаніи на Кіевъ, какъ на источникъ христіанства для Руси, тоже не выдерживаетъ критики: оказывается, что во время позолоты главы и креста въ 1851 году ясно было можно замѣтить, что птица должна была вращаться по вѣтру на шпенькѣ, но шпенекъ этотъ заржавѣлъ и птица осталась безъ движенія [2]).

Послѣднее открытіе навело изслѣдователей на мысль: не былъ-ли это флюгеръ на домашней церкви князя? [3]) Но и это предположеніе едва-ли допустимо: уваженіе къ храму и св. кресту, столь сильное у нашихъ предковъ, не позволяетъ намъ мириться съ мыслью о назначеніи голубя для одной только столь суетной цѣли, какъ опредѣленіе направленія вѣтра. Для этого можно было придумать что нибудь болѣе подходящее. Кромѣ того, если бы птицы на крестахъ встрѣчались еще *только* на дворцовыхъ церквахъ, то можно было бы говорить о нихъ, какъ о флюгерахъ, удовлетворяющихъ любопытство князя; но, вѣдь, подобныя украшенія существуютъ на соборахъ Кіева, Чернигова и Новгорода, главныхъ религіозныхъ центрахъ цѣлыхъ областей. Какъ помириться съ этимъ положеніемъ въ такомъ случаѣ?—Нужно думать, поэтому, что голубь здѣсь выражаетъ какую нибудь религіозную идею, напр., пріосѣненіе

---

[1]) Около 1214 года. Голубинскій. Исторія Русской Церкви, I пол. I т., стр. 294.

[2]) Іоасафъ. Церковно-историческое описаніе владимірскихъ достопамятностей. Стр. 102. прим.

[3]) Ibid.

св. Духомъ храма и молящихся въ немъ. Нѣкоторые другіе памятники могутъ служить подтвержденіемъ этой мысли: изображеніе голубя мы встрѣчаемъ иногда на крестахъ даже тѣльныхъ, примѣръ чему мы видимъ на крестѣ XIII - XIV вѣка въ Тверскомъ музеѣ; такой же крестъ XI вѣка имѣетъ по птицѣ вверху и внизу распятія [1]). Съ особенной ясностью идея осѣненія креста Духомъ святымъ выражена на одной мозаикѣ Латеранской церкви, гдѣ изображенъ крестъ, стоящій на горѣ, а надъ крестомъ— Св. Духъ въ видѣ голубя, нисходящаго на него отъ Христа [2]).

Подъ крестомъ Дмитріевскаго собора находится украшеніе въ видѣ полумѣсяца.—Существуетъ много мнѣній относительно того, что означаетъ эта деталь. Самымъ распространеннымъ является то, по которому здѣсь изображенъ полумѣсяцъ, какъ символъ магометанства или вообще язычества, попираемый крестомъ. Это объясненіе существуетъ съ давнихъ поръ, но оно же находитъ себѣ и противниковъ. Такъ, г. Филимоновъ говоритъ, что мысли о господствѣ христіанства надъ язычествомъ не могли выражать первые украсители креста луноподобнымъ развѣтвленіемъ. Если бы была нужда выразить эту идею, то нашлась бы и болѣе подходящая для того форма, ибо этотъ символъ явился въ довольно развитую эпоху искусства; съ другой стороны, если предполагать здѣсь выраженіе идеи торжества надъ магометанствомъ, то этотъ символъ явился слишкомъ рано, когда о томъ не могло быть и рѣчи. Нельзя видѣть здѣсь и герба Византіи (Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, стр. 7), ибо неудобно было помѣщать гербъ подъ крестомъ, а въ Россіи съ этимъ значеніемъ онъ не могъ бы сильно и привиться. „Съ какой стороны ни взглянешь на вопросъ о значеніи полумѣсяца, говоритъ г. Филимоновъ, вездѣ видно, что значеніе его—драконъ", побѣду

---

[1]) Жизневскій. Описаніе Тверского музея №№ 195 и 273.
[2]) Rohault de Fleury. Le Latran au moyen âge. pl. XX.

надъ которымъ и стремится выразить этотъ символъ. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ описаніе аѳонскихъ крестовъ, которые съ глубокой древности и до XVII столѣтія имѣютъ украшеніе въ видѣ двухъ драконовъ: хвостами своими они опираются на нижнюю часть креста и, образуя, далѣе, кривую линію, изгибомъ шеи подпираютъ боковые концы его. Изображеніе креста со зміемъ внизу ведетъ свое начало съ первыхъ вѣковъ христіанства: онъ приводитъ и два рисунка, гдѣ подъ монограмными крестами изображено по змѣѣ. Если, съ теченіемъ времени, это преданіе стало затемняться и замѣняться простыми орнаментами, то все же эти орнаменты до поразительности тожественны по своей формѣ съ драконами нѣкоторыхъ крестовъ. „Внизу креста отъ боковыхъ стѣнокъ нижняго конца отдѣляются въ обѣ стороны въ толщу боковой стѣнки и какъ бы сдѣланные изъ того же куска дерева два отрога, изъ которыхъ каждый изгибается въ 2 дуги; съ боковыхъ стѣнокъ снабжены они небольшими побѣгами или отвѣтвленіями: возникая широкимъ концомъ внизу, они по мѣрѣ удаленія вверхъ по изгибу слегка утоняются и оканчиваются узкой шейкой, подпирающей боковые концы креста". Далѣе онъ описываетъ нѣкоторые древніе византійскіе кресты, подходящіе, по его мнѣнію, по своей орнаментикѣ къ драконообразнымъ украшеніямъ. „На памятникахъ древневизантійскаго зодчества, особливо внутри церквей, на мраморныхъ щитахъ алтарной преграды, четырехъ, а иногда и шестиконечные кресты изображаются снизу развѣтвляющимися. Два отрога по обѣ стороны креста идутъ совершенно подобно отрогамъ драконообразнаго орнамента, по той же кривой линіи" [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Филимонова, несомнѣнно, что здѣсь изображенъ попранный крестомъ драконъ-діаволъ. Подобнаго же мнѣнія держится и г. Павли-

---

[1]) Сборникъ Общества Древне-русскаго искусства на 1866 годъ, стр. 157—160.

новъ [1]). Не отрицая рѣшительно даннаго предположенія, мы въ то же время какъ чрезъ описаніе, только что вышеприведенное изъ статьи г. Филимонова, такъ и чрезъ разсматриванье самихъ памятниковъ, наталкиваемся на новую мысль: не выражаютъ-ли эти развѣтвленія процвѣтенія креста? Въ пользу такого толкованія говоритъ форма развѣтвленія отроговъ подъ крестами на многихъ памятникахъ: въ миніатюрѣ рукописи бесѣды Іакова изображенъ храмъ, подъ крестомъ котораго ясно виденъ растительный орнаментъ [2]). Въ „Византійскомъ альбомѣ" гр. Уварова воспроизведенъ крестъ изъ рукописи Григорія Назіанзина, у котораго снизу выходятъ отроги: ближе къ стволу они состоятъ изъ стебля, а на концахъ эти стебли имѣютъ листья [3]). На мраморной доскѣ, найденной недавно въ Херсонесѣ, около креста съ орнаментами внизу есть такая надпись на греческомъ языкѣ: „этотъ крестъ выростетъ въ отводокъ смоковницы Божіей, и жнецы не искоренятъ корней его" [4]), — надпись, ясно указывающая смыслъ отроговъ. Если же, съ теченіемъ времени, эти вѣтви креста приняли форму двухъ роговидныхъ выступовъ, то это только упрощенная форма ихъ, толкуемая то какъ полумѣсяцъ, то какъ якорь [5]), то какъ буква V (ипсилонъ), указывающая на высоту—*ὕψος* [6]).

Всѣ церкви владиміро-суздальскаго княжества имѣютъ на своихъ стѣнахъ пояса: они образуются изъ небольшого уступа (отливъ), такъ что верхняя

---

[1]) Павлиновъ. Исторія Русской архитектуры, стр. 83. 84.

[2]) Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Стр. 432.

[3]) Гр. Уваровъ. Византійскій альбомъ. т. I, вып. I, табл. XIV (текстъ).

[4]) Гр. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. IV, стр. 23.

[5]) Защитники этого мнѣнія видятъ подтвержденіе своей теоріи въ томъ обстоятельствѣ, что многія монеты временъ Константина Погоната, Ираклія и др. чеканились съ изображеніемъ креста съ якоремъ. (Душеполезнос Чтеніе 1861 г. ч. III: Кресты съ полумѣсяцемъ на главахъ храмовъ. В. Нечаева, стр. 59.—Душ. Чт. 1883 г. ч. II: „о русскихъ храмахъ" того же автора) Но разнообразіе формъ этого украшенія на многихъ другихъ памятникахъ не позволяетъ намъ принять это мнѣніе во всемъ его объемѣ.

[6]) Максимъ Грекъ. Сочиненія, т. III, стр. 124.

часть стѣнъ нѣсколько тоньше нижней; подъ этимъ уступомъ помѣщается рядъ поставленныхъ угломъ кирпичей; затѣмъ, идутъ полукруглыя арочки, которыя снизу иногда поддерживаются колонками на фигурныхъ подставкахъ.

По мнѣнію большинства изслѣдователей, этотъ мотивъ украшенія чисто западнаго происхожденія. Дѣйствительно, поразительное сходство ихъ съ памятниками запада исключаетъ всякую вѣроятность предположенія проф. Голубинскаго о самостоятельной выработкѣ ихъ гдѣ нибудь на востокѣ, напр., въ Херсонесѣ, вслѣдствіе единства вкусовъ и стремленій народовъ къ пестротѣ [1]): трудно, почти совсѣмъ невозможно, предположить, чтобы столь оригинальная, какъ наши пояса, деталь украшенія, не имѣющая для себя ни архитектурной необходимости, ни первообраза въ природѣ, была выработана у различныхъ народовъ въ совершенно тожественныхъ формахъ единственно по стремленію къ пестротѣ: выраженіе такихъ стремленій бываетъ различно даже у двухъ индивидуумовъ одного и того же народа, индивидуумовъ, воспитанныхъ въ однихъ общихъ условіяхъ ихъ жизненной обстановки; тѣмъ болѣе это различіе должно быть велико въ отдаленныхъ одинъ отъ другого цѣлыхъ народахъ. Это мы и наблюдаемъ въ исторіи орнаментальнаго искусства разныхъ странъ.—Здѣсь не нужно опускать изъ виду и изслѣдованія г. Делагарди о раскопкахъ въ Херсонесѣ, въ которомъ достаточно ясно показано, на сколько высоко было культурное значеніе этого города въ краѣ и сколь сильно было продуктивное его творчество въ области искусства.—Еще труднѣе, конечно, предположить, чтобы подобная форма поясовъ самостоятельно была выработана на чисто русской почвѣ.

Самая идея раздѣленія зданій горизонтальными поясами обща востоку и западу,—только греческіе

---

[1]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви. II пол. I т. стр. 48—49.

пояса гораздо проще, нежели романскіе: они состоятъ изъ небольшого уступа въ стѣнѣ, въ родѣ карниза,—иногда сюда присоединялся рядъ кирпичиковъ, поставленныхъ угломъ [1]). На западѣ же эти пояса гораздо богаче: выродившись изъ наружныхъ галлереекъ, тамъ они состоятъ изъ полукруглыхъ перемычекъ, поддерживаемыхъ иногда колонками на фигурныхъ подставкахъ [2]),—другими словами: тамъ мы находимъ всѣ элементы нашихъ суздальскихъ украшеній и по частямъ, и скомбинированные въ одно общее. Выводъ отсюда можетъ быть только тотъ, что суздальскія церкви заимствовали это украшеніе изъ романскаго искусства.

Порталы владимірскихъ храмовъ по своей общей конструкціи весьма близко подходятъ къ порталамъ романскимъ. У греческихъ церквей входомъ обыкновенно служатъ двери, боковыя пилястры и верхняя часть которыхъ представляютъ собою стесанные косяки, положенные, на подобіе нашихъ обыкновенныхъ дверей, подъ прямымъ угломъ другъ къ другу: они являются, такимъ образомъ, простымъ четырехугольнымъ отверстіемъ въ стѣнѣ. Правда, иногда встрѣчаются входы и съ полукруглымъ верхомъ [3]), но въ общемъ, по своей формѣ они очень далеки отъ суздальскихъ. Если же мы обратимся къ западнымъ церквамъ, то увидимъ, что устройство ихъ входовъ во многихъ случаяхъ совершенно одинаково съ нашими: они представляютъ собою входы, боковыя стороны которыхъ и верхъ скошены такъ,

---

[1]) Pulgher. Les anciennes eglises byzantines. pl. VI. церковь св. Θеодора.—Lenoir. Architecture Monastique I, стр 269, 272, 282. церкви: Теотокосъ, Капникарея, Μονη της χωρας.—Couchaud. Choix d'eglises Byzantines en Grèce. pl. 8, 9, 11, 12, 15, 20—21 и др.

[2]) Osten. Die Bauwerke in der Lombardei von 7 bis zum 14 Jahrhund.: св. Андрей Верчелльскій, pl. VIII, соборъ въ Моденѣ. XXXV; Knight, The ecclesiasticale architecture of Italie: соборы въ Веронѣ, Кремонѣ, дворецъ Теодориха. pl. I. VII. II. 12. 22. Duc. de Luynes. Racherches sur les monuments et l'histoire des Normands el de la maison de Souabe dans l'Italie meridionale: Соборъ въ Бари, пл. VII, соборъ въ Трани, пл. 12.

[3]) См. Lenoir. Arch. Monast. I, стр. 265, 273. Couchaud. Choix d'eglises byzantines en Grèce. pl. 9, 12, 28. Texiez and Pullan. Byzantine architecture. pl. L.

что къ наружи они шире, чѣмъ внутрь; скошеніе это не гладкое, а уступами, въ глубинѣ которыхъ ставились столбы. Верхнія части уступовъ и столбовъ каждой стороны двери соединялись между собой дугами. Такихъ порталовъ на западѣ множество, почти во всѣхъ церквахъ романскаго періода: достаточно взять любой атласъ съ архитектурными видами, чтобы убѣдиться въ этомъ; поэтому, мы и не утруждаемъ читателя ссылками на какіе либо примѣры [1]).

Внутреннее расположеніе и убранство нашихъ церквей сохранило во всей неприкосновенности византійскій характеръ. Въ трехъ алтарныхъ выступахъ восточной стѣны помѣщались: престолъ, жертвенникъ и діаконикъ. Эти помѣщенія соединялись между собой проходами. Верхъ престола въ нашихъ церквахъ устроялся по возможности изъ цѣлой каменной доски, какъ объ этомъ мы можемъ судить по престоламъ Покровской церкви на Нерли и Успенской въ Княгининомъ монастырѣ; изъ нихъ первый цѣлъ до настоящаго времени (1 арш. 3½ в. въ квадратѣ) [2]), а второй уничтоженъ лишь въ началѣ прошлаго столѣтія. Каково было украшеніе боковыхъ стѣнокъ престоловъ, намъ неизвѣстно: проф. Голубинскій думаетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ богатѣйшей изъ церквей — Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ — онѣ были очень богаты, по примѣру юстиніановской Софіи: можетъ быть, онѣ украшались золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями [3]). Но если мы обратимся къ памятникамъ археологіи, то встрѣтимъ здѣсь такія данныя, которыя не позволяютъ намъ безусловно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: по памятникамъ этимъ видно, что престолы въ большинствѣ случаевъ покрывались не

[1]) Между церквами на востокѣ мы можемъ указать лишь одинъ примѣръ порталовъ подобнаго рода — въ одной церкви въ Патрасѣ, но и онъ, по всей вѣроятности, представляетъ собою результатъ вліянія здѣсь крестоносцевъ. Lenoir. Arch. Monast. II, стр. 186.

[2]) Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ, стр. 77.

[3]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви. II пол. I т., стр. 144.

металлическими досками, а одеждами. Такъ, въ рукописи монаха Іакова престолъ задрапированъ матеріей [1]). Миніатюра Барбериновой псалтири (псал. CIX) представляетъ престолъ, покрытый золотою тканью съ краснымъ верхомъ [2]). На алтарныхъ стѣнахъ Кіевскаго Софійскаго собора [3]) представлены престолы, покрытые парчей. Въ Лаврентьевской лѣтописи, когда говорится о великолѣпіи Ростовской церкви и описываются ея драгоцѣнныя украшенія, мы читаемъ про еп. Кирилла, что онъ „индитью многоцѣнну доспѣ на святой трапезѣ“ [4]). На металлическія доски престола нѣтъ никакого намека и въ томъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ описываются всѣ богатства нашего собора [5]).—Надъ престолами ставился киворій. Проф. Голубинскій говоритъ, что киворіи явились позднѣе, около 1237 года, ибо подъ этимъ годомъ въ лѣтописи упоминается о его поставленіи во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ [6]). Но подобное упоминаніе лѣтописи о киворіи можетъ быть относимо и къ его возобновленію, а не только къ первоначальному его устройству. Что русскимъ былъ извѣстенъ обычай устроять киворіи надъ престолами, можно заключить изъ того, что они изображены на мозаикахъ Кіевскихъ церквей.

За престоломъ находились мѣста для священнослужителей—простыя каменныя скамьи по стѣнѣ, какъ это можно видѣть въ Переяславскомъ Преображенскомъ соборѣ и въ церкви Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ и до нашего времени.

Въ одной изъ боковыхъ абсидъ иногда устроялось мѣсто для храненія церковной казны и утвари: по крайней мѣрѣ, это извѣстно о Владимірскомъ

---

[1]) Lenoir. Arch. Monast. I, стр. 353.
[2]) Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 279.
[3]) Кондаковъ и Толстой. Русскія древности, вып. IV, стр. 125. 139. 140. 144. 163.
[4]) Лавр. лѣт. 6739 г.
[5]) Ипат. лѣт. 6683.
[6]) Лавр. лѣт. 6745. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. II пол. I т., стр. 146.

Успенскомъ соборѣ, въ которомъ до половины прошлаго столѣтія подобная кладовая существовала въ правой абсидѣ; она представляла небольшой сводчатый склепъ съ ходомъ въ него изъ алтарной стѣны. Архіепископъ Антоній, для большаго простора алтаря, приказалъ разломать его [1]).

Алтари отдѣлялись отъ остальной части храма перегородкой въ $1^1/_2$—2 арш. высоты, которая помѣщалась между ближайшими къ алтарю столбами. Съ теченіемъ времени, къ XIV—XV вѣку [2]), эта преграда выработалась въ высокій иконостасъ.

Два заднихъ столба церкви, на половинѣ своей высоты, соединялись со стѣной арками, на которыхъ устроялись хоры. Проф. Голубинскій думаетъ, что эти хоры назначались для женщинъ: онъ полагаетъ, что къ намъ перешелъ византійскій обычай, по которому мужчины стояли внизу, а женщины на палатяхъ [3]). Что касается собственно суздальскихъ церквей, то намъ кажется, что здѣсь хоры назначались совсѣмъ для другой цѣли: на нихъ, вѣроятно, стояло за богослуженіемъ княжеское семейство. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію изслѣдователей, почти около всѣхъ церквей суздальскаго края стояли княжескіе дворы, соединявшіеся съ хорами крытыми сѣнями, такъ что княжеская семья могла входить и выходить изъ церкви совершенно незримо для публики. По своей сравнительной тѣснотѣ они едва-ли могли и удовлетворять той цѣли, какую хочетъ усвоить имъ проф. Голубинскій.—Ходъ на нихъ, вѣроятно, былъ не только

---

[1]) Прот. Виноградовъ. Исторія Каѳедр. Усп. соб. во Владимірѣ, стр. 23.

[2]) Филимоновъ. Археологическія изслѣдованія по паматникамъ. Вып. I. Церковь св. Николая Чудотворца въ Липнѣ, близъ Новгорода, стр. 18. Г. Сперовскій находитъ возможнымъ отнести начало появленія высокихъ иконостасовъ къ промежутку времени между 1259—1337 г., т. е. на цѣлое столѣтіе ранѣе, чѣмъ какъ думаетъ г. Филимоновъ: Христіанское Чтеніе 1891 г. ноябрь—декабрь: Старинные русскіе иконостасы, стр. 348. Но полную форму иконостасовъ, по свидѣтельству проф. Голубинскаго, можно наблюдать лишь съ XVII столѣтія: Исторія Русской Церкви. II пол. I т., стр. 174.

[3]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви. II пол. I т., стр. 207—208.

изъ палатъ Великаго Князя, но и изъ церкви непосредственно: можетъ быть, гдѣ нибудь въ толщѣ стѣны на подобіе того, какъ это мы видимъ теперь въ Звенигородскомъ соборѣ [1]).

Правда, для входа на хоры, какъ предполагаютъ, устроялись особыя башни около западной же стѣны храма. Но что это были за башни, каково ихъ происхожденіе и назначеніе—до сихъ поръ еще не выяснено въ русской литературѣ. Проф. Голубинскій, хотя и признаетъ, что нѣчто подобное было и на западѣ и на востокѣ, однако, думаетъ, что онѣ—чисто русскаго происхожденія: русскіе имѣли обычай хранить свое добро отъ воровъ въ теремахъ, а это могло навести ихъ на мысль устраивать подобнымъ же образомъ хранилища и для церковной утвари. Вмѣстѣ съ тѣмъ, впослѣдствіи имъ же дано было назначеніе служить и ходомъ на хоры [2]). Противъ положенія, что эти башни чисто русскаго происхожденія, можно возразить только то, что совершенно подобныя же пристройки мы видимъ въ Греціи [3]) и тамъ, гдѣ процвѣтало греческое искусство [4]): тамъ эти башни служили для входа на верхъ; естественнѣе предположить, что съ таковымъ своимъ назначеніемъ онѣ появились и у насъ изъ Греціи.

Въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ былъ амвонъ, украшенный золотомъ и серебромъ [5]).—О формѣ амвоновъ того времени мы можемъ судить только по рисункамъ и описаніямъ, такъ какъ самихъ амвоновъ не сохранилось до нашего времени. Они представляли собой небольшую площадку овальной формы, приподнятую отъ полу колонками аршина на 1½—2; площадка огораживалась барьеромъ въ поясъ человѣка; съ двухъ сторонъ овала

---

[1]) Древности. Труды Моск. Арх. Общества. Кн. XI вып. 2. Хотя этотъ соборъ и позднѣйшей постройки сравнительно съ суздальскими церквами, но по своему стилю онъ весьма близко подходитъ къ нимъ.

[2]) Голубинскій. Исторія Русской церкви, II пол. I т., стр. 66.

[3]) Ibid., стр. 65: церковь св. Софіи въ Солуни.

[4]) Hubsch. Die Altchristlichen Kirchen, pl. 49; церковь св. Виталія въ Равеннѣ.

[5]) Ипат. лѣт. 6683.

устроялись входы. Стѣнки и колонки украшались болѣе или менѣе богато, смотря по средствамъ [1]).

По лѣтописямъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ нашихъ церквей украшались богатой утварью. Мы имѣемъ подробное описаніе двухъ такихъ церквей суздальскаго края: церкви Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ и Успенскаго собора во Владимірѣ: „Благовѣрный Андрѣй створи церковь сию (въ Боголюбовѣ) въ память собѣ, и украси ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безьцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цятами и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеньемъ украшена и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, съ каменьи драгими, и рѣпиды многоцѣньными, каньдѣлы различными, издну церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двѣри же и ободвѣрье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь златомъ украшена отъ вѣрха и до дѣисуса, и всею добродѣтелью церковьною исполнена, изьмечтана всею хытростью..... И доспѣ церковь камену сборъную святыя Богородица (во Владимірѣ) пречудну велми, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти, двѣри же церковьныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымь и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими поникандѣлы золотымі и серебряными просвѣті церковь, а онъбонъ отъ злата и серебра устрои, и служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а 3-е ерусалими велми ве-

---

[1]) Голубинскій. Исторія Русской Церкви, II пол. I т., стр. 197—203.

лиции, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣнь-на устрои, и всими виды и устроеньемь подобна быста удивленiю Соломоновѣ Святая Святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимѣрѣ городѣ вѣрхъ бо златомъ устрои, и коморы позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же потки золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около" [1]). Проф. Голубинскiй, основываясь на этихъ словахъ лѣтописи, говоритъ, что Успенскiй соборъ во Владимiрѣ по богатству и изяществу своихъ украшенiй не имѣлъ себѣ равныхъ ни на западѣ, ни на востокѣ, и уступалъ развѣ только одной юстинiановой Софiи [2]). Вполнѣ соглашаясь съ мыслiю, что соборъ этотъ былъ украшенъ со всевозможнымъ великолѣпiемъ, мы все же должны нѣсколько умѣрить восторженное представленiе о его богатствахъ уважаемаго профессора. Выраженiя лѣтописи въ родѣ: „вся церковь бяше злата", „по стѣнамъ и по столпамъ окованы золотомъ", „верхъ, поясъ—устроены золотомъ", „по каморомъ потки золоты и кубки и вѣтрила золотомъ устроена постави" и тому подобныя едва-ли можно понимать буквально: устроенiе золотомъ, вѣроятнѣе, имѣетъ смыслъ позлащенiя тѣхъ или другихъ предметовъ. Что соборъ, по своимъ богатствамъ въ убранствѣ далеко уступалъ не только Константинопольской Софiи, но и многимъ другимъ церквамъ, это видно изъ того, что въ немъ рѣшительно отсутствуютъ настѣнныя мозаики. Согласиться съ мнѣнiемъ проф. Голубинскаго, будто Андрей не относилъ ихъ къ числу украшенiй великолѣпныхъ и что онъ съ своими современниками не имѣлъ къ нимъ вкуса [3])—едва-ли возможно. Неужели ему нравились больше фрески, чѣмъ мозаики? Неужели безъ вкуса, съ его точки зрѣнiя, былъ

---

[1]) Ипат. Лѣт. 6683.
[2]) Голубинскiй. Исторiя Русской церкви. II пол. I т., стр. 95.
[3]) Ibid., стр. 196—197.

украшенъ алтарь, напр., св. Софіи въ Кіевѣ съ его великолѣпнымъ образомъ „Нерушимой стѣны“? — Точно также онъ впадаетъ въ преувеличенное представленіе богатствъ Владимірскаго собора и на основаніи другихъ выраженій лѣтописи. Напр., тамъ говорится, что во время пожара 1183 года въ немъ погорѣли шитыя золотомъ и жемчугомъ „порты, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владыцнихъ сѣніи во двѣ же верви чюдныхъ“ [1]. Этимъ словамъ проф. Голубинскимъ дается такой смыслъ, что протягивались по двѣ веревки отъ иконы Божіей Матери въ соборѣ до Золотыхъ городскихъ воротъ и отъ той же иконы—до сѣней „владыцнихъ“; веревки эти увѣшивались портами, шитыми золотомъ и жемчугомъ. А такъ какъ отъ собора до Золотыхъ воротъ не ½ версты, какъ думаетъ авторъ [2]), а болѣе версты [3]), то естественно было бы удивляться на ту массу драгоцѣнностей, какую заключала въ себѣ соборная ризница въ однихъ только матеріяхъ, если ихъ хватало для развѣшиванья на протяженіи 2 или даже 3 верстъ! Но, несомнѣнно, это выраженіе лѣтописи нужно понимать иначе, чѣмъ какъ понимаетъ его проф. Голубинскій: подъ „Золотыми воротами“ здѣсь слѣдуетъ понимать не городскія ворота, а просто южныя двери собора. Такое толкованіе оказывается возможнымъ потому, что въ описаніи Ростовской церкви Богородицы, на богатства которой приходили удивляться изъ окрестныхъ городовъ, говорится, что епископъ Кириллъ, украсившій церковь всякой многоцѣнной утварью „причини двери церковныя прекрасны, яже наричются Златыя, сущая на полуденьной странѣ“ [4]). Слѣдовательно, мысль о трехверстномъ протяженіи веревокъ должна быть оставлена. При такомъ по-

---

1) Ипат. лѣт. 6691.
2) Голубинскій. Исторія Русской церкви. II пол. I т., стр. 244.
3) Иловайскій—до 1½ верстъ—даже. Древности. Труды Моск. Арх. Общества, вып. IX. Прот. 22.
4) Лавр. лѣт. 6739.

ниманіи выраженія лѣтописи, богатства собора, въ нашемъ объ нихъ представленіи, должны сильно сократиться. Буквальное пониманіе лѣтописей возможно только тогда, когда онѣ точно перечисляютъ церковную утварь, указываютъ ея количество и матеріалъ, напр. въ выраженіяхъ: „ерусалимъ златъ" „3-е ерусалими велми велиции, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои" [1]), „паникадила сребряная, сосуды златыя и серебряныя, порты золотомъ шитыя съ жемчугомъ, иконы золотомъ кованныя, каменемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ" [2]): здѣсь уже нѣтъ мѣста воображенію, такъ какъ здѣсь прямо приводится опись церковной утвари. Прочія же выраженія объ „устроеніи церкви златомъ" нужно, какъ мы сказали уже, понимать въ смыслѣ простой позолоты. Не нужно забывать, что, при восхваленіи того или другого князя, лѣтописцы вообще не щадили красокъ, описывая его достоинства, какъ, полагаемъ, не щадили ихъ и при описаніи церквей.

Проф. Голубинскій, далѣе, выходя изъ общей мысли о богатствѣ нашихъ храмовъ, говоритъ о мраморныхъ мозаичныхъ полахъ, „устроенныхъ съ тѣми сложностью и великолѣпіемъ рисунковъ, какъ это было въ лучшихъ церквахъ Греціи", о мраморной облицовкѣ нижнихъ частей стѣнъ внутри, о золотомъ фонѣ всей верхней наружной части собора [3]) и т. д. Къ счастію для археологіи, при послѣдней реставраціи собора были найдены небольшіе остатки древняго пола въ видѣ кусковъ желтой, зеленой и черной мозаики, связанной цементомъ [4]). Отъ такого рода мозаикъ до мраморныхъ мозаичныхъ половъ еще очень далеко.

Въ подтвержденіе того, что лѣтописи вообще не скупятся на похвалы богатствамъ храмовъ, мы

---

[1]) Ипат. лѣт. 6683.
[2]) Лавр. лѣт. 6693.
[3]) Голубинскій. Исторія Русской церкви. II пол. I т., стр. 101—103.
[4]) Древности. Труды Моск. Арх. Общества, т. 16, стр. 4: Краткій отчетъ о реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора въ 1891 г. Трутовскаго.

можемъ привести нѣсколько примѣровъ. Только что сказавши о великолѣпіи владимірскаго Успенскаго собора, лѣтопись тутъ же сообщаетъ извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, при чемъ выражается такъ: „погорѣ и сборная дивная великая церкви святоя Богородица, якоя же не было, николи же ни будеть“ [1]). На нее приходили любоваться изъ другихъ городовъ „не токмо простьця, но и попы и игумены и весь черноризьчьскій чинъ“, потому что украшеніе ея было „чюдно зѣло“ [2]).—Боголюбовская церковь, по своимъ богатствамъ и красотѣ, кажется, нисколько не уступала владимірскому собору: лѣтописецъ говоритъ, что Андрей „удиви ю паче всихъ церквій, подобно тое святая святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый саздалъ“; видѣвшіе ее „не могутъ сказати изрядныя красоты ея“ [3]).—Смоленская церковь св. Михаила, построенная Давидомъ Ростиславичемъ, была такова, что „подобной ей не было въ полунощной странѣ и всимъ приходящимъ к ней дивитися изряднѣй красотѣ ея, иконы златомъ (и сребромъ) и жемчюгомъ и каменньнемъ драгимъ украшены, и всею благодатію исполнена“ [4]).

Такимъ образомъ, восторженный отзывъ лѣтописца объ исключительномъ богатствѣ Успенскаго собора во Владимірѣ нужно понимать лишь въ качествѣ свидѣтельства того, что онъ, дѣйствительно, былъ украшенъ богато въ сравненіи съ другими церквами, снабженъ былъ утварью и всѣмъ необходимымъ, насколько только хватало усердія и богатствъ князей, но признать, вмѣстѣ съ проф. Голубинскимъ, что Успенскій соборъ былъ такъ богатъ, что едва-ли могло сниться читателю что нибудь болѣе богатое даже во снѣ, какъ простая игра фантазіи, для которой и невозможное возможно [5]), мы воздержимся.

---

[1]) Ипатьев. лѣт. 6669.
[2]) Лавр. лѣт. 6739.
[3]) Ипатьев. лѣт. 6683.
[4]) Ibid., 6705.
[5]) Голубинскій. Исторія Русской церкви. II пол. I т., стр. 103.

Въ описанiи убранства суздальскихъ церквей мы почти все время говорили только о владимiрскомъ Успенскомъ соборѣ. Причиной этому является то обстоятельство, что объ остальныхъ церквахъ сохранилось слишкомъ мало извѣстiй, чтобы нужно было говорить о нихъ особо. Несомнѣнно, и онѣ были снабжены утварью въ достаточномъ количествѣ, были украшены, но также несомнѣнно и то, что онѣ во многомъ уступали только что перечисленнымъ выше церквамъ, такъ какъ лѣтописи говорятъ о ихъ богатствахъ только мимоходомъ.

IV.

Вопросъ о настѣнныхъ рельефныхъ украшенiяхъ владимiрскихъ храмовъ является самымъ интереснымъ, но въ то же время и самымъ труднымъ для изслѣдованiя. Появившiяся въ глухомъ, сравнительно съ другими мѣстностями древней Руси, суздальскомъ краѣ еще въ ту пору, когда каменодѣланiе находилось здѣсь въ зачаточномъ состоянiи, не имѣющiя для себя первообразовъ въ украшенiяхъ Кiева и Новгорода, наиболѣе развитыхъ центрахъ тогдашней строительной дѣятельности, они постоянно привлекали къ себѣ вниманiе любителей отечественной старины. Всѣхъ занимали вопросы: какъ они могли появиться здѣсь, чье влiянiе сказалось на нихъ, что символизируютъ они и т. д. и т. д., но, въ виду крайней трудности ихъ рѣшенiя, немногiе изъ нихъ и до сего времени нашли себѣ болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Вполнѣ научную постановку эти вопросы въ первый разъ получили на I археологическомъ съѣздѣ въ 1869 году, но тѣ выводы, къ какимъ пришли на немъ изслѣдователи, оказались далеко еще не послѣднимъ словомъ науки. Заслуга съѣзда состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ заставилъ ученыхъ археологовъ отнестись къ нашимъ памятникамъ съ особеннымъ вниманiемъ, да и не однихъ, впрочемъ, археологовъ, а и вообще всѣхъ, занимающихся

исторіей искусства: отмѣтивъ высокое историческое значеніе нашихъ памятниковъ, съѣздъ съ особенной настойчивостью выдвинулъ вопросъ о ихъ происхожденіи и далъ на него свой посильный отвѣтъ. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ обозрѣніяхъ исторіи русскаго искусства нашимъ памятникамъ начинаетъ отводиться почетное мѣсто среди прочихъ, и теперь они обслѣдованы уже довольно всесторонне. Но сказать, что въ наукѣ установился на нихъ какой нибудь вполнѣ опредѣленный взглядъ, къ сожалѣнію, никакъ нельзя. Не говоря уже о томъ, что каждый изслѣдователь ихъ рѣшаетъ вопросъ по своему, часто у одного и того же автора приводится по нѣскольку теорій, и каждая изъ нихъ подтверждается соотвѣтствующими ссылками на памятники; окончательный же выводъ, которая изъ этихъ теорій вѣрна, предоставляется дѣлать самому читателю.

Въ особенности труденъ вопросъ о происхожденіи нашихъ рельефовъ [1]): памятниковъ, вполнѣ сходныхъ съ суздальскими церквами, до сихъ поръ не отыскано, да и отыскать ихъ оказывается невозможнымъ, такъ какъ ихъ нѣтъ нигдѣ. Многіе изслѣдователи, поэтому, полагали возможнымъ рѣшать его на основаніи самихъ сюжетовъ: находя въ какой либо мѣстности изваянія, подобныя нашимъ, они старались установить тѣсную связь между ними, а иногда дѣлали предположенія и о взаимной ихъ зависимости. Но подобный путь едва-ли можетъ привести насъ къ истинѣ, такъ какъ тогда съ одинаковымъ правомъ можно будетъ говорить о заимствованіи нашего искусства какъ изъ далекаго востока, такъ и изъ Византіи, Кавказа, южно-славянскихъ земель, романскаго запада и, наконецъ, сѣверныхъ нормандскихъ странъ: во всѣхъ этихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ массу памятниковъ,

---

[1]) Здѣсь разъ навсегда слѣдуетъ оговориться, что украшенія на суздальскихъ церквахъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть называемы „прилѣпами“: они именно барельефы, *высѣченные* на камнѣ, а не сдѣланы изъ гипса и налѣплены на стѣны.

украшенія которыхъ состоятъ именно въ рѣзьбѣ-же по камню и металлу всевозможныхъ узоровъ, птицъ и животныхъ.

Еще менѣе состоятельной является попытка разрѣшить вопросъ о происхожденіи нашихъ рельефовъ путемъ допущенія теоріи о самостоятельной ихъ выработкѣ мѣстными суздальскими художниками: при несомнѣнной наличности факта ихъ сходства по стилю и сюжетамъ съ памятниками другихъ странъ, мы, принявъ эту теорію, тѣмъ самымъ должны будемъ допустить и тотъ совершенно необъяснимый въ исторіи искусства фактъ, что суздальскіе художники съумѣли выразить свои идеи въ тожественныхъ съ существующими уже въ другихъ искусствахъ формахъ. Равнымъ образомъ, мало удачной представляется и другая теорія, по которой мастерами суздальскихъ рельефовъ также были мѣстные художники, только вырабатывавшіе сюжеты не самостоятельно, а выбиравшіе мотивы для нихъ изъ разныхъ искусствъ разныхъ эпохъ: при такомъ представленіи дѣла получается впечатлѣніе, какъ будто наша суздальская область въ теченіе долгихъ вѣковъ стояла въ центрѣ вліянія на нее всевозможныхъ художественныхъ теченій, при чемъ она съумѣла усвоить себѣ многія формы ихъ проявленій и впослѣдствіи примѣнить ихъ къ украшеніямъ своихъ храмовъ. Впрочемъ, со всѣми этими теоріями мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться ниже, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію попытокъ, стремящихся уяснить смыслъ нашихъ рельефовъ.

Наиболѣе типичнымъ по своимъ настѣннымъ украшеніямъ храмомъ суздальской области является, безъ сомнѣнія, Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. Вся наружная поверхность его испещрена различными фигурами, высѣченными на бѣломъ камнѣ: здѣсь мы видимъ людей, птицъ, звѣрей, фантастическихъ животныхъ, деревья, цвѣты и т. д. Его порталы, колонки, пояса, шейка трибуна, арочки надъ колонками, капители колоннокъ и часть стѣны подъ отливомъ покрыты изящной мелкой рѣзьбой чисто декоративнаго характера. Самымъ первымъ

вопросомъ, какой являлся у любопытствующихъ, былъ тотъ: что это значитъ, что на церкви помѣщены столь странныя фигуры? Чтó онѣ символизируютъ и какое имѣютъ отношеніе къ церкви?— Первые описатели нашихъ храмовъ, мѣстные археологи, съ недоумѣніемъ останавливались передъ этими фигурами и, отказываясь дать имъ хоть какое нибудь подходящее объясненіе, выражались крайне загадочно и неопредѣленно: стѣны Дмитріевскаго собора, говорятъ они, покрыты гіерографическими изображеніями [1]), рѣзьбой, служащей признакомъ памятниковъ египетскаго происхожденія [2]), но что означаютъ эти „гіероглифы“ и какъ они появились во Владимірѣ—эти вопросы еще и не тревожатъ ихъ пытливый умъ.—Съ теченіемъ времени мѣстные изслѣдователи начинаютъ быть смѣлѣе: они высказываютъ уже и свои предположенія о смыслѣ нашихъ рельефовъ и тѣмъ полагаютъ начало многочисленнымъ догадкамъ въ этомъ направленіи, до сихъ поръ еще такъ мало давшимъ точныхъ научныхъ результатовъ. „Въ наружномъ видѣ Дмитріевскаго собора, говоритъ Доброхотовъ, съ перваго взгляда, какъ въ храмахъ Индіи и Египта, замѣчается что-то таинственное, загадочное; ибо отъ половины до самаго верха нѣтъ камня, на которомъ бы не было нарѣзано изображеній ангеловъ, людей, львовъ, грифоновъ и другихъ іероглифовъ Индѣйскаго и Египетскаго происхожденія [3]). Но когда всмотришься въ изображенія, объясняется, что все это знаменуетъ слова Давида, по которымъ всякое дыханіе должно славословить Творца неба и земли [4]). То же самое въ послѣднее время повторяютъ и гр. И. И. Толстой съ академикомъ Н. П. Кондаковымъ [5]). А для уясненія того, какимъ же образомъ

---

[1]) Взглядъ на достопамятности Владиміра. Н. Д., стр. 53.

[2]) Владимірскія губернскія вѣдомости. 1844 г. № 16. (Прибавленіе).

[3]) Почти то же повторяетъ за нимъ и Макарій въ Исторіи Рус. церкви, т. III, стр. 90 (СПБ. 1868).

[4]) Доброхотовъ. Памятники древностей во Владимірѣ Кляземскомъ. М. 1849, стр. 140—141.

[5]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 27 и слѣд.

простой человѣкъ могъ видѣть въ странныхъ, незнакомыхъ ему, животныхъ выраженіе хвалы Господу, послѣдніе проводятъ параллель между этими фигурами и сказаніями „Голубиной книги“ [1]).—Іеромонахъ Іоасафъ сближаетъ изображенія Дмитріевскаго собора со словами апокалипсиса: „и всяко созданіе, еже есть на небеси, и на земли, и подъ землею, и на мори, яже суть, и сущая въ нихъ, вся слышахъ глаголющая: сѣдящему на престолѣ, и агнцу благословеніе, и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ“ (гл. V. 13). И дѣйствительно, прибавляетъ онъ, Спаситель изображенъ сѣдящимъ на престолѣ поверхъ этихъ небесныхъ и земныхъ существъ [2]).—Віоле-ле-Дюкъ, въ своей исторіи русскаго искусства говоритъ, что здѣсь изображено твореніе міра [3]).—Г. Чаевъ предлагаетъ свое толкованіе: онъ видитъ здѣсь вліяніе „житія Димитрія Солунскаго“ на строителей собора. Въ Четьихъ-Минеяхъ подъ 26 октября есть такой разсказъ: на Солунь напали варвары и увели въ плѣнъ, между прочимъ, дѣвицъ, умѣющихъ вышивать „всякіе виды цвѣтовъ и древесъ и птицъ и звѣрей и лицъ человѣческихъ“. Языческому князю захотѣлось имѣть изображеніе мученика Димитрія, святыни Солуня, и онъ приказалъ этимъ дѣвицамъ вышить его образъ. Не смотря на все свое нежеланіе, дѣвицы вынуждены были исполнить это требованіе. По окончаніи работы, наканунѣ дня памяти Великомученика Димитрія, онѣ обратились къ нему со слезной молитвой о прощеніи имъ этого грѣха—и тотъ, невидимымъ образомъ, перенесъ ихъ спящихъ къ своему гробу въ Солунь. Этотъ разсказъ и подалъ зодчему мысль покрыть соборъ пеленой съ вышитыми на ней звѣрями, птицами и образомъ св. Димитрія, ѣдущаго на конѣ. Дабы яснѣе выразить свое намѣреніе, художникъ, вмѣсто гзымзовъ, оконныхъ,

---

[1]) Ibid., 36.

[2]) Церковно-историческое описаніе владимірскихъ достопамятностей. 1857, стр. 100, прим. 176.

[3]) Русское искусство (рус. пер.), стр. 77.

дверныхъ и т. д. опушекъ высѣкъ изъ камня плетешки, снуры, петлицы, а пелену обшилъ кругомъ бахрамой изъ висячихъ небольшихъ колоннокъ. Словомъ, вся церковь какъ бы вышита. Въ житіи сказано, что отецъ Димитрія создалъ церковь по случаю его рожденія—и на Дмитріевскомъ соборѣ есть мужъ, сидящій съ младенцемъ, а четыре человѣка кланяются ему. Упоминаемое въ житіи единоборство Нестора съ язычникомъ также изображено на пеленѣ. Ап. Петръ ведетъ въ рай однѣхъ женщинъ (фрески внутри собора): одежды на двухъ женщинахъ вышитыя—это указываетъ на дѣвицъ, вышивавшихъ образъ. И это сдѣлано для поученія народа: все было полно значенія въ храмѣ; каждое узорочье, каждый гзымзъ, колонка, главка ставились, какъ буква, слово цѣлаго рѣченія. Нѣмые камни провѣщевали, поучали, пѣли былины. Зодчество было каменной грамотой: стоя передъ церковью, народъ по украшеніямъ читалъ, какъ по грамотѣ, житія, похвалы и каноны. Покровская церковь, похожая по украшеніямъ на Дмитріевскій соборъ, по толкованію автора, имѣетъ на себѣ какъ бы омофоръ Божіей Матери, покрывающій ее. Но мысль эта, прибавляетъ авторъ, выражена художникомъ неудачно [1]). Натянутость подобныхъ объясненій слишкомъ очевидна, чтобы нужно было еще опровергать ихъ; всего же оригинальнѣе здѣсь критика автора своей неудачной догадки о смыслѣ украшеній Покровской церкви, который онъ приписываетъ художнику.

Общій всѣмъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ недостатокъ заключается въ томъ, что рельефы принимаются здѣсь всѣ въ совокупности, какъ нѣчто цѣлое, какъ одна картина, части которой находятся во взаимоотношеніи между собой: если, вмѣстѣ съ Доброхотовымъ, Кондаковымъ и др., видѣть здѣсь выраженіе одной мысли—хвалы твари своему Созда-

---

[1]) Древняя и Новая Россія. 1875, № 6: о русскомъ старинномъ церковномъ зодчествѣ, стр. 150—151.

телю, то какъ же объяснить присутствіе здѣсь такихъ фигуръ, какъ напр., восхожденіе Александра Македонскаго, сцены изъ охоты, борьбу звѣрей между собой и т. под.? Объясненіе Кондакова и Толстого, что изображеніе дикихъ звѣрей, сообразно ихъ натурѣ, борющимися, терзающими другъ друга, произошло не потому, „чтобы рѣзчикъ-каменотесъ намѣренно хотѣлъ представить эту звѣрскую ихъ натуру, но, конечно, потому, что таковы были имѣвшіеся уже у него декоративные шаблоны, композиціи, сложившіяся вовсе не въ храмовыхъ рельефахъ, но въ средѣ искусства свободнаго характера и содержанія, а именно восточнаго“ [1], —это объясненіе едва-ли особенно убѣдительно. Что мастера работали по ранѣе выработаннымъ шаблонамъ, мы этого отрицать не будемъ, но чтобы у нихъ было такъ мало сообразительности, чтобы помѣщать звѣрей, раздирающихъ другъ друга, ради выраженія идеи хвалы всей твари своему Создателю, это едва-ли удободопустимо. При недостаточности же у мастеровъ подходящихъ сюжетовъ гораздо проще было лишній разъ повторить одну и ту же фигуру, чѣмъ помѣщать такія изъ нихъ, которыя вовсе не гармонируютъ съ выражаемой идеей.

Неосновательность почему-то съ такой любовью защищаемой въ послѣднее время теоріи „о подчиненіи декоративной стороны (собора) общей, всюду развитой и потому незамѣтной сначала, религіозной мысли“ [2]) была сознана уже давно, и для уясненія смысла суздальскихъ рельефовъ были сдѣланы новыя попытки. Такъ, еще гр. Строгановъ, въ своей монографіи о Дмитріевскомъ соборѣ, выразилъ мнѣніе, что, хотя фигуры здѣсь и не представляютъ цѣльной картины, однако, большинство ихъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ жизни Великомученика Димитрія: изъ жизнеописанія сего святого мы знаемъ, что онъ былъ проконсуломъ въ Македоніи и управ-

---

[1]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 30.
[2]) Ibid.

лялъ городомъ Селунемъ; что первое дѣло, обратившее на него гнѣвъ Императора Римскаго, было покровительство, оказанное имъ Нестору, вызвавшемуся на смертный бой съ любимцемъ Максима, гладіаторомъ Ліемъ; вѣроятно-ли, чтобы изъ числа 20 различныхъ изображеній, покрывающихъ поля Дмитріевскаго собора, 15 случайно относились къ мѣстностямъ Македоніи и къ дѣйствіямъ цирка? Напр., 1) левъ, раздирающій оленя; 2) левъ, раздирающій кабана; 3) левъ, раздирающій быка—находятся въ медаляхъ гор. Аханта; 1) два кентавра съ вѣтвію въ рукахъ; 2) волъ, стоящій направо, другой—налѣво; 3) стрѣлецъ съ лукомъ въ рукахъ—на медаляхъ Амфиполя; 1) оселъ стоящій; 2) оселъ на заднихъ ногахъ предъ кустомъ съ виноградными лозами—гор. Менда; 1) быкъ, стоящій направо—гор Пелла; 1) коза, стоящая направо; 2) два кентавра—одинъ направо, другой налѣво—гор. Фессаоникъ (Селуня). Наконецъ, изображеніе двухъ бойцовъ,—человѣка, закалывающаго звѣря,—другого съ лукомъ,—третьяго, раздирающаго пасть у льва: изображенія, намекающія на ристалища амфитеатра [1]). Такого же мнѣнія о нихъ держится и Рихтеръ [2]) и др.

По поводу высказаннаго Строгановымъ предположенія слѣдуетъ, прежде всего, сказать то, что когда скульпторъ-художникъ хочетъ дать зрителямъ представленіе о какомъ нибудь предметѣ или событіи, онъ никогда не поступаетъ такъ, какъ поступилъ украситель Дмитріевскаго собора: обыкновенно, изображенія, имѣющія связь между собою, помѣщаются такъ, чтобы для всѣхъ была понятна эта связь,—они помѣщаются въ извѣстномъ порядкѣ, послѣдовательности, чтобы оставалось цѣльное впечатлѣніе отъ картины, а не приходилось бы искать разрозненныхъ частей ея въ различныхъ мѣстахъ зданія. А здѣсь именно такъ и сдѣлано, если при-

---

[1]) Дмитріевскій соборъ, стр. 9.

[2]) Рихтеръ. Очерки древне-русскаго зодчества: „Объясненіе фигуръ Строгановымъ болѣе чѣмъ вѣроятно“. Тетр. I, стр. 2.

нять объясненіе Строганова: напр., фигуры, намекающія, по его мнѣнію, на ристалища въ амфитеатрѣ, помѣщены въ различныхъ мѣстахъ собора: человѣкъ съ лукомъ—на западной сторонѣ (пл. IV. 2); человѣкъ, закалывающій звѣря – на сѣверной (пл. VIII. 2); два бойца—на южной (пл. XI. 2) и т. д. Такого рода способъ изображенія картинъ недопустимъ въ искусствѣ, и скорѣе можно не соглашаться съ тѣмъ, что хочетъ доказать авторъ предположенія [1]) Конечно, можно думать, что изображенія на стѣнахъ собора ранѣе были расположены въ другомъ порядкѣ и сочетаніи, чѣмъ въ какомъ они находятся теперь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ. Если мы обратимъ вниманіе на планъ VIII у Строганова, то увидимъ, что нѣкоторыя фигуры находятся совсѣмъ не въ томъ положеніи, къ какомъ онѣ должны бы были быть: левъ, птица и какія то другія животныя стоятъ бокомъ по отношенію къ другимъ фигурамъ; пл. XI, 3, воспроизводитъ между животными и растеніями такой мотивъ украшенія, которому мѣсто скорѣе было бы на одной изъ колоннъ пояса или на архивольтѣ порталовъ,—здѣсь же онъ своей отрывочностью свидѣтельствуетъ о позднѣйшей вставкѣ. Нужда въ подобныхъ вставкахъ, несомнѣнно, иногда должна была чувствоваться: нѣкоторые камни могли ветшать и ихъ нужно было замѣнять новыми. Когда были произведены эти вставки, мы не знаемъ: можетъ быть, даже во время послѣдней реставраціи собора въ 1847 году. До этой

---

[1]) Мы не можемъ оспаривать Строганова въ его утвержденіи, что упоминаемыя имъ животныя находятся на монетахъ городовъ Македоніи; но есть-ли они на стѣнахъ Дмитріевскаго собора? Гдѣ, напр., левъ, раздирающій кабана? Гдѣ коза? Гдѣ быкъ? Основываясь на изданіи рельефовъ Строгановымъ, можно подъ фигурами, тамъ представленными, разумѣть какихъ угодно животныхъ. Да и вообще, изданіемъ Строганова слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно: здѣсь есть много фигуръ, которыя вовсе не даютъ точнаго представленія о рельефахъ нашихъ памятниковъ. Возьмемъ, напр., подставки колоннокъ пояса (пл. V. e, i): головной уборъ изображенныхъ здѣсь фигуръ, типъ лица, положеніе ногъ—все это весьма сильно напоминаетъ намъ египетскихъ сфинксовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Ср. изд. Прохорова и Полевого.

реставраціи около него была какая-то пристройка, тоже украшенная рельефами: куда дѣвались изсѣченные ея камни, не ими-ли были замѣнены выпавшіе и испортившіеся камни стѣнъ собора,—намъ ничего не извѣстно, такъ какъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній объ этой реставраціи. Во всякомъ случаѣ, отсюда еще далеко до предположенія о возможности перемѣщенія фигуръ, одной на мѣсто другой, во всемъ соборѣ. Строгановъ, далѣе, утверждаетъ, что на стѣнахъ собора изображены гербы подвѣдомственныхъ св. Димитрію городовъ Македоніи. Утвержденіе это предполагаетъ въ скульпторѣ Дмитріевскаго собора такого знатока геральдики, какимъ едва-ли могъ быть мастеръ каменнаго дѣла: твердо знать гербы такихъ маленькихъ къ XII вѣку городковъ, какъ Пеллу, Менда, Аханта и др., могъ развѣ только житель самой Македоніи. Можно, конечно, предположить, что эти гербы часто воспроизводились на зданіяхъ, посвященныхъ памяти св. Димитрія, но для такого предположенія мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Кромѣ этихъ соображеній, непозволяющихъ намъ согласиться со взглядами Строганова. мы можемъ указать еще на то обстоятельство, что фигурами, подобными нашимъ, украшались и другія церкви и зданія, ничего общаго съ Великомученикомъ Димитріемъ неимѣющія.—*Поэтому, мы склонны слѣдовать мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые думаютъ, что изображенныя здѣсь фигуры, за исключеніемъ отдѣльныхъ сценъ въ родѣ, напр., крещенія Господня (южн. стор.), служатъ, и были къ тому назначены съ самаго начала, просто для украшенія и оживленія большихъ плоскихъ поверхностей стѣнъ собора.*

Изъ отдѣльныхъ сценъ и фигуръ владимірскихъ храмовъ, зрителю, прежде всего, бросается въ глаза фигура, занимающая центральное мѣсто среди прочихъ—вверху среднихъ отдѣловъ лизенъ. Эту фигуру мы видимъ на Покровской церкви и на Дмитріевскомъ соборѣ. Она представляетъ святого, сидящаго на престолѣ; на головѣ его—вѣнецъ;

правая рука поднята какъ бы для благословенія; лѣвой онъ поддерживаетъ продолговатый четырехугольникъ, стоящій у него на колѣнахъ; на четырех-угольникѣ намѣчены поперечныя (Дмитріевскій соборъ) или продольныя (Покровская церковь) черты. До изданія „Трудовъ I арх. съѣзда“ въ литературѣ существовало мнѣніе, что здѣсь изображенъ Спаситель [1]), и это мнѣніе высказывалось сперва даже и на самомъ съѣздѣ [2]). Подтвержденіемъ этого мнѣнія являлась исключительная тождественность постановки этой фигуры, какъ она изображена, напр., на западной стѣнѣ Дмитріевскаго собора: здѣсь она окружена не только птицами и звѣрями, но и ангелами: одинъ надъ ея головою какъ бы съ благоговѣніемъ приникаетъ къ ней, другой (направо) -- простираетъ къ нему лѣвую руку, а въ правой что-то держитъ (свитокъ?), третій въ одной рукѣ держитъ нѣчто въ родѣ шара, а другую поднялъ какъ бы для благословенія [3]). Но г. Артлебенъ, изслѣдовавшій, по порученію съѣзда, особенно тщательно эту фигуру на Дмитріевскомъ соборѣ и Покровской церкви, замѣтилъ на послѣдней около головы ея надпись: СТЪ -І ДВД—св. царь Давидъ [4]). Хотя эта надпись и находится только на указанной церкви, но въ виду очень сходнаго положенія описываемой фигуры по отношенію къ другимъ и на Дмитріевскомъ соборѣ, можно полагать, что на обѣихъ церквахъ она изображаетъ одно и то же лицо [5]).

Фигура, изображенная на южной сторонѣ Димитріевскаго собора, въ которой Прохоровъ уви-

---

[1]) Доброхотовъ. Памятники древности во Владимірѣ Кляземскомъ, стр. 141. Боголюбовъ монастырь, стр. 74.

[2]) Уваровъ, стр. 260.

[3]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, пл. IV.

[4]) Протоколы I арх. съѣзда, стр. XCVI. Удивительно, что художникъ, срисовывая эту фигуру для изданія Строганова, не замѣтилъ этой надписи, хорошо видимой прямо съ земли.

[5]) Ibid., см. стр. XCVI—XCVIII, гдѣ гр. Уваровъ подробно разбираетъ детали этой фигуры и указываетъ такія же изображенія въ другихъ мѣстахъ. Кондаковъ и Толстой, выходя изъ своей теоріи о выраженіи на храмѣ идеи хвалы Творцу отъ твари, видятъ въ этой фигурѣ то новозавѣтнаго Эммануила, Творца, Мессію, то юнаго царя Соломона. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 36.

далъ первоначально какую-то женскую фигуру [1]), представляетъ восхожденіе Александра Македонскаго на небеса.—Легенда о подвигахъ Александра Македонскаго была весьма распространена въ средніе вѣка во всѣхъ странахъ востока и запада [2]), и нѣтъ ничего удивительнаго, что одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ его жизни довольно часто воспроизводился въ памятникахъ скульптуры [3]). Такъ какъ на византійскихъ памятникахъ эта фигура встрѣчается довольно рѣдко [4]), то гр. Уваровъ заключаетъ отсюда, что она является особенностью преимущественно западнаго искусства [5]). Однако, трудно согласиться съ этой мыслью, если правда, что разсказъ о подвигахъ Александра Македонскаго былъ такъ распространенъ въ странахъ востока и запада, какъ говоритъ о томъ Дюранъ. Если гр. Уварову остались неизвѣстными памятники востока, то это еще не значитъ, что они тамъ были и мало распространены: нужно только вспомнить, сколько претерпѣлъ востокъ отъ нашествія какъ азіатскихъ варваровъ, такъ и цивилизованныхъ крестоносцевъ, съ одинаковой свирѣпостью уничтожавшихъ памятники искусства. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ разгромъ

---

[1]) Прохоровъ. Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ. 1871 кн. III, стр. 28; ср. „Русскія древности“ 1875 г. стр. 46, гдѣ онъ уже склоняется къ признанію здѣсь Александра Македонскаго.

[2]) Annales Archéologiques. XXV. J. Durand: Légende d'Alexandre le Grand, стр. 141—158. Здѣсь же указаны многочисленные памятники скульптуры съ этимъ сюжетомъ; здѣсь и подробный разборъ легенды. Въ русской литературѣ см. Русскій Вѣстникъ 1873 г. № 12, (108 томъ) Буслаевъ: Клинообразныя надписи Ахименидовъ.

[3]) Cahier. Nouveaux Melanges d'archéologie I, стр. 165—174, гдѣ приведены многочисленные снимки съ разбираемаго нами сюжета: въ Фрибургѣ, Ремагенѣ, Балѣ и др. Самая легенда, о которой у насъ идетъ рѣчь, гласитъ, что Александръ поймалъ двухъ грифовъ и запрягъ ихъ въ корзинку; затѣмъ, воткнувши на два шеста по куску мяса (или по зайцу) и помѣстившись самъ въ корзинѣ, онъ поднялъ шесты кверху: голодные грифы, стремясь достать показываемую имъ пищу, полетѣли кверху и увлекли за собою корзину съ Александромъ. Когда пришло время спуститься, Александръ наклонилъ шесты внизъ: грифы тогда полетѣли обратно.

[4]) По наблюденію гр. Уварова всего два раза: на Маркѣ Венеціанскомъ и на ящичкѣ Франкфуртскаго музея: Труды I арх. съѣзда, стр. 256.

[5]) Ibid.

былъ не особенно силенъ, какъ напр., на Аѳонѣ, подобные памятники можно видѣть и донынѣ [1]). Сказать, какіе изъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ близко подходять къ нашему, довольно трудно: хотя и замѣчаются нѣкоторыя сходныя съ нимъ черты въ изображеніяхъ на церквахъ во Фрейбургѣ и Ремагенѣ [2]), мы, однако, должны признать, что нашъ памятникъ имѣетъ такое же право на самостоятельное существованіе, какъ и всякій другой.

На южной же сторонѣ Дмитріевскаго собора (Строгановъ: пл. XI. 2), надъ головой Давида, изображенъ покрытый матеріею столъ, на которомъ стоитъ крестъ. Предположеніе Строганова, будто здѣсь изображена сорочка св. Димитрія [3]), должно быть признано невѣрнымъ, такъ какъ подобныя изображенія встрѣчаются весьма часто на памятникахъ византійскихъ и русскихъ съ совершенно опредѣленнымъ значеніемъ: столъ этотъ представляетъ собою символъ присутствія Бога, и въ такомъ значеніи его особенно часто можно видѣть на картинахъ страшнаго суда. Символъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ: „Уготованіе престола“ и былъ очень распространенъ въ церкви восточной [4]).

На западной сторонѣ Дмитріевскаго собора (Строгановъ: пл. IV. 3) изображенъ святой, который держитъ лѣвой рукой за волосы маленькаго человѣчка, а правую поднялъ какъ бы для удара. Объясненіе этой группы мы находимъ въ массѣ памятниковъ, гдѣ надъ головой святого помѣщена надпись: „святый Никита“: группа эта изображаетъ біеніе св. Никитою бѣса [5]).

---

[1]) Напр. въ Дохіарскомъ монастырѣ: Brockhaus, Die Kunst in den Athos-Klöstern, стр. 41. Это изображеніе было распространено и на восточныхъ тканяхъ. Ibid. прим. 3.

[2]) Cahier. Nouvaux melanges d'Archéologie I, стр. 165—174.

[3]) Дмитріевскій соборъ, стр. 10.

[4]) Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 182.

[5]) Объ изображеніяхъ св. Никиты, біющаго діавола см. въ Трудахъ X арх. съѣзда въ Ригѣ доклады Добрынкина и Четыркина, стр. 93—94 протоколовъ. Въ „описаніи тверского музея“ Жизневскаго представлено много подобныхъ изображеній (на крестахъ №№ 139—148. 289). См. также „Древности Россійск. Государства“ I. 23.

На сѣверной сторонѣ собора (Строгановъ: пл. VIII. 1) изображена группа, представляющая сидящаго человѣка съ мальчикомъ на колѣняхъ; съ обѣихъ сторонъ къ нему идутъ по два человѣка, почтительно преклоняясь предъ нимъ. Догадываются [1]), что здѣсь изображенъ строитель церкви—В. Кн. Всеволодъ съ своимъ любимымъ сыномъ Константиномъ. Доброхотовъ [2]), а за нимъ Толстой и Кондаковъ [3]) видятъ въ этой сценѣ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ среди четырехъ преклоняющихся пастырей. Но принять это предположеніе не позволяетъ намъ общій типъ сидящей фигуры: это—скорѣе мужчина, чѣмъ женщина, какъ по чертамъ лица, по стрижкѣ волосъ (въ кружку), такъ особенно по верхней одеждѣ, которая представляетъ собою обычный мужской плащъ съ застежкой на правомъ плечѣ (корзно). Да и вся эта композиція совершенно не соотвѣтствуетъ установившемуся иконографическому изображенію Рождества Христова: здѣсь нѣтъ ни одной характерной черты картинъ подобнаго рода: ни звѣзды, ни спеленутаго младенца, ни посоховъ въ рукахъ пастырей, ни одра Божіей Матери, ни яслей съ животными. (Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Глава III). Если бы догадка авторовъ была вѣрна, то мы имѣли бы предъ собой новый и единственный въ иконографіи образецъ подобнаго рода изображеній.

Въ одной изъ группъ сѣверной стороны собора видятъ Богоматерь, сидящую въ молитвенной позѣ на престолѣ между двумя святителями [4]). На южной сторонѣ изображена сцена Крещенія Господня.

Между колонками пояса Дмитріевскаго собора находятся рельефныя изображенія святыхъ: на западной сторонѣ 23, на южной и сѣверной—по 24,

---

[1]) Императорскій Россійскій Историческій Музей въ Москвѣ. Указатель, стр. 572.
[2]) Памятники древностей во Владимірѣ Кляземскомъ, стр. 141.
[3]) Русскія Древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 28.
[4]) Ibid.

всего 71 фигура. Вопросъ о томъ, чьи изображенія представлены здѣсь, до сихъ поръ остается открытымъ. Изъ всѣхъ фигуръ, и то предположительно, указываютъ лишь изображенія св. Бориса и Глѣба [1]), Стефана и Логгина [2]): объ остальныхъ же думаютъ, что здѣсь изображены вообще греческіе святые.— На барабанѣ купола, по мнѣнію Прохорова, изображены апостолы (7 фигуръ), но почему онъ такъ думаетъ, онъ не объясняетъ [3]).

До сихъ поръ мы разсмотрѣли только сложныя группы и наиболѣе крупныя отдѣльныя фигуры, размѣщенныя на стѣнахъ Дмитріевскаго собора [4]), и о каждой изъ нихъ привели существующія въ литературѣ предположенія, уясняющія ихъ смыслъ. Но онѣ являются лишь частью всѣхъ украшеній собора. Здѣсь находится масса и болѣе мелкихъ фигуръ—львовъ, грифовъ, орловъ и др. животныхъ, а также предметовъ растительнаго царства и фантастическихъ узоровъ: архивольты порталовъ, стержни колоннокъ, пояса, барабаны и самыя стѣны нашихъ храмовъ испещрены самой причудливой мелкой рѣзьбой по камню. Такъ какъ эта орнаментика не случайнаго характера, не одиночное явленіе на какомъ либо одномъ зданіи суздальскаго края, а встрѣчается на цѣломъ рядѣ памятниковъ, и, по видимому, развилась и разработывалась здѣсь, то и вопросъ о происхожденіи и характерѣ ея въ нашей ученой литературѣ обыкновенно тѣсно связывается съ вопросомъ о русскомъ искусствѣ вообще.

---

[1]) Прохоровъ. Русскія древности 1871 г., стр. 25.
[2]) Указатель Московскаго Историч. Музея, стр. 579.
[3]) Прохоровъ. Русскія древности. 1875 г., стр. 47.
[4]) О другихъ церквахъ мало что можно сказать: Покровская церковь по украшеніямъ своимъ весьма близко стоитъ къ Дмитріевскому собору, такъ что выводы науки объ одномъ приложимы и къ другой; изъ изображеній на Успенскомъ соборѣ можно отмѣтить лишь три фигуры святыхъ въ кругахъ, о которыхъ одни думаютъ, что это деисусъ (Артлебенъ въ Ежегодникѣ Влад. Губ. Стат. Комит. III, стр. 297), другіе—что это три отрока (Виноградовъ. Исторія Каѳедр. Успен. собора во Владимірѣ, стр. 21—22). Въ фигурѣ надъ ними первый видитъ Господа Саваоѳа, второй—Іисуса Христа.—О соборѣ въ г. Юрьевѣ будемъ говорить ниже.

Такъ какъ обозрѣніе обширной области русскаго искусства прямо не входитъ въ нашу задачу, то мы остановимся лишь на тѣхъ мнѣніяхъ его изслѣдователей, которыя непосредственно касаются только орнаментики суздальскихъ памятниковъ.

Большинство изслѣдователей орнаментовъ Суздальскаго края сходятся въ той мысли, что разнородныя вліянія, которыя несомнѣнно сказались здѣсь, были переработаны русскими художниками, какъ бы переплавлены въ горнилѣ ихъ души, вслѣдствіе чего и выработался новый характеръ украшеній, даже новый стиль, чисто русскій, столь рѣзко сказавшійся на здѣшнихъ храмахъ въ домонгольскій періодъ. Разногласіе между учеными заключается лишь во взглядѣ на преимущественное вліяніе, отразившееся на нихъ, на то, какія народности дали этой орнаментикѣ наибольшее количество составныхъ элементовъ и къ какому, поэтому, искусству всего ближе стоитъ русское. Этотъ вопросъ рѣшается нашими учеными далеко не одинаково: авторитетнѣйшіе изслѣдователи, несомнѣнные знатоки искусства вообще и русскаго въ частности, здѣсь такъ разногласятъ, что неспеціалисту рѣшительно нѣтъ возможности сказать, кто изъ нихъ болѣе близокъ къ истинѣ [1]).

---

[1]) Къ стыду русской ученой литературы, нужно сказать, что самое крупное изслѣдованіе о русскомъ искусствѣ принадлежитъ иностранцу-французу Віоле-ле-Дюку: „L'art russe, ses origines, ses éléments, constitutifs, son apogée, son avenir“—(Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе и его будущее“. рус. пер. 1877). Какъ иностранецъ, не всегда вполнѣ знакомый съ русской жизнью древняго времени, онъ въ своемъ изслѣдованіи часто приходитъ къ выводамъ, которые не могутъ быть приняты во всей ихъ полнотѣ,—и вотъ здѣсь, на этихъ пунктахъ его сочиненія, наши отечественные ученые изощряютъ свое остроуміе, доказывая ихъ слабость или несостоятельность. А между тѣмъ, превосходнѣйшія изданія памятниковъ древне-русскаго искусства, какъ напр. „Исторія русскаго орнамента съ X—XVI столѣтія“ Бутовскаго, или „Славянскій и восточный орнаментъ“ Стасова, стоившія громаднаго труда и матеріальныхъ издержекъ, до сихъ поръ остаются мертвымъ матеріаломъ: никакихъ руководящихъ мыслей, никакихъ общихъ выводовъ о развитіи русскаго искусства, о составныхъ его элементахъ и т. д.—нѣтъ въ русской литературѣ. Со времени изданія „Орнаментовъ“ Бутовскаго прошло болѣе 30 лѣтъ, и Стасовскихъ—болѣе 15: кажется, пора было бы нашимъ ученымъ сказать и свое слово о русскомъ искусствѣ, а въ особенности этого можно было бы ждать отъ самихъ издателей этихъ

Віоле-ле-Дюкъ, имѣя въ виду какъ заставки нашихъ старинныхъ рукописей, такъ, въ особенности, рѣзьбу на владиміро-суздальскихъ храмахъ, находитъ, что въ русскомъ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, 9/10 всего количества его элементовъ принадлежитъ востоку [1]): вліяніе востока сказывается въ изображеніи звѣрей: львовъ, грифовъ, драконовъ и др., а также растительности, каковыхъ нѣтъ въ дѣйствительности ни въ Россіи, ни на западѣ (грифоны, хранители золота,—драконы и крылатые змѣи—восточнаго характера) [2]). Въ частности: *ассирійское* вліяніе выразилось въ изображеніи по двумъ сторонамъ дерева по животному [3]); *сирійское* вліяніе сказалось на украшеніяхъ Нерльской церкви: обронная работа на дверныхъ капителяхъ ясно говоритъ объ этомъ [4]); *индійское* вліяніе открывается при сравненіи лепестковъ какого-то растенія, изображеннаго на Дмитріевскомъ соборѣ, и одного обломка древне-индійской бронзы, имѣющагося въ собраніи автора [5]); *иранское* вліяніе видно въ изображеніи дерева, по обѣимъ сторонамъ котораго стоитъ по птицѣ [6]). Вообще, весь характеръ украшеній, выразившійся въ стремленіи заполнить орнаментомъ сплошь всю гладь поля, чтобы подъ его сплетеніями виднѣлась лишь часть его, свидѣтельствуетъ объ индѣйскомъ и персидскомъ вліяніи [7]). Азія вообще сказалась и въ нѣжности обработки рѣзьбы [8]), и въ выборѣ сюжетовъ для скульптуры: плетешки изъ шнуровъ, столь распространенные на восточныхъ тканяхъ, воспроизведены на суздальскихъ

атласовъ, видѣвшихъ и изучившихъ, по ихъ собственнымъ словамъ (предисловія), массу орнаментовъ всѣхъ вѣковъ и народностей. Какъ это ни странно, но въ вопросѣ о русскомъ искусствѣ поневолѣ приходится обращаться къ изслѣдованію иностраннаго писателя.

[1]) Віоле-ле-Дюкъ. Русское Искусство (рус. пер.), стр. 183.

[2]) Ibid., стр. 62—64.

[3]) Ibid. 61.

[4]) Ibid. 73.

[5]) Ibid. 77.

[6]) Ibid. 77—78.

[7]) Ibid. 82.

[8]) Ibid.

храмахъ [1]). Византійское вліяніе сказалось преимущественно съ той его стороны, которая была близка по характеру къ востоку: русскіе и изъ Византіи брали въ своей орнаментикѣ то, что ею заимствовано изъ Азіи [2]). Передаточнымъ пунктомъ азіатскаго и греческаго вліянія были Грузія и Арменія [3]), гдѣ соединялись византійское и персидское вліянія. Были и непосредственныя сношенія съ Сиріей: русскіе, несомнѣнно, доставляли хлѣбъ крестоносцамъ [4]). Въ слабой степени, кромѣ того, здѣсь сказалось финское [5]) и скандинавское вліянія [6]). Всѣ эти вліянія, смѣшавшись съ элементами чисто славянскими [7]), и были переработаны Россіей, этой великой лабораторіей, въ которой искусства, занесенныя со всѣхъ концовъ Азіи, соединились вмѣстѣ для принятія формы, средней между міромъ восточнымъ и западнымъ [8]). Такимъ образомъ, орнаментація суздальскихъ храмовъ произошла изъ смѣси чисто византійскаго искусства съ азіатскимъ [9]). Но всѣ эти элементы, откуда бы они ни явились, съ сѣвера или съ юга, всѣ они принадлежатъ Азіи. Иранцы или Персы, Индѣйцы, Туранцы или Монголы, всѣ они принесли дань этому искусству, хотя и въ неравныхъ доляхъ [10]); такъ что вліяніе, которое чувствуется въ русскихъ зданіяхъ XII вѣка, чисто азіатское: южное или центральное. Индія и Персія образуютъ въ эту эпоху элементы русской архитектуры и русской орнаментаціи [11]).

Мнѣніе французскаго ученаго утвердило въ западной литературѣ взглядъ, что наши церкви представляютъ въ своихъ украшеніяхъ смѣсь византій-

---

[1]) Віоле-ле-Дюкъ. Русское Искусство (рус. пер.), стр. 242.
[2]) Ibid. 183.
[3]) Ibid. 71, 72, 76, 241—242.
[4]) Ibid. 75.
[5]) Ibid. 57.
[6]) Ibid. 39. 67. 70.
[7]) Ibid. 39.
[8]) Ibid. 70.
[9]) Ibid. 82.
[10]) Ibid. 68—69.
[11]) Ibid. 78.

скаго влiянiя съ чисто азiатскимъ. Это мнѣнiе заносится въ руководства по исторiи искусства, какъ уже неподлежащее никакому сомнѣнiю, безъ всякихъ оговорокъ. „На церкви, напр., Покрова около Боголюбова, пишутъ западные историки искусства, съ византiйскимъ влiянiемъ въ планѣ дѣйствовало съ одной стороны—армянское, столь распространенное по Кавказу,—съ другой—средне-азiатское, перешедшее чрезъ Уралъ. Армянское влiянiе выразилось въ устройствѣ порталовъ, маленькихъ галлерей и въ приставныхъ колонкахъ на пилястрахъ; луковичная же глава и сводчатое покрытiе напоминаютъ средне-азiатскiе мотивы. Послѣднее влiянiе уже несомнѣнно видно въ травныхъ орнаментахъ, украшающихъ Дмитрiевскiй соборъ [1]. —Это мнѣнiе французскаго изслѣдователя поддерживается и нашими учеными,—напр. Павлиновымъ [2], г. Бутовскимъ [3], которые выступаютъ горячими апологетами его, когда критика начинаетъ въ немъ сомнѣваться. А между тѣмъ, критика выступила въ лицѣ такого авторитетнаго знатока русскаго искусства, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, который видитъ въ русскомъ искусствѣ преимущественно элементы Византiи и южно-славянскихъ земель, чрезъ которыя въ то время шли на Русь рукописи. Что же касается рельефныхъ украшенiй суздальскихъ церквей, то онъ примыкаетъ здѣсь къ установившемуся въ литературѣ взгляду о романскомъ пришломъ искусствѣ, но переработанномъ, сообразно съ мѣстными потребностями и вкусами края [4].—За пришлость, а не за самостоятельную выработку рельефовъ суздальской области, стоитъ также Даль, но онъ полагаетъ источникъ ихъ на сѣверѣ—въ Нормандiи: „въ нашемъ искусствѣ, говоритъ онъ, особенно за-

---

[1]) Franz Reber. Kunstgeschichte des Mittelalters. 61. Византiйское Искусство, Байе, стр. 275—276 (изд. 1888).

[2]) Павлиновъ. Исторiя Рус. Архит., стр. 73—75.

[3]) Русское искусство и мнѣнiе о немъ Вiоле-ле-Дюка.

[4]) Критическое обозрѣнiе 1879 г. № 2 и 5: Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго.

мѣтно сильное вліяніе торговаго мореходнаго сѣвера, проложившаго очень рано торговый путь на востокъ и златоносную Пермь" [1]). Лишь „вязаныя кольца на барабанѣ, въ которыхъ заключены изображенія, составляютъ византійскій мотивъ"; по своей же обработкѣ рельефы подходятъ къ сѣверному искусству: „русскіе, знакомые съ сѣверной мистической миѳологіей, какъ доказываютъ наши богатыя заставки XII и XIII вѣка, испещренныя зміями и фантастическими животными, не могли искать ваятеля для нихъ на югѣ" [2]).—В. В. Стасовъ рѣшительно настаиваетъ на мысли, что рельефы суздальскихъ храмовъ чисто византійскаго происхожденія: „нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ очень сильно ошибаются, приписывая вліянію запада, романскаго искусства и бестіаріевъ появленіе фантастическихъ звѣриныхъ изображеній у насъ, напр., въ скульптурахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ.... они перешли къ намъ прямо изъ Византіи". Животныя, подобныя суздальскимъ, встрѣчаются въ византійскомъ и русскомъ искусствѣ X—XII вѣка въ безчисленномъ множествѣ [3]). Н. П. Кондаковъ проводитъ параллель между суздальскими церквами и сербскими и находитъ нѣкоторое сходство между ними въ рельефахъ и архитектурѣ вообще [4]). Въ послѣднее время онъ, вмѣстѣ съ гр. Толстымъ, склоняется признать здѣсь такъ назыв. романское вліяніе, при чемъ мастеровъ и каменьщиковъ приводитъ въ Суздаль изъ Кіева и родственнаго намъ Галича. Вліяніе Новгорода имъ отрицается [5]). Наконецъ, какъ мы уже видѣли при разборѣ архитектурныхъ деталей нашихъ храмовъ и какъ увидимъ

---

[1]) „Зодчій" 1875 г. № 11: Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества. „Зодчій" 1876 г. № 7: Обзоръ Русскаго Орнамента.

[2]) Труды I арх. съѣзда, стр. 279.

[3]) Извѣстія Императорскаго Московскаго Арх. Общества, т. VI: Владимірскій кладъ.

[4]) Сборникъ Общества Древне-Русскаго Искусства, 1866 г. отд. II, Его отзывъ о сочиненіи Каница, статья: Православное искусство въ Сербіи, стр. 49.

[5]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, 1899, вып. VI, стр. 37—38.

при сличенiи отдѣльныхъ мотивовъ нашей орнаментики съ разными памятниками въ другихъ странахъ, нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ суздальскомъ искусствѣ сильное влiянiе романскаго запада.

Изъ всего, сказаннаго выше, ясно видно, что какого нибудь твердаго взгляда на суздальское искусство до сихъ поръ еще не выработано: самые авторитетные ученые высказываютъ мнѣнiя дiаметрально противоположныя одно другому: одни видятъ его элементы въ восточномъ искусствѣ, другiе – въ западномъ, третьи – въ южно-русскомъ и, наконецъ, четвертые – въ сѣверномъ—нормандскомъ.

Для того, чтобы разобраться между столь противорѣчивыми мнѣнiями ученыхъ авторитетовъ, по нашему мнѣнiю, прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ о самостоятельности суздальскаго искусства рѣзьбы по камню: есть-ли оно, какъ утверждаютъ нѣкоторые, вполнѣ самобытное произведенiе русскаго генiя, воспитаннаго подъ исконнымъ влiянiемъ Азiи, или же оно занесено откуда нибудь изъ сосѣднихъ странъ; если справедливо послѣднее, то— подверглось-ли оно у насъ какимъ нибудь измѣненiямъ, сообразно съ вкусами мѣстнаго населенiя, или же оно есть воспроизведенiе чьего либо искусства, цѣликомъ пересаженнаго на русскую почву?

Первое мнѣнiе, т. е. мнѣнiе о полной самостоятельности русскихъ мастеровъ, украшавшихъ суздальскiя церкви, не можетъ быть принято по весьма многимъ причинамъ. Прежде всего, как справедливо замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, украшенiя суздальскихъ церквей являются безъ предшествующей постепенной подготовки и безъ послѣдствiй въ историческомъ развитiи нашей архитектуры [1]): были у насъ церкви и ранѣе суздальскихъ, но на нихъ мы не видимъ украшенiй такого именно характера, какой замѣчается на суздальскихъ церквахъ;—слѣдовательно, допуская самостоятельность суздальскаго искусства, мы должны будемъ признать и ту

[1]) Критическое обозрѣнiе 1879 г. № 2 и 5.

мысль, что оно было выработано исключительно мѣстными мастерами, внѣ всякихъ вліяній Кіева и Новгорода. Но для того, чтобы создать нѣчто подобное рѣзьбѣ порталовъ и колоннокъ напр., Дмитріевскаго собора, намъ кажется, искусству нужно было бы пройти предварительно большой подготовительный путь, нужно было время для выработки даже простой техники рѣзьбы по камню. Послѣдняя, какъ и всякое другое искусство, требуетъ продолжительнаго навыка, какого не могло быть въ такой лѣсной странѣ, какъ суздальская, гдѣ единственными каменными постройками были церкви. Допустивъ, что въ столь краткій періодъ каменодѣланія, какъ 40—45 лѣтъ (съ 1152 года по годъ основанія Дмитріевскаго собора – 1194), русскіе мастера сумѣли *самостоятельно* выработать свой собственный суздальскій стиль, мы съ удивленіемъ должны будемъ остановиться предъ тѣмъ непонятнымъ фактомъ, что масса мотивовъ этого, вновь народившагося искусства, имѣетъ чрезвычайно близкое сходство съ мотивами искусствъ другихъ странъ: если бы еще эти мотивы вытекали изъ конструктивныхъ требованій зданій, то появленіе ихъ въ Суздалѣ было бы до извѣстной степени объяснимо, но они исключительно декоративнаго характера. Для примѣра укажемъ хотя бы колончатые пояски вокругъ нашихъ храмовъ: у насъ они назначены исключительно только для украшенія стѣнъ. Выработать такую деталь вполнѣ самостоятельно и въ то же время въ столь сходныхъ чертахъ съ западно-романскими галлерейками едва-ли было возможно для суздальскихъ мастеровъ, какъ объ этомъ мы уже имѣли случай говорить выше. Тоже мы должны будемъ сказать и о другихъ деталяхъ украшеній. Наконецъ, сами лѣтописи говорятъ намъ о призывѣ зодчихъ въ суздальскій край: при построеніи Успенскаго собора Андреемъ „приведе ему Богъ изо всѣхъ земель мастеры“ [1]); по поводу обновленія суздаль-

---

[1]) Ипат. лѣт. 6669.

скаго собора въ 1194 г., въ Лаврентьевской лѣтописи сказано, что это обновленіе совершено безъ участія иноземныхъ мастеровъ: „не ища мастеровъ отъ нѣмецъ“ [1]), другими словами: эти „нѣмцы“, очевидно, приглашались и, навѣрное, не для простой только кладки стѣнъ, а и для украшенія ихъ рѣзьбой. Гр. Толстой и Кондаковъ, говоря о владимірскихъ рельефахъ, замѣчаютъ: „сухая, мелочная рѣзьба и сложная композиція (ихъ) указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ исполненіемъ чужого шаблона. Типы святыхъ и всѣ религіозныя сцены въ скульптурахъ Дмитріевскаго собора, по своей грубости и даже уродливости, не имѣютъ ничего общаго съ византійскимъ искусствомъ и представляютъ, до очевидности, нѣмецкую передачу устарѣлаго римскаго оригинала; точно также всѣ маски, личины и гротески явно западнаго сочиненія“ [2]).—Такимъ образомъ, мысль о совершенно самостоятельномъ, безъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства, чисто суздальскомъ искусствѣ должна быть оставлена, какъ несогласная ни съ представленіемъ объ историческомъ ходѣ развитія искусства, ни съ историческими данными, ни съ самымъ характеромъ нашихъ рельефовъ.

Болѣе умѣренные въ своихъ выводахъ ученые [3]) говорятъ, поэтому, что искусство рѣзьбы по камню было заимствовано откуда нибудь, но, перенесенное въ суздальскій край, подверглось измѣненіямъ, сообразно съ господствовавшимъ здѣсь вкусомъ къ орнаментикѣ. Нѣкоторые идутъ еще далѣе и увѣряютъ, что здѣсь даже образовалась самостоятельная русская школа мастеровъ, которые создали и самый Дмитріевскій соборъ: „Дмитріевскій соборъ, говоритъ, напр., Бутовскій, во Владимірѣ на Клязьмѣ былъ сооруженъ своими русскими мастерами, безъ участія иноземцевъ“ [4]). Это же мнѣніе было выска-

---

[1]) Лавр. лѣт. 6702.
[2]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 9.
[3]) Иловайскій. Русская Исторія, т. II, стр 260 и др.
[4]) Русское искусство и мнѣніе о немъ Віоле-ле-Дюка, стр. 28—29.

зано имъ и раньше, при изданіи имъ „Исторіи Русскаго Орнамента“ [1]), гдѣ основаніемъ къ такому положительному заключенію послужило замѣчаніе гр. Строганова въ его монографіи „Дмитріевскій соборъ“: „какъ ни покажется труднымъ скорое окончаніе многосложной и тщательной работы наружныхъ украшеній Дмитріевскаго собора, оно объясняется образованіемъ собственныхъ своихъ мастеровъ. Всеволодъ не нуждался болѣе для исполненія своихъ желаній въ мастерахъ изъ всѣхъ земель: у него въ ростовской и суздальской области были свои“ [2]). Это же мнѣніе о самостоятельности суздальскихъ мастеровъ настойчиво поддерживается и г. Павлиновымъ: „во Владиміро-Суздалѣ, говоритъ онъ, создается храмъ, составляющій не подражаніе какой либо иноземной, или вообще уже существующей постройкѣ, а произведеніе, отмѣченное многими самостоятельными чертами. Во Владимірѣ вліяніе Константинополя уменьшилось, сравнительно съ Кіевомъ; церкви пріобрѣтаютъ свою особую архитектуру, въ которой, преимущественно въ деталяхъ, есть много такого, что изстари существовало на русской почвѣ, что составляло достояніе ея обитателей еще въ языческое время“ [3]).

Чтобы рѣшить вопросъ о вліяніи русскихъ мастеровъ на искусство рѣзьбы по камню при постройкѣ суздальскихъ храмовъ, необходимо прежде всего выяснить: была-ли у нихъ возможность къ тому? Обладали-ли они въ рѣзьбѣ по камню тѣмъ навыкомъ въ каменодѣланіи, которымъ обусловливается возможность подобнаго вліянія? Прямыхъ отвѣтовъ, сколько нибудь обоснованныхъ, на эти вопросы мы не находимъ въ русской литературѣ. Существованіе подобнаго навыка допускается безъ всякаго колебанія на томъ основаніи, что русскіе вообще очень переимчивы: разъ они увидали, какъ

---

[1]) Предисловіе, стр. 5.
[2]) Стр. 5.
[3]) Павлиновъ. Исторія русской архитектуры, стр. 75—76.

работаютъ другіе, они не могли уже не научиться отъ нихъ искусству каменодѣланія съ первыхъ же самыхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Но чтобы въ орнаментовкѣ зданій оказывать вліяніе на пришлыхъ мастеровъ, мѣстнымъ зодчимъ необходимо было самимъ знать искусство рѣзьбы по камню еще прежде, чѣмъ началась постройка нашихъ храмовъ: характеръ рѣзьбы на нихъ одинаковъ за весь строительный періодъ въ суздальскомъ краѣ вплоть до времени постройки Юрьевскаго собора, а слѣдовательно, если это вліяніе имѣло мѣсто, то съ самыхъ же первыхъ построекъ здѣсь. Необходимо, поэтому, думать, что этотъ навыкъ пріобрѣтенъ ранѣе. Между тѣмъ, намъ рѣшительно неизвѣстно, были-ли до 1152 г. даже вообще какія либо каменныя зданія въ краѣ: твердо стоя на почвѣ лѣтописныхъ данныхъ, мы необходимо должны будемъ думать, что первыя каменныя церкви появились лишь въ 1152 г., а слѣдовательно, къ этому времени только и возможно относить начало каменодѣланія въ краѣ. Обращаясь же къ двумъ уцѣлѣвшимъ постройкамъ этого года,—къ церкви Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ и собору св. Спаса Преображенія въ Переяславлѣ,— мы видимъ на нихъ замѣчательную простоту во внѣшнихъ украшеніяхъ: рѣзьбы на нихъ почти совсѣмъ нѣтъ, такъ что трудно думать, чтобы ихъ постройка дала толчекъ къ образованію самостоятельной школы суздальскихъ мастеровъ—рѣзчиковъ по камню. Болѣе ясные слѣды попытокъ къ рѣзнымъ украшеніямъ мы видимъ на Успенскомъ андреевскомъ соборѣ: здѣсь подъ пятами арокъ внутри церкви мы видимъ рѣзныхъ львовъ, но были-ли украшены рѣзьбой внѣшнія стѣны его, сказать трудно. Колонки на его поясѣ гладкія, отъ остальныхъ же украшеній, если таковыя были, до насъ не дошло никакихъ остатковъ. Точно также трудно предположить, чтобы и Покровская церковь на Нерли была украшена мѣстными мастерами: допуская даже, что андреевскій Успенскій соборъ и церковь въ Боголюбовѣ были украшены рельефами, постройка

ихъ продолжалась всего 2—3 года (1158—1160), а въ такое короткое время трудно выучиться рѣзать по камню съ такой тонкостью въ отдѣлкѣ, какую мы уже замѣчаемъ на упомянутой церкви. Къ тому же и самое время построенія Покровской церкви, относимое, на основаніи рукописнаго житія Андрея Боголюбскаго, къ 1165 году, еще не достаточно твердо установлено. Дѣло въ томъ, что особенная близость ея въ конструкціи и украшеніяхъ къ Дмитріевскому собору наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что промежутокъ времени между постройками этихъ церквей былъ не въ 30 почти лѣтъ (1165 и 1194), а гораздо меньшій. Покровская церковь, можетъ быть, выстроена между возобновленіемъ Успенскаго собора (1185—1189 г.г.) и постройкой Дмитріевскаго собора (1194—1197), такъ какъ по своему стилю она представляетъ нѣчто среднее между ними и является какъ бы переходною ступенью отъ одного къ другому, нося на себѣ нѣкоторыя ихъ общія черты [1]. Это мнѣніе заслуживаетъ къ себѣ нѣсколько большаго вниманія, чѣмъ съ какимъ оно встрѣчено въ нашей литературѣ: въ рѣшеніи вопроса о времени ея постройки, при полномъ умолчаніи о томъ лѣтописей, стиль ея является единственно вѣрнымъ руководителемъ. Но согласимся даже, что Покровская церковь построена въ 1165 году; около того же времени были закончены и другія постройки въ краѣ: андреевскій Успенскій соборъ, Боголюбовская церковь (1160), Ростовская церковь (1162) [2], церковь на Золотыхъ воротахъ и церковь Спаса во Владимірѣ (1164) [3]. Тогда является вопросъ: куда дѣвалась образовавшаяся здѣсь школа русскихъ мастеровъ каменнаго дѣла, и въ чемъ проявилось ея творчество въ послѣдующее за тѣмъ время? Въ лѣтописяхъ тщательно отмѣчается не только годъ, но часто и день

---

[1] Артлебенъ. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит. III, стр. 300. 304.
[2] Тверская лѣт. 6670.
[3] Лавр. лѣт. 6672.

закладки такихъ крупныхъ построекъ, какъ церкви, но начиная съ 1164 года и по 1185—годъ обновленія Успенскаго собора—мы не имѣемъ *ни одного* извѣстія о производствѣ въ суздальскомъ краѣ какихъ либо каменныхъ работъ. Допуская, слѣдовательно, далѣе, мысль, что Владимірскій Успенскій соборъ былъ перестроенъ при ближайшемъ участіи русскихъ мастеровъ, мы придемъ къ совершенно непонятному факту: 20 лѣтъ мастера ничего не работали и вдругъ съумѣли построить такое совершенное зданіе, предъ которымъ всѣ останавливаются съ восхищеніемъ и теперь. Поэтому, намъ кажется гораздо болѣе вѣроятною та мысль, что русскихъ, въ собственномъ смыслѣ, *мастеровъ* предыдущія постройки не создали и что къ 1185 году, какъ къ 1152 и 1158, вновь пришлось выписывать откуда-то людей, свѣдущихъ и въ архитектурѣ и въ искусствѣ рѣзьбы по камню. Съ этого времени въ суздальскомъ краѣ идетъ уже непрерывная работа: едва кончается обновленіе Успенскаго собора (1189 г.), какъ закладывается церковь въ Рождественскомъ монастырѣ (1191—1192), строится Дмитріевскій соборъ (1194—1197) и церковь св. Іоакима и Анны на оградѣ Успенскаго собора; около этого же времени выстраивается, можетъ быть, и церковь Покрова на Нерли.

Такимъ образомъ, мы предполагали бы, что для построекъ въ суздальскомъ краѣ церквей происходилъ троекратный вызовъ мастеровъ изъ чужихъ земель: Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году, Андреемъ—въ 1158 (приведе ему Богъ мастеры) и Всеволодомъ въ 1185 г. А если это такъ, то вызываемые князьями *мастера* своего дѣла едва-ли находили нужнымъ считаться съ мѣстными вкусами въ отношеніи украшеній церквей: болѣе вѣроятно, что они дѣло дѣлали, какъ умѣли и какъ хотѣли.

Основаніемъ противоположнаго нашему мнѣнія, т. е. мнѣнія о самостоятельной работѣ суздальскихъ мастеровъ и о вліяніи, поэтому, мѣстнаго вкуса на искусство, служатъ разныя апріорныя соображенія

въ родѣ того, напр., что „трудно допустить, чтобы продолжительный періодъ строительства не оказалъ вліянія на мѣстныхъ каменьщиковъ“, что „русскіе вообще переимчивы“ и т. д., а главнымъ образомъ слова лѣтописца, которыя, въ виду того значенія, какое имъ хотятъ придать [1]), заслуживаютъ быть разобранными со всѣмъ вниманіемъ. „Того-жъ лѣта (6702), говоритъ лѣтописецъ, мѣсяца семтября обновлена бысть церкы святая Богородица в Суждали, яже бѣ опадала старостью и безнарядьемъ, тѣмже блаженыимь епископомь Иваномъ, и покрыта бысть оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ; и то чюду подобно, молитвою святое Богородици и его вѣрою, а иже не ища мастеровъ отъ нѣмець, но налѣзе мастеры отъ клевретъ святое Богородици и отъ своихъ, иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣлити; отверзенѣ бо ему бѣста отъ Бога очи сердечнѣи на церковную вещь, оже пещися церковными вещьми и клирикы, ако правому пастуху, а не наимнику“ [2]). Вотъ драгоцѣнныя слова лѣтописца, со всею безпристрастностью характеризующія состояніе строительнаго искусства въ суздальскомъ краѣ къ 1194 году: чуду подобно, говоритъ онъ, нашлись между суздальцами мастера, на столько знающіе строительное искусство, что смогли своими силами, безъ помощи „нѣмцевъ“, поновить церковь, опадающую безнарядьемъ. Безъискусственный лѣтописецъ точнѣйшимъ образомъ описываетъ далѣе, въ чемъ и состояли эти поправки: оказывается, что нужно было покрыть церковь оловомъ и побѣлить известью, и все искусство мѣстныхъ мастеровъ состояло—„иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣлити“. Вотъ, можетъ быть, первый опытъ самостоятельныхъ работъ мастеровъ суздальской области, опытъ, достойный, въ глазахъ лѣтописца, быть занесеннымъ въ

---

[1]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, стр. 5. Бутовскій. Русское искусство и мнѣніе о немъ Віоле-ле-Дюка, стр. 28 и другіе.

[2]) Лавр. лѣт. 6702.

повѣсть временныхъ лѣтъ на ряду съ другими замѣчательными событіями того времени. Самъ лѣтописецъ смотритъ на эту работу, какъ на дѣло, совершенно необычное въ краѣ: событіе это онъ описываетъ не мимоходомъ какъ нибудь, не въ качествѣ простой замѣтки, а именно какъ событіе изъ ряду вонъ выходящее, „чюду подобное". И все искусство мастеровъ ограничивалось самой простой побѣлкой церкви и покрытіемъ ея листами олова! Хотя здѣсь нѣтъ и помину о какой либо рѣзьбѣ по камню, однако, эти слова послужили основаніемъ для мнѣнія о существованіи особыхъ школъ каменьщиковъ въ Суздалѣ, о собственномъ, чисто мѣстномъ искусствѣ, и т. д. Предполагать, конечно, можно, что угодно, но, основываясь на точномъ смыслѣ лѣтописи, мы можемъ сдѣлать только то заключеніе, что къ 1194 году русскіе мастера выучились ужъ, какъ „безъ нѣмцевъ" обращаться съ оловомъ и крыть имъ зданія, а равно—штукатурить и бѣлить стѣны известью,—больше ничего. Если бы русскіе мастера проявили свои познанія въ чемъ нибудь болѣе важномъ, то лѣтописецъ, думаемъ, не умолчалъ бы объ этомъ. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что въ столь продолжительные періоды строительства, какъ съ 1158 по 1164 и съ 1185 по 1197 года и русскіе навыкали каменодѣланію: нельзя же думать, что *вся* работа производилась пришлыми мастерами,—можетъ быть даже, что нѣкоторые изъ русскихъ и очень хорошо работали, но быть художниками, руководителями въ украшеніи храмовъ, воспроизводить съ изяществомъ рисунки на камнѣ, а тѣмъ болѣе—создавать мотивы украшеній, по странной случайности столь схожіе съ западно-романскими,—послѣдніе не могли: слишкомъ малы были предшествующіе строительные періоды, чтобы можно было выучиться такъ хорошо и съ такимъ богатствомъ фантазіи работать, какъ работали, напр., строители Дмитріевскаго собора.

Итакъ, по нашему мнѣнію, мастерами, строившими храмы во Владиміро-Суздалѣ, были не мѣст-

ные жители, а иноземцы, откуда-то вызываемые князьями, при чемъ эти иноземцы строили церкви по своему вкусу, не подчиняясь мѣстному суздальскому влiянiю.

Возраженiемъ противъ этого нашего мнѣнiя можетъ, по видимому, служить то обстоятельство, что къ 1176 г. владимiрцы уже славились, какъ мастера—каменьщики: ростовцы „обезстудствовашеся“ говорили: „Володимерь градъ есть пригородъ нашь, и живутъ въ немъ наши холопи, каменосѣчци, и древодѣлцы и орачи“ [1]), но изъ неопредѣленнаго выраженiя „каменосѣчцы“ было бы поспѣшно еще заключать, что здѣсь разумѣются мастера—рѣзчики по камню: владимiрцы могли быть и простыми каменьщиками въ нашемъ смыслѣ слова и въ то же время славиться въ лѣсной странѣ, какъ уже „мастера“, услугами которыхъ пользовался и Ростовъ. Но совершенно иное дѣло умѣть, скажемъ, тесать камень и иное—вырѣзать на немъ изображенiя людей (для чего до постройки Дмитрiевскаго собора единственный примѣръ можно было видѣть въ фигурѣ Давида на церкви Покрова на Нерли и въ нѣсколькихъ лицахъ на Владимiрскомъ Успенскомъ соборѣ), птицъ, звѣрей, разнообразные орнаменты и т. д.

Что же тогда останется на долю русскаго генiя, если всѣми работами руководили иностранцы? спросятъ насъ многiе. Но что же дѣлать, если мы тогда, какъ и теперь, во многомъ отстали отъ западной Европы: въ искусствѣ, наукѣ, промышленности и т. д? Намъ остается утѣшаться тѣмъ, что въ то время не жалѣли никакихъ средствъ на постройку столь великолѣпныхъ памятниковъ, какъ владимiро-суздальскiе храмы: очевидно, любовь и вкусъ къ красивому, изящному, уже былъ, но для удовлетворенiя его приходилось обращаться къ иностранцамъ.—Спѣшимъ еще разъ оговориться: мы все время ведемъ рѣчь объ искусствѣ рѣзьбы по камню, а не о русскомъ искусствѣ вообще. Послѣднее

---

[1]) Никон. лѣт. 6684. Ипат. лѣт. 6683.

могло идти своимъ путемъ. Мы строго различаемъ искусство, напр., выдѣлки желѣза или тканей отъ искусства каменнаго дѣла, и это никому не должно казаться особенно страннымъ: развѣ даже въ наше время мы не наблюдаемъ такого явленія, что нѣкоторыя отрасли промышленности стоятъ у насъ ниже, чѣмъ въ сосѣднихъ съ нами государствахъ? Развѣ до сихъ поръ постоянно не вызываемъ мы къ себѣ заграничныхъ мастеровъ? Отчего же нельзя допустить этого и для XII вѣка, когда Русь, что бы ни говорили защитники самостоятельной школы суздальскихъ мастеровъ, стояла, безъ всякаго сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ позади Европы? Да и въ чемъ выразилась самостоятельность русскихъ мастеровъ? Что почти всѣ сюжеты, воспроизведенные на суздальскихъ храмахъ, находятъ себѣ прототипы, давно уже выработанные въ другихъ искусствахъ, это мы сейчасъ увидимъ: мы нарочито въ возможно большемъ количествѣ укажемъ тѣ памятники востока и запада, гдѣ они сохранились до сихъ поръ. Да развѣ и сами ученые археологи, указывая замѣчаемое ими сходство нашихъ рельефовъ съ иноземными, тѣмъ самымъ не отрицаютъ самостоятельность выработки ихъ у насъ на Руси? То же слѣдуетъ сказать и о стилѣ нашей рѣзьбы. Мы имѣли уже случай указать на разительное сходство его, по мнѣнію нашихъ же ученыхъ, со стилями разныхъ народовъ. Ниже читатель найдетъ и частнѣйшія указанія на сходство нѣкоторыхъ мотивовъ нашихъ украшеній съ мотивами другихъ странъ: думать же, въ объясненіе такого сходства, вмѣстѣ съ проф. Голубинскимъ, что одинаковое стремленіе къ пестротѣ породило и одинаковыя формы выраженія этихъ стремленій, какъ мы сказали уже, крайне затруднительно. На долю суздальскихъ мастеровъ оставалась бы, такимъ образомъ, только болѣе или менѣе удачная комбинировка этихъ, взятыхъ готовыми изъ чужого искусства, мотивовъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ это ясно всякому, творчеству мѣстныхъ художниковъ открывается далеко не обширное поле

дѣятельности. При допущенiи же мысли о постоянномъ вызовѣ иностранныхъ мастеровъ („приведе ему Богъ изъ всѣхъ земль мастеры“. Лавр. лѣт. 6668) всѣ эти недоумѣнные вопросы рѣшались бы весьма просто.

Въ такомъ воззрѣнiи на русское искусство мы совершенно сходимся съ мнѣнiемъ автора книжки: „Русское искусство Вiоле-ле-Дюка и архитектура въ Россiи“ (Строгановъ), который такъ же отрицательно относится къ преувеличенному представленiю о его самостоятельности. Г. Строгановъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что если Кiевъ, находившiйся въ болѣе благопрiятныхъ, сравнительно съ Владимiро-Суздалемъ, условiяхъ для развитiя всевозможныхъ мастеровъ, не далъ Руси ничего замѣчательнаго самобытнаго, то какимъ образомъ этого можно ожидать отъ Суздаля? Въ Кiевѣ еще съ конца X вѣка начались монументальныя каменныя постройки, воздвигаемыя Греками, но до 1199 года мы не имѣемъ никакихъ указанiй на работы русскихъ мастеровъ. Лишь подъ этимъ годомъ Ипатьевская лѣтопись сообщаетъ намъ о постройкѣ Петромъ Милонѣгомъ каменной стѣны вокругъ Выдубицкаго монастыря въ Кiевѣ. Объ этомъ событiи лѣтопись говоритъ, какъ и о суздальскихъ мастерахъ при поновленiи церкви Рождества Богородицы въ Суздалѣ, съ особенной любовью и вниманiемъ: отмѣчается день, въ какой окончена была постройка, Милонѣгъ сравнивается съ Веселеиломъ, котораго Моисей поставилъ къ украшенiю скинiи (Исх. XXX. 2). Какимъ же образомъ можно ожидать развитiя самостоятельнаго русскаго искусства въ *суздальской* землѣ, гдѣ правильныя постройки большихъ каменныхъ зданiй появились лишь съ половины XII вѣка? Въ 50—60 лѣтъ строительнаго перiода рѣшительно невозможно воспитать такую высокую школу мастеровъ, какая сказалась въ постройкѣ Дмитрiевскаго собора. Изрѣдка мастера, подобные Петру Милонѣгу, можетъ быть, появлялись и здѣсь, но они, должно быть, не достигали большого совершенства

въ своихъ работахъ, ибо не заслуживали, въ глазахъ лѣтописца, права на внесеніе ихъ именъ въ лѣтописи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Успенскій соборъ, Дмитріевскій, и Андреевскій дворецъ—произведенія архитекторовъ, пріѣзжавшихъ съ запада [1]).—Такъ рѣдки, слѣдовательно, были мастера изъ русскихъ, скажемъ мы вмѣстѣ съ преосвященнымъ Макаріемъ [2]), и,—прибавимъ отъ себя, такъ еще необычно было видѣть ихъ, что самыя простыя ихъ работы уже заносятся въ лѣтопись, какъ нѣчто особенно замѣчательное!

Что касается дальнѣйшаго періода каменныхъ построекъ, то о немъ литература крайне скудна: Дмитріевскій соборъ овладѣлъ всѣмъ вниманіемъ изслѣдователей и какъ бы заслонилъ собою всѣ послѣдующіе памятники. Предполагается, что выводы, къ какимъ пришла наука въ отношеніи его, могутъ быть приложимы во всей полнотѣ и къ нимъ. А между тѣмъ на послѣдующихъ церквахъ начинаютъ, повидимому, сказываться какія-то новыя вліянія. Такъ, церковь въ Новодѣвичьемъ княгининомъ монастырѣ (1200) строится изъ кирпича; совершенно лишается рельефныхъ украшеній; рѣзныя колонки на ея поясѣ замѣняются гладкими; порталы тоже лишаются рѣзьбы; надъ ними появляется заостреніе верхней дуги; своды церкви состоятъ изъ двойного ряда полудужекъ, большихъ къ наружности и меньшихъ къ трибуну, для удобства покрытія [3]) и т. д.— Во всѣхъ этихъ отступленіяхъ отъ принятыхъ доселѣ въ Суздальскомъ краѣ формъ строительства нельзя не видѣть нѣкотораго упрощенія постройки. При непремѣнномъ желаніи говорить о появленіи русскихъ мастеровъ, которые будто бы научились строить большія каменныя церкви подъ руководствомъ пришлыхъ, можно, да и то съ большой осторожностью, разсматривать эту церковь, какъ пер-

---

[1]) Стр. 6—11; 15—18.

[2]) Церковная исторія, т. III, стр. 88.

[3]) Артлебенъ, въ Ежегодникѣ Влад. Губ. Стат. Комитета, т. III, стр. 308.

вую попытку самостоятельной ихъ работы: можно предполагать, что, по окончаніи постройки Дмитріевскаго собора, иностранные мастера ушли въ свои края, а когда Великая Княгиня Марія Шварновна задумала постричься и построить для себя монастырь, то она и обратилась къ своимъ каменьщикамъ; на вызовъ иностранныхъ мастеровъ требовалось время, а княгиня была больна [1]), слѣдовательно, приходилось торопиться съ исполненіемъ ея желанія. Если бы русскіе мастера дѣйствительно обладали искусствомъ строенія, то, конечно, они постарались бы украсить какъ можно лучше храмъ для своей княгини.—Впрочемъ, за неимѣніемъ какихъ либо лѣтописныхъ данныхъ о русскихъ мастерахъ, все это можно только предполагать, не болѣе.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ этой постройки былъ передѣланъ соборъ въ Суздалѣ. „Здѣсь, по замѣчанію г. Артлебена, во всѣхъ сохранившихся древнихъ частяхъ собора видно увеличеніе скульптурныхъ украшеній: въ поясѣ даже уголки надъ арочками покрыты рѣзными листиками; и на всѣхъ подставкахъ подъ базами колоннокъ изображены птицы и звѣри"; на колоннахъ около дверей тоже звѣри [2]). Капители дверныхъ колоннъ украшены мелкой рѣзьбой. На пилястрахъ сохранились изображенія животныхъ,—на колоннахъ около дверей, въ мѣстахъ, гдѣ отпала покрывающая ихъ штукатурка, видны рѣзные узоры, птицы, звѣри [3]). Но такъ какъ во время перестройки собора въ 1528 году весь верхъ былъ передѣланъ, то судить, по небольшимъ остаткамъ кое гдѣ сохранившагося пояса стѣны, о количествѣ и достоинствѣ работы очень трудно.—Гораздо лучше сохранился Юрьевскій соборъ: здѣсь вся церковь снизу до верху по-

---

[1]) Съ 1198 года, послѣ рожденія послѣдняго своего сына Іоанна. Лавр. лѣт. 6706. Марья Шварновна скончалась въ 1206 г., всей же болѣзни ея было 7 или 8 лѣтъ. Лавр. лѣт. 6714.

[2]) Рѣзьба колоннокъ пояса Прохоровымъ признается за русскую работу. Русскія Древности. 1875, стр. 61.

[3]) Артлебенъ. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит. III, стр. 310.

крыта рѣзьбой, исполненной не на отдѣльныхъ камняхъ, какъ это замѣчалось до сихъ поръ, а по всей поверхности стѣнъ. Мотивъ рѣзьбы—вѣтки лилій—по своему характеру весьма близко подходитъ къ византійской орнаментикѣ, извѣстной до сихъ поръ только во фресковой живописи [1]). Самая верхняя часть стѣнъ лишена украшеній: это позднѣйшая накладка на стѣнахъ. По срединѣ стѣны идетъ поясъ, колонки котораго соединены между собой островерхими перемычками. Между колонками стоятъ рельефныя фигуры святыхъ—10 на западной сторонѣ и по 16 на сѣверной и южной. Надъ сѣвернымъ порталомъ, имѣющимъ на верху такое же заостреніе, какъ и Успенская монастырская церковь во Владимірскомъ княгининомъ монастырѣ, стоитъ раскрашенная фигура св. Георгія со щитомъ и мечемъ; надъ южнымъ—фигура Архангела. Кромѣ того, здѣсь изсѣчено множество фигуръ львовъ, тигровъ, центавровъ, сфинксовъ, птицъ и т. д. Приставныя колонки имѣютъ изваянія человѣческихъ лицъ грубой работы вмѣсто капителей [2]). Г. Артлебенъ, основываясь на томъ общемъ положеніи, что русскіе очень переимчивы, а слѣдовательно, легко могли усвоить себѣ и искусство каменодѣланія, принимаетъ всѣ эти рельефы за работу русскихъ мастеровъ [3]), а г. Сусловъ—за работу, на которой сказалось русское вліяніе [4]). До выхода въ свѣтъ VI вып. „Русскихъ древностей“ гр. Толстого и акад. Кондакова [5]), эти замѣчанія, высказанныя мимоходомъ, были въ русской литературѣ

---

[1]) Даль. Обзоръ русскаго орнамента. „Зодчій“ 1876 г. № 11—12.

[2]) Рихтеръ. Памятники древне-русскаго зодчества. Тетрадь I, стр. I.

[3]) Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит. вып. III, стр. 312.

[4]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 80—81.

[5]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. VI. Памятники Владиміра, Новгорода и Пскова. СПБ. 1899. Это изданіе, снабженное множествомъ рисунковъ, воспроизводящихъ какъ виды самихъ церквей, такъ и детали ихъ украшеній, является, можно сказать, первымъ опытомъ болѣе или менѣе систематическаго научнаго обозрѣнія владимірскихъ древностей.

чуть-ли не единственными научными мнѣніями о юрьевскомъ соборѣ. Лишь въ этомъ послѣднемъ изданіи детали его украшеній были съ достаточной полнотой разобраны, сравнены съ подобными имъ въ другихъ странахъ и, на основаніи этого, сдѣланы соотвѣтствующіе выводы. Намъ нѣтъ необходимости подробно приводить здѣсь всѣ эти сопоставленія: мы ознакомимся лишь съ результатами, къ какимъ пришли авторы въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи этихъ рельефовъ и ихъ стилѣ.

„Вопросы о стилѣ, содержаніи и характерѣ прилѣповъ или рельефовъ Юрьевскаго собора разрѣшаются указаніемъ лѣтописи, которая подъ 1230 годомъ сообщаетъ: „Того же лѣта Святославъ князь в Юрьевѣ руши церковь святаго Юрія каменую također бѣ обетшала и поламалася, юже бѣ создалъ дѣдъ его Юріи Володимеровичъ и святилъ великимъ священіемъ“. Въ 1234 году „благовѣрный князь Святославъ Всеволодовичъ сверши церковь въ Юрьевѣ святаго мученика Георгія и украси ю“. Подъ 1235 годомъ Суздальскій лѣтописецъ отмѣтилъ только: „мирно бысть“, подъ 1236 годомъ отмѣтилъ солнечное затмѣніе и покореніе Великихъ Болгаръ татарами, а къ 1237 году относится уже татарскій погромъ, и затѣмъ ничего не становится слышно о маленькомъ Юрьевѣ: онъ какъ бы пропалъ среди страшнаго разгрома всей Суздальской земли, вплоть отъ Москвы до Н.-Новгорода“.—Мы откровенно сознаемся, что эта ссылка на свидѣтельство лѣтописи нисколько не уяснила для насъ вопроса о стилѣ, содержаніи и характерѣ рельефовъ Юрьевскаго собора. Да и сами авторы, повидимому, не удовольствовались ею и начали уяснять его совершенно инымъ путемъ: „среди Владиміро-Суздальскихъ церквей соборъ Юрьева-Польскаго занимаетъ едва-ли не первое мѣсто по оригинальности своихъ скульптуръ, связывающихъ эти церкви съ любопытнымъ общимъ вопросомъ объ отношеніи южно-романскаго, т. е. національнаго искусства странъ средневѣковой южной Европы къ восточно-визан-

тійскому. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ Юрьевскихъ прилѣпахъ мы находимъ восточные типы, рисунки и формы, наблюдаемыя нами въ Сиріи и отчасти на Кавказѣ“. Далѣе, авторы высказываютъ мнѣніе о сходствѣ юрьевскихъ рельефовъ съ восточно-византійскими, дѣлаютъ подробное описаніе орнаментовъ собора и сопоставляютъ ихъ съ извѣстными имъ орнаментами другихъ странъ. Въ концѣ этого описанія они прямо ставятъ вопросъ: „откуда суздальская Русь могла почерпать средства для такой культурной формы, гдѣ брала она свои образцы, шаблоны и рисунки, кто были мастера и учителя суздальскихъ школъ, очевидно, разнообразныхъ и многочисленныхъ въ домонгольскій періодъ“? И даютъ такой отвѣтъ: „Какъ ни были татарами истреблены города, испепелены деревни, похищены и ободраны всѣ драгоцѣнности, оклады и утвари соборовъ, отобрано золото и серебро во всякихъ видахъ, суздальская земля сохранила многое и отъ этого времени, но оно пока должно быть еще розыскано въ церквахъ, монастыряхъ и зарытыхъ кладахъ. И теперь владимірскій край производитъ на путешественника впечатлѣніе Ломбардіи: каждый глухой городокъ, многія деревушки имѣютъ драгоцѣнныя древности, еще живутъ художественной жизнью.

Впредь до раскрытія самыхъ памятниковъ и до точной постановки ихъ исторіи, можно уже нынѣ, хотя въ общихъ чертахъ, установить, что родство нашихъ художественныхъ типовъ и рисунковъ съ ломбардскими зависитъ отъ сходства византійскихъ и арабскихъ вліяній: въ Италіи—изъ Сициліи, въ Суздалѣ—изъ Великой Болгаріи и южнаго Поволжья. Не одни каменотесы, но и рѣщики должны были приходить изъ Болгаріи, и арабская торговля заключалась въ обмѣнѣ нашего сырья на предметы восточной художественной промышленности“. Если въ Италіи и встрѣчаются храмы съ рельефами, то послѣдніе покрываютъ стѣны зданій далеко не въ такомъ количествѣ, какъ у насъ во Владиміро-Суздалѣ. „Но что особенно важно, тамъ господство

орнаментальныхъ сюжетовъ звѣринаго стиля, и преимущественно фантастическихъ, приходится также на XII столѣтіе, какъ и въ Россіи, что ясно показываетъ общность художественно-промышленнаго движенія средней Россіи и западной Европы въ эту эпоху" [1]). Этимъ указаніемъ на общность художественно-промышленнаго движенія въ мѣстахъ, гдѣ стиль византійскій вошелъ въ соприкосновеніе съ западнымъ, авторы и ограничиваются въ рѣшеніи вопроса о появленіи настѣнныхъ украшеній въ нашемъ краѣ. Для объясненія же того, какимъ образомъ могъ выработаться здѣсь столь сходный съ романскимъ типъ украшеній, они допускаютъ мысль о существованіи въ Суздалѣ самостоятельной школы мѣстныхъ мастеровъ и въ рельефахъ нашихъ соборовъ видятъ начало проявленія національнаго генія: „Мѣсто суздальской архитектуры, говорятъ они, съ ея общими „романскими" строительными и декоративными принципами и ея своеобразными орнаментальными деталями находится между собственно-романской архитектурою и греко-восточною. Затѣмъ, въ этомъ сліяніи, точнѣе, совмѣщеніи западнаго и восточнаго образцовъ и заключается своеобразность *начинающаго* или *зарождающагося* русскаго искусства" [2]). Но что касается времени этого зарожденія, то они, повидимому, распространяютъ его на весь періодъ строительной дѣятельности въ суздальскомъ краѣ [3]), хотя, по нашему мнѣнію, въ виду ими же самими указываемаго различія въ украшеніяхъ Юрьевскаго собора отъ прочихъ церквей, его, съ гораздо большимъ вѣроятіемъ, можно было бы отнести къ періоду построекъ уже Святослава Всеволодовича, если вообще только допускать мысль о существованіи самостоятельныхъ рѣзчиковъ во Владиміро-Суздалѣ. Мы нарочито дѣлаемъ послѣднюю

---

[1]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 38—55.
[2]) Ibid. стр. 55.
[3]) Ibid. 57.

оговорку: намъ постоянно кажется слишкомъ смѣлымъ предположеніе, чтобы въ краѣ могли образоваться цѣлыя школы мастеровъ, когда памятники появлялись тамъ въ промежутокъ времени одинъ отъ другого до 20 лѣтъ!

Какъ бы то ни было, а большинство изслѣдователей склоняется видѣть въ суздальскомъ искусствѣ заносное, иноземное вліяніе: разница между ними та, что одни допускаютъ, а другіе отрицаютъ переработку послѣдняго сообразно мѣстнымъ вкусамъ. Но вопросъ: откуда же оно занесено—раздѣляетъ ихъ, какъ мы уже видѣли, на нѣсколько группъ, при чемъ каждая изъ нихъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на сходные съ нашими памятники въ той или другой странѣ. Вѣрный въ принципѣ, этотъ методъ, однако, оказывается, въ данномъ случаѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ примѣняется къ нашимъ памятникамъ, далеко не доказательнымъ: одной ссылкѣ противополагается другая, и въ результатѣ—каждая сторона продолжаетъ оставаться при своемъ мнѣніи. Склоняясь къ мысли, что суздальское искусство рѣзьбы по камню не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ вполнѣ самостоятельнаго творчества мѣстной школы мастеровъ, и сознавая всю необходимость дальнѣйшаго обслѣдованія его людьми компетентными въ этой области, мы, съ своей стороны, признаемъ за этими ссылками значеніе не въ смыслѣ доказательствъ происхожденія нашего искусства изъ той или иной мѣстности, а въ смыслѣ лишь матеріаловъ для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Поэтому мы также считаемъ не лишнимъ указать замѣченные нами памятники, на которыхъ встрѣчаются мотивы украшеній, подобные нашимъ.

Самыми распространенными фигурами въ орнаментикѣ суздальскихъ храмовъ являются львы, грифоны и орлы.—Всѣ эти фигуры встрѣчаются на востокѣ такъ же часто, какъ и на западѣ, представляя собою для Европы наслѣдіе греко-римской эпохи. Трудно, да нѣтъ никакой и нужды, указы-

вать всѣ памятники съ подобными изображеніями: ткани, металлическія издѣлія, рельефы на каменныхъ доскахъ, на стѣнахъ церквей, на капителяхъ колоннъ—воспроизводятъ ихъ во множествѣ [1]). Эти же фигуры встрѣчаются и у насъ въ Россіи въ древнѣйшихъ издѣліяхъ азіатскаго и греческаго искусства. Фигуры, подобныя грифонамъ, коренятся, по мѣткому выраженію Ѳ. И. Буслаева, въ самой почвѣ, по которой происходило переселеніе народовъ съ востока на западъ: будучи восточнаго-иранскаго происхожденія, онѣ были занесены народами на западъ и въ романскомъ стилѣ были особенно распространены [2]). Для примѣра укажемъ нѣсколько зданій востока и запада, гдѣ встрѣчаются названныя изображенія. Львовъ мы видимъ на старомъ соборѣ (Catholicon) въ Аѳинахъ [3]), на Маркѣ Венеціанскомъ [4]), на колокольнѣ S. Front de Perigueux [5]), на соборахъ въ Торчелло [6]), въ Генуѣ [7]) и проч. Орловъ: на Маркѣ Венеціанскомъ [8]), на капителяхъ колоннъ св. Димитрія въ Ѳессалоникахъ [9]), на порталѣ церкви св. Петра въ Сполето [10]), на соборѣ въ Моденѣ, на церкви Маріи Великой въ Бергамо [11]), на Кіево-Софійскомъ соборѣ [12]), Палатинской капеллѣ [13]) и проч. многіе изъ указанныхъ здѣсь орловъ терзаютъ какое-то животное, какъ это представлено на рельефахъ и Дмитріевскаго собора. Нѣкоторые изслѣдователи хотятъ видѣть въ львахъ и орлахъ суздальскихъ памятниковъ геральдическій

---

[1]) Байе. Византійское искусство. 94. 186. Cahier. Melanges d'archéologie, III. pl. XIX—XXVIII.
[2]) Критическое Обозрѣніе. 1879 г. № 2. 5.
[3]) Lenoir. Architecture monastique. vol. I. 271.
[4]) Basilica di S. Marco in Venezia. (Venezia. Ongania 1881—1885). Табл. 89. 139. 147. 247.
[5]) Verneilh. L'architecture byzantine en France. 44. pl. 5.
[6]) Selvatico Sulla architectura e sulla scultura in Venezia. 16.
[7]) Osten. Die Bauwerke im Lombardei. pl. XIII.
[8]) Basilica di S. Marco in Venezia. Табл. 68. 157.
[9]) Texier. L'architecture Byzantine. pl. 20—22.
[10]) Knight. The ecclesiastical architecture of Italie. T. II, pl. 9.
[11]) Osten. Die Bauwerke im Lombardei. pl. XXXIII, XXXVI.
[12]) Прохоровъ. Русскія Древности. 1872.
[13]) Павловскій. Роспись Палатинской капеллы. 200—203.

смыслъ [1]); но намъ кажется естественнѣе видѣть здѣсь отраженіе общаго всему западу обычая украшать церкви разными животными подъ вліяніемъ сказаній „бестіаріевъ“ о различныхъ, присущихъ имъ, свойствахъ, часто толкуемыхъ въ примѣненіи даже къ лицамъ Божественнымъ. Приведемъ, для примѣра, хоть одно—два изъ подобныхъ сказаній. „Фисилогъ исповѣда есть о лвѣ яко три вещи имать. Первая ему вещь сицева. Егда идетъ въ гору ловитво хотя створити придеть ему воля ловча. пошибля своею крыеть слѣдъ свои. да не въ слѣдъ его идущи ловци обрящуть слѣдъ его и имуть и. Тако и Спасъ мой разумный левъ. Одолѣвъ исъ колѣна июдова корень давидъ посланъ отъ присносущнаго Отца. Покрыи разумнѣи плеснѣ сирѣчь божество. Съ ангелы ангелъ, съ архангелы архангелъ, съ престолы спростоленъ. Съ властьми властенъ до сшествія его и вниде в утробу Бц҃а Марья. Яко да спасеть прельщенный человѣческій родъ. Слово плоть бысть и вселися в ны. Сего же не разумѣюще и вышняя силы сшедшаго Г҃да Христа. Таже давидъ рече. Г҃дь силенъ то есть царь славы. О лвѣ. Егда спитъ левъ въ пещерѣ своей бдіта ему очи. Отверьстѣ бо ему еста вѣжди. Яко же соломонъ послушествуеть въ пѣсни глаголя. азъ сплю а сердце ми бдить. Плотію бо Г҃дь мой на крестѣ успе, а божество его одесную отца бдяще. не воздремлеть бо ни успнеть храня израиля. паки о лвѣ. егда лвовица родить скумена. мертва его родить и стрежеть его три днии. дондеже пришедъ отецъ его дунеть въ лице ему и въставить и. Тако и Богъ Вседержитель отець всѣмъ третии день въстави перворожденнаго своего Сына и преже сущаго всякаго данія Г҃да нашего Іисуса Христа. Яко да спасеть прелщенный родъ человѣческій“. Также, далѣе, въ центаврѣ и сиринѣ, въ двойствен-

[1]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, стр. 9—10. Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ. 19. 76.

ности ихъ природы, усматривается нравственное наставленіе: „будутъ нѣцыи собрани въ церковь образъ имуще благочестія, а силы его отмѣтающіися. и въ церкви яко человѣци суть. а егда излѣзуть то погибнуть. таци же сущи сиринъ и инокентавръ. лице вземлють съ противныхъ силъ“ [1]). Бестіаріи, какъ назидательное чтеніе, были весьма распространены и у славянъ, и на западѣ Европы, самыя же изображенія звѣрей изъ бестіаріевъ начали появляться еще въ XI вѣкѣ, а въ XII—XIV—распространяются уже широко [2]). Ихъ мы видимъ на соборѣ въ Шартрѣ, Фрибургѣ, Балѣ, Страсбургѣ и и др. [3]). Очень можетъ быть, что этотъ же обычай украшать церкви звѣрями физіолога отразился и на нашихъ суздальскихъ церквахъ, хотя, какъ кажется, всѣхъ фигуръ, здѣсь находящихся, и нельзя объяснить его вліяніемъ.

Изъ дальнѣйшихъ фигуръ Дмитріевскаго и Юрьевскаго соборовъ обращаютъ на себя вниманіе грифоны—изображеніе также весьма обычное на памятникахъ: ихъ мы видимъ на Маркѣ Венеціанскомъ [4]), на колокольнѣ S. Front de Perigueux [5]), св. Михаила въ Павіи [6]), на Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ [7]) и въ др. мѣстахъ.

Царь-Птица (полу-человѣкъ, полу-птица) встрѣчается въ заставкахъ Юрьевскаго Евангелія, рукописи Лаонской библіотеки, на капители у Комона въ его Abécédaire (стр. 22. 23) [8]).

Центавры—на Софіи Требизондской [9]), на церкви Трани и Равелло [10]).

---

[1]) Карнѣевъ. Физіологъ и его литературная исторія. Стр. 161—162. 242—243.
[2]) Höltzinger. Reallexicon der deutschen Alterthümer. *Thier.*
[3]) Cahier. Nouveaux melanges d'archéologie. I. 140 и слѣд.
[4]) Basilica di S. Marco in Venezia. Табл. 68. 137. 247.
[5]) Verneilh. L'architecture byzantine en France, pl. 5.
[6]) Knight. The ecclesiastical architecture of Italie. I, XIV.
[7]) Прохоровъ. Русскія древности 1872 г.
[8]) Буслаевъ. Въ „Критическомъ Обозрѣніи“ 1879 г. № 2. 5.
[9]) Texier and Pullan. Byzantine Architecture. LX. a.
[10]) Schulz. Denkmäler der Kunst des M. A. in Unter-Italien. pl. 21.

Человѣкъ, раздирающій пасть льва—на соборѣ въ Моденѣ [1]), на потолкѣ Палатинской капеллы [2]), на плитахъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ [3]), въ Трани и Равелло [4]): этотъ сюжетъ весьма напоминаетъ совѣтъ Эрминіи: „Сампсонъ стоитъ и ногою попираетъ льва, а руками разрываетъ пасть его, загнувъ ему голову" [5]).

Львы, имѣющіе одну голову и нѣсколько туловищъ: на византійскихъ тканяхъ [6]), на Маркѣ Венеціанскомъ [7]), на соборѣ въ Манѣ [8]), на Палатинской капеллѣ [9]).

Птицы и животныя по бокамъ дерева—на массѣ памятниковъ, между прочимъ на Маркѣ Венеціанскомъ [10]) и церкви въ Мурано [11]).

Птицы, переплетающіяся шеями: на Маркѣ Венеціанскомъ [12]), въ Палатинской капеллѣ [13]).

Всадники, ѣдущіе на коняхъ: въ Трани и Равелло [14]), на церкви св. Зенона въ Веронѣ [15]).

Рѣзьба на колонкахъ, поясахъ, архивольтахъ порталовъ имѣетъ также много сходныхъ мотивовъ съ украшеніями, встрѣчаемыми на востокѣ и западѣ: ср. напр. пл. XIV (с. 2) по Строганову съ украшеніемъ Казале Монферрато (у Osten: Die Bauwerke.... pl. IV); пл. V. (і. з.) и VI Дмитріевскаго собора и церкви Покрова на Нерли (пл. XXII: двери) съ порталомъ св. Прокопа въ Заборѣ (Grüber. Die

---

[1]) Osten. Die Bauwerke in des Lombardei von 7 bis XIV Jahrhund pl. 33.
[2]) Павловскій. Роспись Палатинской Капеллы, стр. 32.
[3]) Прохоровъ. Русскія древности. 1872 г.
[4]) Schulz. Denkmäler der Kunst des M.—A. in Unter-Italien, pl. 21.
[5]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1868 г. I, стр. 541. 67-е наставленіе.
[6]) Mittheilungen der K. K. Central-Commission 1859 г., стр. 258.
[7]) Basilica di S. Marco in Venezia. Табл. 68.
[8]) Cahier. Nouveaux Melanges d'archéologie I, pl. XII.
[9]) Павловскій. Роспись Палатинской капеллы. 217—218.
[10]) Basilica di S. Marco in Venezia. Табл. 119. 136. 199. Звѣри по бокамъ дерева: табл. 242. 245. 269.
[11]) Selvatico. Sulla architettura e sulla scultura in Venezia. 32.
[12]) Basilica di S. Marco in Venezia. Табл. 89. 272.
[13]) Павловскій. Роспись Палатинской капеллы. 32.
[14]) Duc de Luynes, Recherches sur les monuments... des Normands... dans Italie Meridionale. Двери церкви въ Трани, пл. XIV.
[15]) Knight. The ecclesiastical architecture II. pl. VI—VII.

Kunst des M. A. in Böhmen стр. 64); пл. XIV (с. 2) (d. 3) съ украшеніями купола Ладожской церкви (Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. 438) и потолка Палатинской капеллы (Павловскій. Роспись Палатинской капеллы. 50).

Наконецъ, перевивы барабана, образующіе круги, въ которыхъ помѣщаются изображенія святыхъ, также въ одинаковой степени общи и востоку и западу: ср. Гриммъ. Памятники архитектуры въ Арменіи и Грузіи: церковь Богородицы въ Ахталѣ, Мцхетѣ; Texier and Pullan, Byzantine architecture: полы въ церкви Софіи Требизондской, pl. XVI; Палатинская капелла, Павловскаго, 113. Отмѣчаемъ особенную близость въ деталяхъ перевивовъ барабана Дмитріевскаго собора съ перевивами ларца Академіи Художествъ, греческой работы, издѣлія, по времени весьма близкаго къ постройкѣ Дмитріевскаго собора (XII—XIII вѣка): здѣсь, какъ и на владимірскомъ памятникѣ, въ мѣстахъ соединенія круговъ продѣты плетенія, въ родѣ проросшихъ вѣтвей какого то растенія, въ самыхъ же кругахъ помѣщены изображенія святыхъ. Если мы сравнимъ изображеніе, напр., св. Стефана на ларцѣ съ изображеніемъ неизвѣстнаго святого на куполѣ Дмитріевскаго собора (Строгановъ, пл. III. к.), то мы будемъ поражены ихъ сходствомъ: тожество въ расположеніи складокъ одежды, въ положеніи рукъ—правыя какъ бы благословляютъ, лѣвыя держатъ свитки—поразительное [1]). Очевидно, скульптору Дмитріевскаго собора греческіе образцы были извѣстны до мельчайшихъ подробностей. Подобный же примѣръ тожества украшеній можемъ указать еще и въ триптихѣ, хранящемся въ парижскомъ кабинетѣ медалей и относимомъ знатоками искусства къ XI—XII вѣку [2]).

Что касается прочихъ деталей нашихъ украшеній, то подыскать вполнѣ сходныя съ ними въ

---

[1]) Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. 339 и табл. Ж.

[2]) Байе. Византійское искусство. 189.

памятникахъ востока и запада намъ не удалось, да едва-ли въ томъ есть и особенная надобность: и изъ тѣхъ сопоставленій, какія только что нами сдѣланы, съ очевидностью слѣдуетъ, что суздальское искусство представляетъ собою часть какого-то общаго всему культурному міру искусства. Но какимъ путемъ это искусство было занесено къ намъ въ Суздаль? Съ востока или съ запада оно проникло на Русь? Какъ мы уже имѣли случай замѣтить [1]), археологи рѣшаютъ этотъ вопросъ различно: предоставляя самому читателю дѣлать какіе угодно выводы, они ограничиваются лишь самыми общими намеками по этому поводу, въ родѣ, напр., того, что звѣриныя фигуры были особенно распространены въ средней Германіи [2]), близко сходные съ Дмитріевскими порталы видимъ въ Генуѣ, Пармѣ, Моденѣ и Альмено [3]), колончатые пояса распространены вообще на западѣ, а святыхъ въ арочкахъ встрѣчаемъ въ Пуатье и Руффекѣ [4]), полуколонки пилястровъ составляютъ исключительный пріемъ ломбардскаго и венеціанскаго материка [5]) и т. под. Вообще, изъ ихъ словъ оказывается, что мастеру, украшавшему Дмитріевскій соборъ, нужно было знать искусство Западной Европы и умѣть примѣнить его къ постройкѣ византійскаго типа, а этого весьма трудно было бы ожидать отъ мѣстнаго строителя храма. Въ объясненіе единовременнаго проявленія на суздальскихъ церквахъ двухъ вліяній издавна существуетъ теорія, по которой мастерами, строившими эти церкви, были художники-греки изъ сѣверной Италіи, знакомые и съ романскими и греческими пріемами построекъ [6]). Но подобныхъ мастеровъ съ одинаковымъ правомъ тогда можно бу-

---

[1]) Стр. 94.

[2]) Труды I арх. съѣзда. Уваровъ, стр. 254.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. Артлебенъ 289 и 295.

[5]) Ibid. Даль. 278.

[6]) Артлебенъ. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комит. III, стр. 282; о присылкѣ мастеровъ изъ Германіи говоритъ Д. И. Иловайскій въ своей Русской Исторіи, т. II, стр. 211 (М. 1880).

детъ выводить, напр., и изъ Франціи и изъ Германіи [1]): Віоле-ле-Дюкъ въ своемъ Dictionnaire приводитъ не мало примѣровъ, когда романскіе зодчіе были въ скульптурѣ и орнаментикѣ если не копіистами, то, во всякомъ случаѣ, вѣрными послѣдователями византійскихъ преданій [2]).

Такимъ образомъ, на основаніи нѣкоторыхъ архитектурныхъ деталей, напр., порталовъ, колончатыхъ поясовъ, приходится довольствоваться только однимъ несомнѣннымъ выводомъ, что на византійскомъ планѣ въ Суздалѣ были выстроены церкви, въ украшеніяхъ которыхъ сказалось романское вліяніе, неизвѣстно какъ сюда занесенное.

При рѣшеніи вопроса, откуда могло придти къ намъ романское вліяніе, нѣкоторые изслѣдователи хотѣли бы принять въ качествѣ руководящей нити извѣстіе, сообщаемое Татищевымъ, что „мастера для построенія Успенскаго собора были присланы отъ Императора Фридерика Перваго“ [3]), слѣдовательно, изъ Германіи. Однако, признать это мнѣніе за несомнѣнную истину едва-ли возможно. Прежде всего, первые романскіе зодчіе появились въ суздальскомъ краѣ ранѣе андреевскихъ построекъ, еще при жизни Юрія Долгорукаго. Свидѣтельство Татищева о присылкѣ мастеровъ Фридрихомъ Барбароссой для построенія Успенскаго собора не имѣетъ, такимъ образомъ, рѣшающаго значенія въ вопросѣ о *первоначальномъ* вліяніи романскаго искусства на архитектуру и искусство суздальскаго края. Можно даже усумниться въ присылкѣ Фридрихомъ мастеровъ и для Успенскаго собора: извѣстіе это, какъ кажется, сообщается Татищевымъ не какъ историческій фактъ, почерпнутый имъ изъ лѣтописей, а какъ его личная догадка: по крайней мѣрѣ, мы не находимъ его въ текстѣ Ис-

---

[1]) Какъ это и дѣлаетъ г. Артлебенъ, постоянно сравнивающій суздальскія церкви въ деталяхъ съ церквами Франціи—въ Пуатье, Рюффекѣ, Ангулемѣ и др. См. Ежегодникъ, т. III, стр. 283.

[2]) Dictionnaire raisonnè d'architecture. Vol. VII.

[3]) Татищевъ. Исторія Россійская. III, прим. 483.

торіи, а лишь въ примѣчаніяхъ къ нему. Порядокъ его повѣствованія таковъ: говоря о построеніи Владимірскаго Успенскаго собора Андреемъ Боголюбскимъ, онъ пишетъ: „по снисканію бо его даде ему Богъ мастеровъ для строенія онаго изъ умныхъ земель (здѣсь примѣчаніе о присылкѣ мастеровъ Фридрихомъ), которые строили и украсили его паче всѣхъ церквей“ [1]). Этимъ общимъ замѣчаніемъ о приходѣ мастеровъ „изъ умныхъ земель“ Татищевъ и ограничивается: его безпристрастіе, какъ историка, не позволяетъ ему внести свою личную догадку въ лѣтописный сводъ его Исторіи. Если бы это извѣстіе находилось въ какой либо лѣтописи, до насъ не дошедшей, то ничто не препятствовало бы ему отмѣтить это указаніе, какъ исторически данный фактъ. Что авторъ въ данномъ случаѣ не имѣлъ у себя подъ руками другихъ, кромѣ извѣстныхъ намъ, лѣтописей, это можетъ доказываться сличеніемъ текста его исторіи съ Лаврентьевской лѣтописью. Въ послѣдней подъ 6668 г. повѣствуется: „того же лѣта создана бысть церкы святая Богородица, в Володимери, благовѣрнымъ и боголюбивымъ княземъ Андрѣемъ; и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгимъ каменьемъ бес числа, и ссуды церковными, и верхъ ея позлати; по вѣрѣ же его и по тщанію его к святѣй Богородицѣ, приведе ему Богъ изъ всѣхъ земль мастеры, и украси ю паче инѣхъ церквий. Того же лѣта погорѣ Ростовъ, и церкви всѣ, и сборная дивная и великая церкы святоѣ Богородицѣ (сгорѣ) якое же не было ни будеть“. Татищевъ въ своей исторіи пишетъ: „Въ то же время Андрей Князь Великій достроилъ во Владимирѣ Бѣлорусскомъ церковь святыя Богородицы каменную, и украсилъ ея преизрядно, верхи позлатилъ, въ нутри же украсилъ иконами разными, на нихъ же злата и сребра и каменей драгоцѣнныхъ много возложилъ, сосуды сдѣлалъ златыя и сребреныя; по снисканію бо его даде

---

[1]) Исторія Россійская, т. III, стр. 127, изд. 1774.

ему Богъ мастеровъ для строенія онаго изъ умныхъ земель (прим. 483), которые строили и украсили ея паче всѣхъ церквей, въ ней же и чудную икону Пресвятыя Богородицы поставилъ, о которой сказываютъ, яко бы Лука Евангелистъ написалъ, и принесена изъ Царя Града въ Кіевъ Пирогощею. Андрей, взявъ ея отъ отца своего, принесъ въ новый градъ Владиміръ, и его обновилъ. Того же году выгорѣлъ Ростовъ весь и церкви всѣ, и сборная предивная церковь святыя Богородицы, какой не было нигдѣ и не будетъ, погорѣли". Ходъ мыслей историка, повѣствующаго намъ о дѣяніяхъ Андрея Боголюбскаго и суммирующаго извѣстія, данныя лѣтописью въ другихъ мѣстахъ, развѣ не указываетъ намъ на тотъ источникъ, которымъ онъ пользовался? Развѣ это не точный пересказъ текста Лаврентьевской лѣтописи?

Если бы, далѣе, предположить вмѣстѣ съ Татищевымъ, что мастера 1158 года были присланы Фридрихомъ изъ Германіи, тогда необходимо нужно думать, что и мастера 1152 года были оттуда же въ виду совершенно одинаковаго характера всѣхъ построекъ суздальскаго края. Но предполагать это весьма трудно: Фридрихъ Барбаросса только что въ этомъ году самъ вступилъ на императорскій престолъ и едва-ли даже могъ знать что нибудь объ удѣльномъ князѣ мѣстности, лежащей за многія тысячи верстъ отъ него, гдѣ-то среди дремучихъ лѣсовъ, и тогда ничѣмъ еще не замѣчательной. Съ другой стороны, и Юрій былъ поглощенъ въ это время одной только заботой—завладѣть Кіевскимъ столомъ. Думать, чтобы онъ, идя войной на Великаго Князя, съ цѣлью изгнать его изъ Кіева и самому сѣсть на его мѣсто, въ *то же* самое время прилагалъ особыя старанія объ украшеніи суздальскаго края, выписывалъ для того мастеровъ чрезъ мало ему извѣстнаго (едва-ли даже извѣстнаго) Германскаго Императора, изъ страны, объ искусствѣ которой онъ и самъ едва-ли имѣлъ какое либо представленіе—очень трудно. При томъ же и лѣто-

писи ничего не говорятъ о его сношеніяхъ съ иностранными государями за это время.—Все это и заставляетъ насъ думать, что никакого посольства мастеровъ отъ Фридриха Барбароссы въ 1152 г. не было. А между тѣмъ, фактъ романскаго вліянія на церковныя постройки суздальской области именно уже съ 1152 года не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ объясненіе этого явленія мы осмѣливаемся предложить новую теорію, объясняющую, по нашему мнѣнію, правдоподобно и особенности типичнаго плана суздальскихъ церквей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ романскаго на нихъ вліянія.

До сихъ поръ русская ученая литература, при объясненіи особенностей суздальской архитектуры, совершенно игнорировала юго-западную окраину древней Руси—княжество Галицкое. Удаленное отъ русскихъ ученыхъ центровъ, въ чужой теперь для насъ странѣ. оно мало кого изъ русскихъ интересовало своей церковной стариной, тѣмъ болѣе, что отъ древняго времени (XI—XIII вѣковъ) здѣсь сохранились лишь жалкіе остатки памятниковъ. А между тѣмъ, Галичъ заслуживаетъ всякаго вниманія и съ этой, культурной, своей стороны, такъ какъ онъ, составляя въ прежнее время одну изъ видныхъ частей Руси, оказывалъ большое политическое вліяніе на ходъ тогдашнихъ событій.

Относительно владимірскихъ храмовъ мы знаемъ уже, что на нихъ сказались два вліянія—византійское и романское—и второе, при томъ, въ довольно развитыхъ формахъ. Трудно допустить, чтобы пришлые зодчіе, безъ предшествующей подготовки, сразу съумѣли создать такія изящныя, во всѣхъ своихъ частяхъ законченныя, зданія, какъ наши церкви, и чтобы зданія эти представляли собою *первый* опытъ соединенія указанныхъ стилей въ одно, столь гармоничное, цѣлое. Гораздо естественнѣе предположить, что соединеніе этихъ стилей началось ранѣе и происходило постепенно, такъ, что выработка и примѣненіе къ орнаментовкѣ зданія той или иной детали, прошли въ своемъ развитіи извѣстную ста-

дію. Подобная постепенность въ приспособленіи одного стиля къ другому могла имѣть мѣсто лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ стили эти соприкасались другъ съ другомъ, т. е. въ странахъ, лежавшихъ на границахъ того и другого влiянiя. Такими странами, ближайшими къ Россiи, и были славянскiя земли— Сербiя, Болгарiя, Чехiя, Моравiя, а равно и юго-западныя окраины древней Руси, гдѣ греческая вѣра, вмѣстѣ съ греческимъ типомъ церквей, вошла въ соприкосновенiе съ западной культурой еще задолго до появленiя суздальскихъ храмовъ. Въ какой формѣ, на какихъ частяхъ зданiй и какъ сильно проявилось то и другое влiянiе—прекрасный образецъ тому мы видимъ въ сохранившихся доселѣ древнихъ храмахъ Сербiи, гдѣ романизацiя зданiй греческаго типа происходила съ давнихъ поръ. Проф. Кондаковъ, въ своей рецензiи на изданiя Каницца [1]), отмѣчаетъ, между прочимъ, въ этихъ храмахъ такiя черты, которыя весьма близко напоминаютъ намъ наши суздальскiя церкви. Сербскiя церкви, говоритъ онъ, планомъ своимъ напоминаютъ греческiй типъ церквей,—куполъ ихъ на 4 столбахъ,—крыша скатная,—порталы по формѣ своей походятъ на романскiе,—окна, высокiя и узкiя, окружены арочками,—три абсиды—въ Студенцѣ—полукруглыя, въ другихъ церквахъ многоугольныя,—глухiя аркады и фризы простираются между лизенами,—карнизы изъ сухариковъ,—стволы колоннъ и пилястръ иногда украшены спиралями и кружками съ листвой внутри какъ въ колонкахъ Дмитрiевскаго собора,—колонки арочнаго фриза, идущаго между лизенъ, покоятся на консоляхъ, образуемыхъ львами, или другими звѣриными фигурами, и похожи на Дмитрiевскiя. Листва разнообразная съ фантастическими фигурами людей, птицъ, драконовъ и т. п. На тимпанѣ монастыря въ Студеницѣ изображенъ Христосъ

---

[1]) „Serbiens byzantinische Monumente“ и „Über alt-und neu-serbischen Kirchenbaukunst“ въ Сборникѣ Общества Древне-русскаго искусства на 1866 годъ, отд. II, стр. 49.

на тронѣ и два ангела въ строго византійскомъ стилѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей, напр., Семендріи, Жига, Студеницѣ принадлежатъ по первоначальной постройкѣ въ XI—XII вѣку. Хотя всѣ эти церкви сохранились до насъ и не въ первоначальномъ своемъ видѣ, но общій ихъ характеръ, именно—соединеніе византійскаго плана съ романскими украшеніями, въ формахъ, весьма близкихъ съ суздальскими церквами, но выработанныхъ, конечно, совершенно отъ нихъ независимо, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Мы не думаемъ объяснять особенностей суздальской архитектуры изъ сербской, такъ какъ намъ ничего неизвѣстно о сношеніяхъ Юрія или Андрея съ сербскими королями, а равно въ Сербіи и нѣтъ такихъ церквей, на которыя безъ колебанія можно было бы указать, какъ на первообразъ для нашихъ. Въ данномъ случаѣ намъ важно лишь наблюдать, въ какомъ видѣ сказалось на этихъ памятникахъ дѣйствіе двухъ вліяній—романскаго и византійскаго: имѣя въ виду сербскія романизованныя церкви, мы легче можемъ составить себѣ картину романизаціи церквей и въ другихъ южно-славянскихъ земляхъ, между прочимъ, и въ Галичѣ, гдѣ храмы греческаго типа появились еще во времена Владиміра Святого. Находясь по близости отъ Венгріи, водворившейся на развалинахъ Моравскаго княжества [1]), а равно отъ Силезіи и Богеміи, гдѣ романскій стиль въ XII вѣкѣ былъ въ полномъ расцвѣтѣ, Галицкое княжество не могло остаться совершенно чуждымъ культурѣ своихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что оно было въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними. Въ 1123 г. Ростиславичи вмѣстѣ съ Венграми, Поляками и Чехами помогаютъ Ярославу въ

[1]) Относительно исторіи романизаціи венгерскихъ построекъ подъ вліяніемъ Бенедиктинцевъ (монастырей этого ордена къ концу XI вѣка здѣсь насчитывалось уже до 15) см. въ Jahrbuch der Kaiserlich. Königl. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale 1856, статья проф. Eitelberg v. Edelberg: Bericht über einen archeologischen Ausflug nach Ungarn in den Jahren 1854 und 1855.

борьбѣ съ Мономахомъ;—до 1122 года Володарь Ростиславичъ находится въ союзѣ съ Поморянами и Пруссаками,—въ 1127 г. Владимірко приглашаетъ Венгровъ противъ брата своего Ростислава,—въ 1142 г. Владимірко помогаетъ польскому королевичу Владиславу,—въ 1144 году Венгры снова помогаютъ Владимірку въ его борьбѣ съ Всеволодомъ Кіевскимъ [1]) и т. д. Сношенія съ западными государствами были не только по военнымъ дѣламъ, но и по торговымъ: изъ-за Карпатъ, напр., постоянно вывозилась на Русь соль [2]). Такія близкія отношенія къ западнымъ государствамъ не могли не отразиться и на культурѣ Галича: это признается и С. М. Соловьевымъ, который говоритъ, что „вліяніе быта Польши и Венгріи было ощутительно въ Галичѣ" [3]). Несомнѣнно, что это вліяніе отразилось и на такой важной отрасли искусства, какъ архитектура: въ своемъ стремленіи украсить города храмами, галичане ни въ какомъ случаѣ не могли пройти мимо богатыхъ украшеніями романскихъ церквей своихъ сосѣдей.—Эти наши общія соображенія о возможности заимствованія Галичемъ культуры съ запада, въ частности и въ отношеніи архитектуры, могутъ доказываться отчасти и фактическими данными.

Галичское княжество, столь сильное при Володимиркѣ, Ярославѣ и Даніилѣ, съ теченіемъ времени утратило все свое могущество, а многочисленныя бѣдствія, какимъ оно подверглось, начиная съ татарскаго нашествія, уничтожили почти всѣ памятники, воздвигнутые здѣсь въ эпоху его процвѣтанія.

Лишь фундаменты и изрѣдка находимыя отдѣльныя детали украшеній древнихъ храмовъ могутъ свидѣтельствовать намъ, что строительное искусство когда-то стояло здѣсь на высокой степени развитія. Раскопки, произведенныя близъ г. Галича въ

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, 82. 83. 119. 126.
[2]) Аристовъ. Промышленность древней Руси. 68—69. 175.
[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, стр. 428.

80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, дали въ этомъ отношеніи драгоцѣнные результаты для археологіи.

Наиболѣе сохранившеюся изъ всѣхъ церквей галичскаго княжества является въ настоящее время базилика св. Станислава, бывшая прежде церковью св. Пантелеймона. Относимая—предположительно—къ первымъ годамъ XIII столѣтія, она построена изъ бѣлаго известковаго камня. Въ продолженіе своего многовѣкового существованія она подвергалась многочисленнымъ передѣлкамъ, такъ что теперь во многихъ частяхъ утратила свой первоначальный видъ. Однако, тотъ фактъ, что прежде она была купольнымъ сооруженіемъ, теперь установленъ уже съ несомнѣнностью Куполъ ея поддерживался арками, утвержденными на 4 столбахъ. Планъ ея—квадра́тъ, на восточной сторонѣ котораго—три абсиды, средняя изъ нихъ нѣсколько больше боковыхъ. Украшеніе абсидъ состоитъ изъ круглыхъ дужекъ, покоящихся на стройныхъ колонкахъ, и очень напоминаетъ мотивы древнихъ сирійскихъ церквей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно имѣетъ рѣшительно западный оттѣнокъ, и можно думать, поэтому, что оно, прежде чѣмъ появиться на восточномъ склонѣ Карпатъ, должно было сдѣлать большой кругъ—чрезъ южную Францію, Ломбардію и Венгрію. На боковыхъ стѣнахъ внѣшнія лизены соотвѣтствуютъ внутреннему расположенію первоначальныхъ столбовъ храма. Церковный входъ представляетъ изъ себя порталъ въ романскомъ стилѣ,—капители его столбовъ чаше-и-кубо-образныя, какъ въ романскихъ строеніяхъ. Внутри, на западной сторонѣ храма, помѣщались хоры на нарочито устроенныхъ для того столбахъ. Три продольныхъ карабля завершаются на восточной сторонѣ нишами. Не смотря на сильно измѣнившійся видъ зданія, оно до сихъ поръ ещеноситъ характеръ построекъ тѣхъ давно минувшихъ временъ, когда въ этомъ сѣверо-восточномъ углу австрійской имперіи византійское вліяніе соперничало съ романскимъ, и романское искусство тогда уже одержало верхъ. Строитель этой

церкви долженъ былъ знать, по крайней мѣрѣ, по рисункамъ, украшенія церквей венгерскихъ, нижне-австрійскихъ—въ Каринтіи, южнаго Тироля или даже средней Германіи, гдѣ встрѣчаются украшенія, очень напоминающія описываемый памятникъ. Церковь св. Станислава не была окончательно разрушена: отъ древняго времени сохранился низъ ея, сложенный изъ бѣлаго камня, высотою до 8—9 метровъ, такъ что ея планъ и первоначальное расположеніе частей можно наблюдать безъ всякаго труда. Кромѣ этой церкви раскопками, производимыми съ 1882 года, въ мѣстности, занимаемой древнимъ Галичемъ, обнаружены фундаменты и еще нѣсколькихъ церквей; найдены и нѣкоторыя древнѣйшія украшенія, свидѣтельствующія о характерѣ и стилѣ, въ какомъ были воздвигнуты эти храмы. Многочисленность фундаментовъ говоритъ намъ о сильно развитомъ здѣсь строительномъ искусствѣ, заставляющемъ предполагать, что здѣсь была своя школа мастеровъ, выработавшая особый стиль построекъ; по этимъ же фундаментамъ видно, что здѣсь господствовалъ опредѣленный планъ церквей, лишь варіировавшійся въ отдѣльныхъ памятникахъ. Къ 1886 году были открыты слѣдующіе фундаменты: 1) на іезовскомъ полѣ—фундаментъ церкви Преображенія Господня (Salvatorskirche); 2) два фундамента въ Бидунѣ. Оба они лежатъ въ одной линіи съ церковью св. Станислава въ южномъ отъ нея направленіи; 3) фундаментъ церкви св. Анны, на востокъ отъ церкви св. Станислава; 4) къ югу отъ этой церкви находится фундаментъ церкви Благовѣщенія, но онъ не могъ быть откопанъ вслѣдствіе почвенныхъ условій;—изслѣдованъ лишь полъ церкви, который состоитъ изъ цвѣтныхъ кирпичей, какъ и въ церкви Преображенія (№ 1), а это позволяетъ заключать объ однородности этихъ построекъ; 5) на правомъ берегу рѣки Луквы лежатъ развалины церкви св. Иліи, по плану близкой къ базиличнымъ постройкамъ. Всѣ фандаменты церквей чрезвычайно близко подходятъ одинъ къ другому:

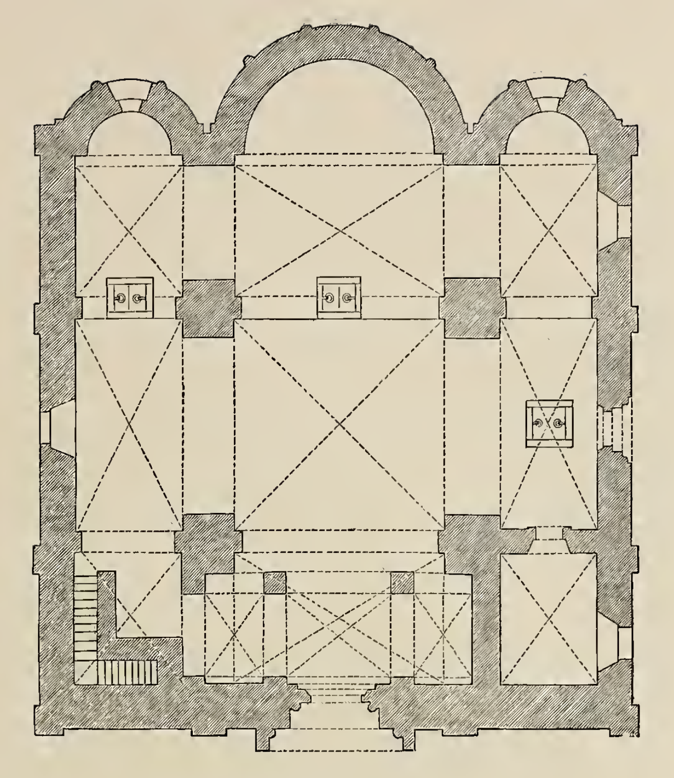
церкви подъ № 1. 2 3 и св. Станислава—несомнѣнно, одного общаго византійскаго типа. Особенно близки другъ къ другу, почти тожественны, фундаменты церквей св. Станислава и Преображенія (№ 1),—остальные—немного продолговатѣе. Всѣ эти церкви принадлежатъ, по своимъ размѣрамъ, къ разряду небольшихъ: ихъ квадраты 15,5×16,7 метра. Въ этотъ списокъ церквей не вошли церкви въ Галичѣ и Клиросѣ, изъ которыхъ первая—Спасителя, а вторая—Божіей Матери. Церковь въ Галичѣ—старѣйшая, принадлежитъ къ византійскому типу и по объему больше описанныхъ церквей.—Всѣ эти церкви, сходныя въ общемъ съ церковью св. Станислава, разнятся между собою лишь въ количествѣ украшеній: найденные, напр., около церкви Преображенія столбики съ арочками на верху—трифорій (настоящая или глухая галлерея въ стѣнѣ) свидѣтельствуютъ, что эта церковь была украшена гораздо богаче, нежели церковь св. Станислава. Къ сожалѣнію, составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе объ украшеніяхъ этихъ церквей теперь очень трудно, такъ какъ бѣлый камень, изъ котораго были построены церкви, постепенно разбирался мѣстными жителями на различныя надобности [1]).

Мы нарочито возможно полнѣе изложили результаты раскопокъ и изслѣдованій галичскихъ церквей потому, что ихъ развалины, по нашему мнѣнію, имѣютъ нѣкоторыя черты сходства съ нашими суздальскими церквами.

Прежде всего и главнымъ образомъ, типичный планъ галичскихъ церквей чрезвычайно напоминаетъ намъ такой же типичный планъ суздальскихъ церквей: какъ расположеніе частей, такъ и пропорціи ихъ почти тожественны. Мы приводимъ здѣсь для сравненія планъ церкви св. Станислава, съ ко-

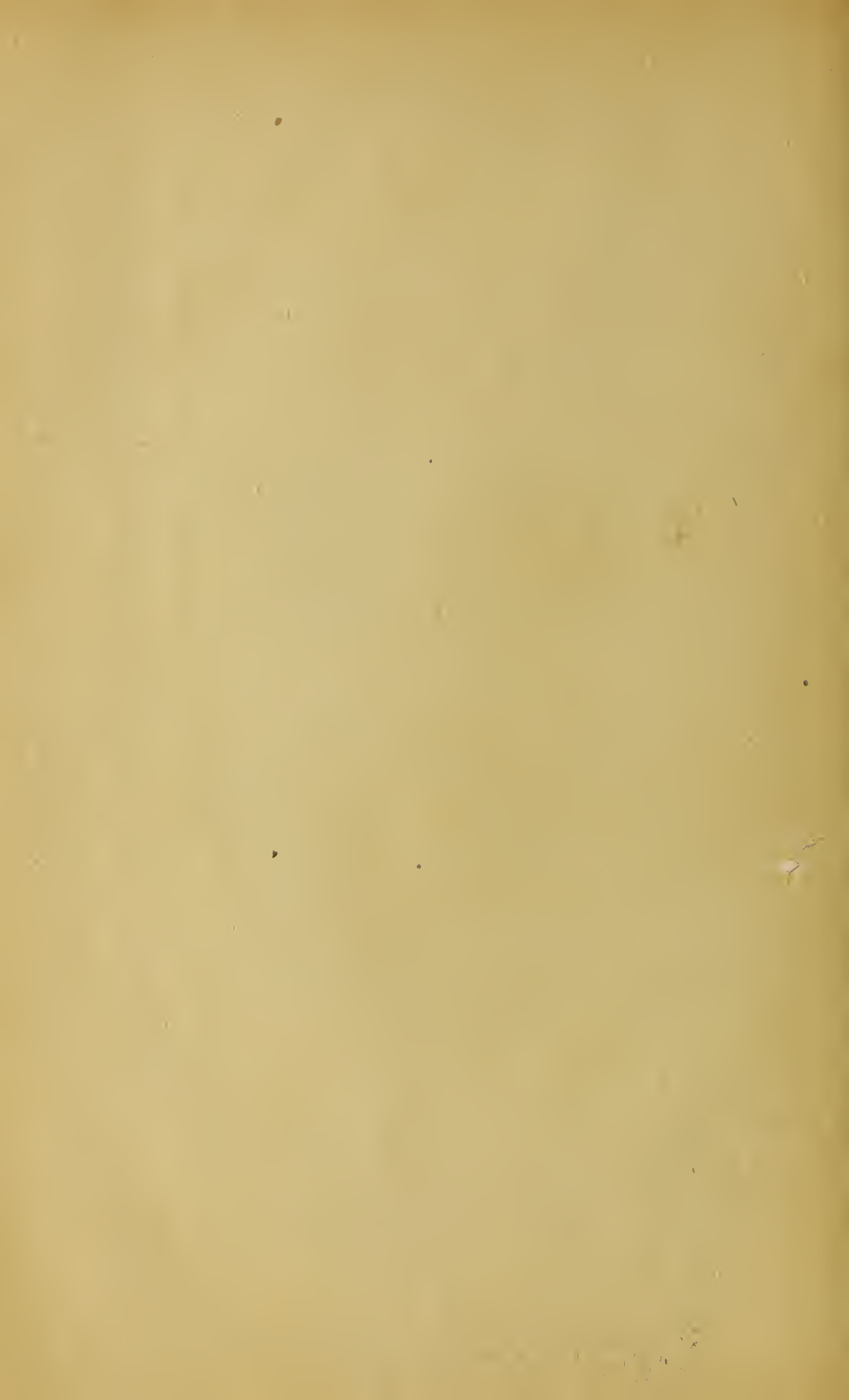
---

[1]) Mittheilungen der K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst-und historischen Denkmale: 1888: Die Malerei in der altruthenischen Kunst von Adalbert Grafen Dzieduszycki, и другая статья: Die Franciscaner-Kirche in Halitsch. Isidor Scharaniewicz.

Планъ церкви св. Станислава.

Ппанъ Преображен. собора въ г. Переславлѣ-Залѣсскомъ.

торой сходны и остальныя галичскія церкви, и планъ Преображенскаго собора въ Переяславлѣ, одной изъ первыхъ построекъ Суздальской земли.

Если мы допустимъ самостоятельность въ выработкѣ этихъ плановъ въ двухъ удаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ древней Руси—въ Галичѣ и Суздалѣ, то мы тѣмъ самымъ вынуждены будемъ признать фактъ удивительнаго параллелизма въ строительномъ искусствѣ: двѣ страны, независимо одна отъ другой, вырабатываютъ такіе сходные планы церквей, какихъ нѣтъ нигдѣ въ другихъ странахъ. Это тѣмъ болѣе странно, что, какъ мы видѣли, суздальскіе мастера на первыхъ порахъ едва-ли даже и были способны къ какой либо самостоятельности въ постройкѣ большихъ зданій.

Самые размѣры плановъ первыхъ суздальскихъ церквей почти равны со вновь открытыми галичскими: церковь Преображенія въ Галичѣ, напр., равна 16.3 × 16.7 метра, т.-е. 22 × 23 аршинамъ, а это весьма близко подходитъ къ размѣрамъ Преображенскаго собора въ Переяславлѣ и церкви въ Кидекшѣ, имѣющимъ 21½ × 17¼ аршина и 23¼ × 18¾ аршина въ основаніи.

Нельзя пройти молчаніемъ и отзывъ ученыхъ о характерѣ украшеній тѣхъ и другихъ церквей: если мы сравнимъ мнѣніе о рѣзьбѣ на суздальскихъ храмахъ Віоле-ле-Дюка [1]) съ только что приведеннымъ мнѣніемъ объ украшеніяхъ галичскихъ церквей, то нельзя не видѣть между ними ближайшаго сходства: и въ томъ и другомъ случаѣ говорится объ азіатскомъ отпечаткѣ на украшеніяхъ, которое, прежде чѣмъ достигнуть до нашихъ церквей, должно было сдѣлать большой кругъ чрезъ романскія страны.

Въ указанныхъ выше статьяхъ о раскопкахъ въ Галичѣ, кромѣ всего этого, приводятся любопытныя детали украшеній: трифоріумъ—часть вдѣланной въ стѣну галлереи, и высѣченная на отдѣльной плитѣ

[1]) См. стр. 90—91.

фигура, на подобіе тѣхъ, какія мы видимъ подъ крышей купола въ нашихъ церквахъ: Совпаденіе въ украшеніяхъ, можетъ быть, случайное, но, во всякомъ случаѣ, характерное.

Вообще, нѣкоторое сходство между зданіями Галича и Суздаля, по нашему мнѣнію, есть, но насколько оно велико въ деталяхъ, къ сожалѣнію, сказать не можемъ, такъ какъ въ доступныхъ намъ библіотекахъ мы не нашли всѣхъ нужныхъ для всесторонняго освѣщенія этого вопроса книгъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что Галичскія церкви носятъ на себѣ слѣды романскаго вліянія. Г. Шараневичъ и Джедуцкій [1]) относятъ усиленіе этого вліянія ко второй половинѣ XII вѣка, именно ко времени походовъ Венгерскаго короля Бэлы, посадившаго, подъ предлогомъ помощи Владиміру, сыну Ярослава Осмомысла, на галичскій столъ своего сына Андрея въ 1187 г. (Сравн. Соловьевъ. Исторія Россіи II. 293—294). Но, намъ кажется, нѣтъ необходимости относить начало романскаго вліянія къ столь позднему времени. Мы уже говорили о частыхъ сношеніяхъ галичскихъ князей съ западными государями въ первую половину XII вѣка: ничто не препятствуетъ предположить, что съ того же времени въ Червонную Русь стало вторгаться и западно-романское искусство.

Къ сожалѣнію, намъ извѣстно слишкомъ мало галичскихъ церквей отъ первой половины XII вѣка, знаемъ только, что приблизительно около 1141 г. выстроена была церковь Богородицы, въ нѣкоторыхъ частяхъ сохранившаяся и до нашихъ дней [2]),— что около 1152 г. уже существовала здѣсь церковь Спаса, при княжескомъ дворѣ; — къ тому же времени вышеуказанные изслѣдователи относятъ и церкви, фундаменты которыхъ мы только что описали.— Что касается дальнѣйшаго устройства и убранства

---

[1]) См. цитуемыя ихъ статьи на стр. 128.

[2]) Галицкій Историческій Сборникъ, вып. I. Здѣсь же приведенъ и планъ этой церкви при статьѣ Петрушевича: „О соборной Богородичной церкви въ Галичѣ“.

галичскихъ церквей, то мы не имѣемъ о нихъ почти никакихъ свѣдѣній. Лишь одна любопытная подробность можетъ быть установлена съ вѣроятностью, на основанiи лѣтописныхъ сказаній: именно—существованіе около церкви Спаса переходовъ изъ княжескаго дворца на палати церкви: лѣтопись говоритъ намъ, что Владиміръ, отпустивши ни съ чѣмъ Петра, посла Изяславова, пріѣхавшаго къ нему съ требованіемъ исполненія данныхъ имъ раньше обѣщаній, „поиде к божници къ святому Спасу на вечернюю; и якоже бы на переходѣхъ до божници, и ту види Петра ѣдуща и поругася ему (и рече): поѣха мужь руский обуимавъ вся волости. и то рекъ иде на полати“ [1]). Очень можетъ быть, что эти „переходы“, ведущіе на „полати“ прямо изъ княжескаго дворца, были похожи на сохранившіяся доселѣ пристройки къ церкви Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ: тогда является еще новый признакъ сходства галичскихъ построекъ съ суздальскими.

Принимая во вниманіе все, нами вышеизложенное, мы позволяемъ себѣ думать, что заимствованіе Суздалемъ архитектуры и украшеній храмовъ произошло изъ Галича, тѣмъ болѣе, что и историческія данныя не препятствуютъ такому предположенію.

Несомнѣнно извѣстно, что въ XII вѣкѣ, вѣкѣ процвѣтанія архитектуры въ Галичѣ, происходили почти непрерывныя сношенія Суздаля съ Галичемъ вслѣдствіе нѣкоторой общности интересовъ того и другого княжества. Какъ мы уже сказали, Юрій Долгорукій постоянно стремился на великокняжескій столъ. Около половины XII вѣка въ Кіевѣ сидѣлъ Изяславъ, князь сильный и дѣятельный. Тѣмъ не менѣе, Юрій изыскивалъ всякіе способы затѣять съ нимъ ссору, чтобы низвергнуть его и занять его мѣсто. Враждебныя отношенія между ними особенно обострились съ того времени, когда Изяславъ выгналъ сына Юрія, Ростислава, изъ данныхъ ему прежде областей. Ростиславъ пришелъ къ отцу и

[1]) Ипат. лѣт. 6660.

разсказалъ о нанесенной ихъ роду обидѣ. Юрій, и безъ того раздраженный только что предъ тѣмъ бывшимъ нашествіемъ великаго князя на Ростовскую область (1149 г.), рѣшилъ отмстить Кіевскому князю, собралъ войско и двинулся на югъ. Кромѣ Половцевъ и Ольговичей, на его сторонѣ былъ и Галичскій князь, Владимірко, отвлекавшій силы Польскаго и Венгерскаго королей, которые хотѣли было идти на помощь Изяславу. Владимірко имѣлъ причины быть недовольнымъ Кіевскимъ княземъ: когда тотъ посадилъ во Владимірѣ Волынскомъ одного изъ Ольговичей, для Галича народилась опасность утратить свою политическую самостоятельность, такъ какъ, въ случаѣ столкновенія, онъ не былъ бы въ состояніи противостать соединеннымъ силамъ двухъ столь могущественныхъ своихъ сосѣдей. Естественно, Галичскій князь отъ всей души желалъ выжить Ольговича изъ его удѣла: это повело даже къ открытой войнѣ, въ которой, впрочемъ, Владимірко потерпѣлъ неудачу.—Въ 1145 г. Кіевскій князь далъ у себя убѣжище Ивану Берладнику, вздумавшему было завладѣть галичскимъ престоломъ; вслѣдствіе этого вновь произошло столкновеніе между Кіевомъ и Галичемъ: Владимірко разграбилъ Прилуку, а Кіевскій князь—Звенигородскую область. Въ 1146 г. Изяславъ вывелъ Ольговича изъ Владиміра Волынскаго и присоединилъ эту область къ Кіеву, что еще болѣе усилило подозрѣнія Владимірки. Личное неудовольствіе, а главное, политическій разсчетъ—ослабить Кіевскаго князя—и заставили Владимірко помогать Юрію въ его борьбѣ съ Изяславомъ. И вотъ мы видимъ, что въ 1149 г. онъ отвлекаетъ вниманіе польскаго и венгерскаго королей, идущихъ на помощь великому князю; загораживаетъ путь войскамъ Изяслава, когда тотъ двинулся было къ Кіеву, гдѣ въ это время засѣлъ уже Юрій.—Въ 1150 году Юрій, выгнанный изъ Кіева, снова, при помощи Владимірки, овладѣваетъ великокняжескимъ столомъ; въ Кіевѣ они встрѣтились и пріятельски проводили время. Въ дальнѣйшей

борьбѣ съ Изяславомъ Владимірко постоянно помогаетъ Юрію. Это политическое единеніе было закрѣплено между ними и родственными узами: сынъ Владимірки, Ярославъ, женился на дочери Юрія— Ольгѣ (1150 г.).—Когда въ 1152 году Юрій потерпѣлъ рѣшительное пораженіе отъ своего противника Изяслава, онъ сначала убѣжалъ въ Переславль, затѣмъ—въ Городецъ, и все это время пересылался съ Владимірком, прося у него помощи; но раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ предпринять что нибудь въ его пользу, онъ принужденъ былъ съ позоромъ уйти въ свою Суздальскую область, окончательно потерявъ надежду на занятіе силой Кіевскаго стола [1]). Къ этому году исторія и пріурочиваетъ заботы Юрія о Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ: тогда онъ „зачалъ строить въ области своей многіе града, Юріевъ въ полѣ, Переяславль у Клюшина озера, Владиміръ на Клязьмѣ, Кострому, Ярославль и другіе многіе града, тѣми же имены, какъ въ Руси суть, хотя тѣмъ утолить печаль свою, что лишился великаго княженія Рускаго“ [2]), а равно заложилъ и церкви—въ Переяславлѣ Преображенскій соборъ, во Владимірѣ—Георгіевскую, въ Кидекшѣ—Борисо-Глѣбскую, въ Суздалѣ—св. Спаса и др.

Мы такъ подробно изложили политическія событія половины XII вѣка (1149—1152 г.) съ той цѣлью, чтобы яснѣе представить читателю, какія заботы волновали Юрія, съ кѣмъ онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, каковы были его цѣли: всѣ заботы его сосредоточиваются на томъ, какъ бы занять кіевскій престолъ, а сношенія ограничиваются преимущественно дружбой съ галичскими князьями, да развѣ иногда съ половцами, помогавшими ему время отъ времени въ борьбѣ съ кіевскимъ княземъ. Ни о какихъ сношеніяхъ съ иностранными государями за этотъ періодъ времени, какъ разъ предшествующій усиленной постройкѣ церквей въ Суздалѣ, въ лѣтописяхъ мы не находимъ никакихъ указаній.

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II.

[2]) Татищевъ. Исторія россійская, т. II, стр. 76. Изд. 1776 г.

Таковы данныя археологіи и исторіи, которыя навели насъ на мысль о заимствованіи суздальской архитектуры и искусства рѣзьбы по камню изъ Галича. Мы не будемъ, конечно, настаивать на мысли, что наши храмы суть точнѣйшее воспроизведеніе галичскихъ, такъ какъ для этого у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ; но допустить, что первое знакомство Суздаля съ особымъ греческимъ типомъ романизованныхъ церквей произошло чрезъ Галичъ, намъ кажется, возможно.

Съ теченіемъ времени, когда суздальскіе князья узнали, что галичане заимствовали искусство рѣзьбы по камню съ запада, очень можетъ быть, что и они стали вызывать мастеровъ непосредственно оттуда же, но если уже позволительно дѣлать предположенія, то мы сказали бы, что суздальское искусство шло параллельно съ галичскимъ. Мы имѣемъ положительное свидѣтельство лѣтописи, что вкусъ къ рѣзнымъ украшеніямъ церквей въ XIII вѣкѣ (время перестройки Суздальскаго и Юрьевскаго соборовъ) былъ развитъ въ Галичѣ въ сильной степени. Галичскій князь Даніилъ выстроилъ въ Холмѣ (вѣроятно, по образцу уже существовавшихъ въ Галичѣ церквей) „церковь святого Ивана, красну и лѣпу; зданіе же еѣ сице бысть: комары 4, с каждого угла переводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцкихъ изваяно отъ нѣкоего хытрѣца... двери же ея двоя украшены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ холмъскымъ, тесанымъ, изрыты некимь хытрѣцемь Авдьемь, прилѣпы отъ всѣхъ шаровъ и злата, на преди ихъже бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ святый Иванъ“ [1].

Въ русской литературѣ относительно личности Авдія было сдѣлано нѣсколько предположеній: думаютъ, что этотъ „хитрецъ“ научился своему мастерству въ суздальской землѣ, такъ какъ-де кромѣ ея нигдѣ не было искусства рѣзать фигуры по камню. Авдій украсилъ рельефами Юрьевскій соборъ; во

[1]) Ипат. лѣт. 6767.

время нашествія Батыя взятъ былъ татарами въ плѣнъ, гдѣ и пробылъ до 1259 г.; въ этомъ году (Ипат. лѣт. 6767) бѣжалъ къ Даніилу въ Галичъ и построилъ въ Холмѣ церковь св. Ивана. Основаніемъ къ предположенію о его плѣнѣ служатъ свидѣтельства Плано-Карпини и Рубруквиса, которые, въ 1246 и 1253 г.г., во время поѣздокъ въ резиденцію хана, видѣли тамъ русскихъ мастеровъ (ювелира и зодчаго) [1]. Но всѣ эти предположенія основаны на самыхъ общихъ соображеніяхъ: почему нужно думать, что русскіе мастера у хана непремѣнно были изъ суздальской земли, а не изъ Галича, тоже *русскаго* княжества, для насъ не понятно. Напротивъ, если Авдій былъ тѣмъ русскимъ, котораго путешественники видѣли у хана, то ему всего естественнѣе было, при представившейся къ тому возможности, уйти къ себѣ на родину, а не куда то въ незнакомую мѣстность. Если онъ бѣжитъ въ Галичъ, то вѣроятнѣе думать, что тамъ и былъ его родной край. Мысль, что Авдій былъ строителемъ Юрьевскаго собора, поддерживается, хотя и робко, въ видѣ предположенія, г. Сусловымъ [2]. Но если бы это было правдой, то мы скорѣе готовы думать, что Авдій и безъ помощи татарскаго плѣна могъ быть и въ Юрьевѣ и въ Холмѣ: возможно предполагать, что для украшенія юрьевскаго собора онъ былъ вызванъ изъ Галича, а потомъ, по окончаніи здѣсь постройки, возвратился на родину и впослѣдствіи украсилъ тамъ Холмскую церковь.—Такимъ образомъ, всѣмъ гаданіямъ изслѣдователей можно противопоставить свои гаданія, при чемъ вѣроятность тѣхъ и другихъ будетъ одинакова.

Но фактъ, что изваянія святыхъ и рѣзьба по камню были уже въ большомъ употребленіи въ Галичѣ чрезъ 60 лѣтъ послѣ построенія Дмитріевскаго собора и чрезъ 30 лѣтъ послѣ Юрьевскаго не под-

---

[1]) Віоле-ле-Дюкъ. Русское искусство, 84. Артлебенъ. Ежегодникъ Влад. Губ. Стат. Комитета вып. III стр. 313.

[2]) Сусловъ. Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 80. Прим. 1.

лежитъ сомнѣнію, а фигуры „Спаса“ и „Ивана“ невольно напоминаютъ намъ фигуры Георгія и архангела Юрьевскаго собора. Этотъ параллелизмъ въ развитіи искусства двухъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностей наводитъ на мысль о ихъ взаимной связи: думается, что которая нибудь изъ нихъ шла самостоятельно, а другая заимствовала и планы и украшенія церквей въ готовыхъ уже формахъ у той, которая выработала ихъ раньше. Мы склонны думать, что Суздаль бралъ у Галича, какъ болѣе близкаго къ культурѣ запада, а не на оборотъ. На заимствованіе именно изъ мѣстности, гдѣ греческое вліяніе спорило съ романскимъ, указываетъ и характеръ рельефовъ суздальскихъ храмовъ: фигуры святыхъ здѣсь чисто греческаго стиля, хотя рельефныя изображенія на храмахъ допускалъ преимущественно западъ. Въ русской литературѣ есть взглядъ, что рельефы приняли греческій отпечатокъ вслѣдствіе надзора греческихъ художниковъ за западными, исполнявшими работы, мастерами. Но гораздо проще допустить, что въ Галичѣ къ XII вѣку уже образовалась своя школа мастеровъ каменнаго дѣла, которая, знакомясь съ искусствомъ высѣкать на камнѣ фигуры людей въ ближайшихъ къ княжеству мѣстностяхъ процвѣтанія романскаго искусства, воспроизводила ихъ у себя дома, сообразно съ требованіемъ греческой иконографіи. Суздаль находился для этого въ гораздо худшихъ условіяхъ: не было у него по близости ни художественныхъ образцовъ, ни мастеровъ, которые бы научили мѣстныхъ каменьщиковъ искусству высѣкать изображенія, ни, наконецъ, времени для образованія своихъ собственныхъ школъ.

Единственнымъ возраженіемъ противъ нашей теоріи можетъ быть выставлено свидѣтельство лѣтописи, которая отзывается о мастерахъ, строившихъ суздальскія церкви, какъ о „нѣмцахъ“ [1]), т. е. иностранцахъ, между тѣмъ какъ Галичъ искони

---

[1]) Лавр. лѣт. 6702.

былъ русскимъ княжествомъ. Возраженіе, сознаемся, сильное, но не неустранимое, если только допустить предположеніе, что и само галичское искусство развивалось подъ руководствомъ западныхъ мастеровъ. Эти мастера могли быть приглашаемы потомъ и въ суздальскій край: какъ извѣстно, суздальскіе князья не жалѣли никакихъ средствъ для украшенія своихъ церквей; ничего нѣтъ удивительнаго, что они вызывали и искуснѣйшихъ мастеровъ, какіе только были въ Галичѣ.

Нужно будетъ, слѣдовательно, только признать, что изъ Галича приходили не русскіе мастера, а ихъ учителя, кто бы они ни были. Вопросъ не въ томъ, на какомъ языкѣ они говорили, а какую школу они представляли, какой типъ церквей они насаждали въ далекомъ Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ.

V.

Храмы Владиміро-Суздальской области расписывались внутри картинами религіознаго содержанія, исполняемыми al fresco. До сихъ поръ еще не найдено здѣсь другого способа исполненія ихъ, напр., мозаичнаго, подобно тому, какъ это мы видимъ въ кіевскихъ храмахъ. Даже Владимірскій Успенскій соборъ, на украшеніе котораго Андрей Боголюбскій не жалѣлъ никакихъ средствъ, и тотъ не имѣлъ мозаикъ, а довольствовался болѣе дешевой фресковой росписью, тѣмъ болѣе, конечно, не могли разсчитывать на такую роскошь прочіе храмы. Но за то фресковая роспись была въ изобиліи: ею покрывались всѣ стѣны отъ алтаря до западной стѣны. Остатки этихъ фресокъ существовали до послѣдняго времени во всѣхъ церквахъ: въ церквахъ Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ [1]) и Покровской на Нерли [2]) онѣ были замѣтны въ видѣ пятенъ, просвѣчивавшихъ на куполѣ и стѣнахъ изъ подъ слоя извести.

---

[1]) Прохоровъ. Русскія древности. 1875, стр. 73.

[2]) Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ, стр. 76. Артлебенъ въ Ежегодникѣ Влад. Губ. Стат. Комитета III, стр. 299.

Въ Переяславскомъ соборѣ г. Артлебеномъ были открыты подъ хорами, на нижней части свода, 4 фигуры апостоловъ, сидящихъ на скамьяхъ съ высокой спинкой, съ раскрытыми въ рукахъ книгами, на листахъ которыхъ написаны буквы. Позади ихъ—ангелы. На правой сторонѣ средняго свода также открыта часть фигуры апостола. Сохранились фрески на правой и лѣвой сторонѣ средняго свода, но характеръ ихъ опредѣлить трудно. На лѣвой отъ входа аркѣ открыты 3 фигуры: двѣ изъ нихъ неизвѣстны, а третья—ангелъ, съ простертой къ нимъ рукою. По характеру своему эти фрески имѣютъ весьма близкое сходство съ фресками Дмитріевскаго собора [1]).

Болѣе сохранилась роспись въ Дмитріевскомъ соборѣ подъ хорами. Здѣсь изображены фигуры апостоловъ съ книгами въ рукахъ; они сидятъ, какъ и въ Преображенскомъ соборѣ въ Переяславлѣ, на скамьяхъ съ высокими спинками. Кромѣ того, здѣсь мы видимъ группу св. женъ, ведомыхъ апостоломъ Петромъ въ рай; двухъ ангеловъ, трубящихъ одинъ—въ море, другой—въ землю; праведниковъ въ видѣ маленькихъ человѣчковъ, сидящихъ на колѣняхъ и около Авраама, Исаака и Іакова [2]); Божію Матерь, возсѣдающую на креслѣ и имѣющую по сторонамъ ангеловъ (одинъ не сохранился). Рай изображенъ въ видѣ деревьевъ и какого-то ползучаго растенія („виноградныхъ лозъ“), разстилающагося надъ головой Божіей Матери по нарочито устроенной для сего клѣткѣ. Кругомъ—птицы. Отъ фигуры благоразумнаго разбойника сохранился только восьмиконечный крестъ, часть нимба и руки [3]).

Когда появились эти изображенія и кто былъ мастеръ, ихъ рисовавшій, трудно сказать: нѣкоторые думаютъ, что они—произведеніе греческихъ ху-

---

[1]) Труды Владимірскаго Губ. Стат. Комитета I, 1863 г. Древнія фрески, открытыя въ Спасопреображенскомъ соборѣ, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Артлебена. Стр. 80—81. Къ сожалѣнію, отъ этихъ фресокъ теперь не осталось никакого слѣда.

[2]) Доброхотовъ. Памятники во Владимірѣ Клязенскомъ, стр. 148: маленькіе человѣчки—простыя дѣти, а не души праведниковъ.

[3]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, пл. XV—XVI.

дожниковъ XII вѣка [1]), другіе—русскихъ вѣка XIV [2]); примирительное между тѣмъ и другимъ мнѣніе гласитъ, что русскіе живописцы (Андрей Рублевъ и Даніилъ Иконникъ) подновляли эти фрески по штрихамъ, сохранившимся отъ древности [3]).

Самыми интересными по сохранности и полнотѣ между всѣми росписями храмовъ Владиміро-Суздаля являются открытыя при реставраціи 1882 г. фрески Владимірскаго Успенскаго собора. Фрески эти были описаны первоначально г. Мансветовымъ, а затѣмъ, еще полнѣе и обстоятельнѣе, проф. Н. В. Покровскимъ. Оба изслѣдователя приходятъ въ общемъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, но второй изъ нихъ, разсматривая ихъ въ послѣдовательномъ историческомъ развитіи сюжета и каждой ихъ детали, далъ совершенно полную ихъ характеристику, такъ что мы ограничимся преимущественно изложеніемъ лишь добытыхъ имъ результатовъ.

По общепринятому въ литературѣ мнѣнію, фрески Успенскаго собора являются, если не вновь написанными, то, во всякомъ случаѣ, подновленными въ началѣ XV вѣка [4]), когда Андрей Рублевъ и Даніилъ Иконникъ были посланы сюда съ спеціальной цѣлью „подписывать соборную церковь Пресвятой Владимірской, повелѣніемъ Великаго Князя“ [5]).

Проф. Покровскій и г. Мансветовъ, придерживаясь этого мнѣнія, разногласятъ между собой лишь въ опредѣленіи признаковъ ихъ древности: 1) по мнѣнію г. Мансветова, расположеніе буквъ на нимбѣ Спасителя ωον, а не οων, какъ это замѣчается въ древнѣйшихъ, сравнительно съ нашимъ, памятникахъ, указываетъ на мастерство, позднѣйшее XIII вѣка, а проф. Покровскій утверждаетъ, что оба написанія встрѣчаются и въ предшествующее XIII вѣку вре-

---

[1]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ, стр. 13. Авторъ, впрочемъ, допускаетъ поновленіе ихъ въ XV вѣкѣ.

[2]) Прохоровъ. Русскія древности. 1875. 48—49.

[3]) Покровскій. Страшный судъ въ памятникахъ Византійскаго и русскаго искусства, стр. 24.

[4]) Хотя въ первыхъ описаніяхъ ихъ и высказывалась мысль о принадлежности ихъ къ XII вѣку. Влад. Епарх. Вѣд. 1884 г. № 22, стр. 685.

[5]) Воскресенская лѣт. 6916.

мя [1]); 2) форма головныхъ уборовъ въ видѣ колпачковъ, замѣчаемая на нѣкоторыхъ святыхъ, ведомыхъ въ рай, хотя, дѣйствительно, получаетъ особенное распространеніе въ позднѣйшихъ памятникахъ, но встрѣчается и ранѣе, такъ что этотъ признакъ тоже не надеженъ въ опредѣленіи времени появленія нашихъ фресокъ [2]). Точно также неправиленъ и признакъ, приводимый Мансветовымъ въ пользу своего мнѣнія, будто простертая длань, какъ символъ мученичества, стала изображаться въ сравнительно позднее время: на памятникахъ и этотъ и болѣе древній символъ—крестъ въ рукѣ—употребляются безразлично одинаково [3]). Руководящимъ началомъ въ опредѣленіи времени появленія нашихъ фресокъ служатъ стиль и сюжеты памятника: по техникѣ фрески Успенскаго собора приближаются къ школѣ цвѣтущаго періода московской живописи, представителемъ котораго является Рублевъ. Изъ сюжетовъ росписи обращаетъ на себя вниманіе фигура св. Авраамія: если это св. Авраамій, убитый въ Болгаріи въ 1229 году [4]), то нѣтъ никакого сомнѣнія, что живопись явилась позднѣе этого года [5]).

Интересна здѣсь полузаложенная пилястрой фигура прор. Наума, открытая на внѣшней сѣверной сторонѣ андреевскаго собора. Какимъ образомъ она очутилась подъ пилястрой всеволодовской пристройки? Не была-ли она здѣсь еще во времена Андрея и не украшала-ли наружность храма вмѣстѣ съ другими, не дошедшими до насъ изображеніями? Примѣры наружныхъ фресковыхъ и мозаичныхъ украшеній мы видимъ во множествѣ на греческихъ и западныхъ церквахъ, но относительно русскихъ церквей сказать ничего не можемъ, такъ какъ у

---

[1]) Прибавленіе къ Твор. Св. Отцовъ 1883 г. часть 31: По поводу недавно открытой стѣнописи въ Московскомъ и Владимірскомъ Успенскихъ соборахъ И. Мансветова, стр. 546. Покровскій. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ, стр. 71.

[2]) Мансветовъ. 551. Покровскій, тамъ же.

[3]) Мансветовъ. 552. Покровскій, тамъ же.

[4]) Лавр. лѣт. 6738.

[5]) Покровскій. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ. 71.

насъ нѣтъ объ этомъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Впрочемъ наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, по которому это изображеніе написано было вмѣстѣ со всѣми прочими внутри всеволодовскаго храма; заложено же оно было во время капитальнаго ремонта собора въ 1725—1734 г., произведеннаго подрядчикомъ Буевымъ, когда нужно было перекладывать почти всѣ арки, вслѣдствіе ихъ ветхости [1]).

Многочисленныя изображенія, коими былъ покрытъ соборъ внутри, дошли до насъ далеко не всѣ: сохранилась, можетъ быть, только 1/8—1/10 часть ихъ [2]). Такая количественная ихъ скудость объясняется тѣми бѣдствіями, какія претерпѣлъ соборъ, начиная съ татарскаго нашествія, и тѣмъ запустѣніемъ, въ какомъ онъ находился вплоть до половины прошлаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, и то, что уцѣлѣло до насъ, представляетъ высокій археологическій интересъ. Правда, что большинство картинъ сохранилось не въ полномъ видѣ, но все же онѣ имѣютъ свое значеніе, такъ какъ даютъ намъ возможность судить, хотя даже въ общихъ чертахъ, объ иконографическихъ сюжетахъ того времени и о томъ распорядкѣ, въ какомъ шли священныя изображенія въ храмахъ древняго времени.

Въ Успенскомъ соборѣ сохранились до насъ остатки слѣдующихъ картинъ: на сѣверной сторонѣ—Преображеніе Господне, на южной—Сошествіе Св. Духа на апостоловъ и Крещеніе Господне, на западной —Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы и Срѣтеніе Господне. Изъ отдѣльныхъ фигуръ—Артемій, Авраамій, Петръ, Онуфрій, Савва, Антоній Великій, прор. Наумъ, Іона, Давидъ, Исаія; за иконостасомъ остались закрытыми и нереставрированными фрески, представляющія, по Мансветову, „тріумфальный крестъ съ двумя изображеніями надъ нимъ“ [3]). На западной стѣнѣ храма, подъ хорами,

---

[1]) Виноградовъ. Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора во Владимірѣ. Стр. 66—68.
[2]) Мансветовъ. 539.
[3]) Ibid. стр. 557.

сохранилась картина Страшнаго Суда, самая полная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она представляетъ собою одну изъ наиболѣе развитыхъ формъ изображенія этого сюжета въ древнихъ памятникахъ,—поэтому, болѣе подробное разсмотрѣніе ея не будетъ излишнимъ.

Центромъ всей картины, расположенной по аркамъ и столбамъ подъ хорами, является Судія міра, представленный сѣдящимъ на херувимахъ, которые образуютъ около него кругъ. Одной рукой Онъ призываетъ къ себѣ праведниковъ, другой—удаляетъ грѣшниковъ. Глава Его имѣетъ нимбъ съ буквами ωον. Около Него помѣщены аттрибуты Страшнаго Суда, которыми христіанская иконографія уже издревле окружала рѣшительный моментъ приговора: уготованіе престола; вѣсы, какъ символъ правосудія; Адамъ и Ева, припадающіе къ престолу съ мольбой о помилованіи; Богоматерь и Предтеча, ходатайствующіе за грѣшное человѣчество; два ангела съ державами—символомъ власти Божіей; сосудъ съ оцтомъ (Мансветовъ. 547) или съ искупительной кровью Спасителя (Покровскій. Росписи. 72); ангелы, трубящіе въ море и землю и тѣмъ призывающіе людей на судъ; птицы; звѣри; олицетворенныя море и земля, отдающія мертвецовъ; 12 апостоловъ, сидящихъ на престолахъ; небо, въ видѣ полотна, съ изображеніями солнца, луны и звѣздъ; олицетворенія четырехъ царствъ; наконецъ, слѣдствія суда: праведники, руководимые Ап. Петромъ и Павломъ, идутъ въ рай, гдѣ и блаженствуютъ, подъ видомъ маленькихъ человѣчковъ, на лонѣ Авраама и въ рукѣ Божіей; разбойникъ въ раю съ восьми-конечнымъ крестомъ; видна дверь рая, охраняемая херувимомъ. Изображеній мученія грѣшниковъ здѣсь не сохранилось.

Въ постепенномъ развитіи этого иконографическаго сюжета можно намѣтить два основныхъ момента: 1) когда преобладалъ символизмъ: Судія-Пастырь, раздѣляющій овецъ отъ козлищъ;—Женихъ, принимающій въ общеніе съ Собой дѣвъ мудрыхъ и отвергающій дѣвъ неразумныхъ; и 2) когда символизмъ уступаетъ мѣсто открытому вы-

раженію идеи: Страшный Судъ изображается согласно описанію его въ Новомъ Завѣтѣ, хотя символизмъ и здѣсь не былъ устраненъ окончательно. Первый способъ представленія Страшнаго Суда уступилъ мѣсто второму довольно скоро, и уже отъ Ефрема Сирина (IV вѣкъ) мы имѣемъ такое описаніе его, которое, даже въ подробностяхъ, весьма близко напоминаетъ намъ характерныя черты памятниковъ позднѣйшаго времени: приближается Судія, сопровождаемый ангелами; уготовляется престолъ; воскресаютъ мертвые; раскрываются книги, гдѣ записаны грѣхи людскіе; праведники отдѣляются отъ грѣшниковъ; первые блаженствуютъ, вторые— въ отчаяніи и т. д. [1]). Дополняясь въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи новыми деталями, изображеніе Страшнаго Суда перешло изъ Греціи какъ на западъ (Торчелльская мозаика, церковь св. Ангела близъ Капуи), такъ и къ намъ въ Россію, гдѣ сдѣлалось необходимой картиной въ росписи храмовъ. Сообразно съ общей символикой храма, для этого сюжета назначалась западная стѣна. Храмъ, по представленію литургистовъ, символически изображаетъ Церковь Христову: алтарь—Церковь небесную и безсмертную ея Трапезу, средняя часть—церковь земную. Соотвѣтственно этому воззрѣнію, размѣщались въ немъ и священныя изображенія: въ алтарѣ— Тайная Вечеря; какъ совершители таинства Евхаристіи, святые, бывшіе при жизни въ клирѣ и теперь находящіеся въ обращеніи съ Церковью небесной, съ Іисусомъ Христомъ и Божіей Матерію. Земная церковь, такъ же, какъ и небесная, имѣетъ своею главою Іисуса Христа, а потому Онъ и изображается въ куполѣ, который господствуетъ надъ всѣмъ храмомъ: изображеніе Его было или въ видѣ вознесенія Его на небо, и тогда ангелы поддерживаютъ окружающій Его ореолъ, или просто въ погрудномъ видѣ съ благословляющей десницей.

---

[1]) Покровскій. Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства, стр. 7—9.

Ученіе Его было распространено апостолами и предвозвѣщено пророками,—поэтому, они помѣщаются вблизи Его, въ куполѣ же. Евангелисты дали намъ исторію земной жизни Христа, такъ что, благодаря имъ, всѣ концы вселенной слышатъ слова и чудеса Его: они помѣщаются въ парусахъ купола, обращенныхъ на четыре стороны свѣта. Мученики и подвижники своею преданностью Богу утвердили вѣру въ него: они также нашли себѣ мѣсто въ храмовыхъ росписяхъ въ назиданіе вѣрующимъ. Какъ указаніе на конецъ земной Церкви и на необходимость для всѣхъ дать отчетъ Богу въ послѣдній день Суда, на западной стѣнѣ храма помѣщается картина Страшнаго Суда [1]).

Характеръ всей росписи владимірскихъ храмовъ носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ греческаго вліянія, какъ въ композиціи, такъ и въ техникѣ исполненія: здѣсь нѣтъ ни одной черты, которая бы указывала на самобытность русскаго художника, писавшаго эту картину, на творческій духъ его, хотя бы даже въ мелкихъ ея деталяхъ: она представляетъ собою повтореніе византійскаго типа живописи [2]). Такая сильная зависимость росписей русскихъ церквей отъ греческихъ образцовъ сохранила наше искусство отъ травіальностей, допускаемыхъ въ священныхъ изображеніяхъ Западомъ: если тамъ было обращено усиленное вниманіе на соотвѣтствіе положенія изображаемыхъ лицъ страшному моменту, на драматичность дѣйствія, выражающуюся въ рѣзкихъ движеніяхъ, часто недостойныхъ изображаемаго лица, какъ напр., Судія—въ видѣ Зевса — громовержца, разгнѣваннаго на грѣшниковъ, то на Востокѣ, изъ желанія не столько устрашать, сколько поучать, предпочитали спокойное изображеніе событія и дѣйствующихъ въ немъ

---

[1]) Покровскій. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ, стр. 79—80. Толстой и Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. IV, стр. 115—116.

[2]) Мансветовъ—въ Прибавл. къ Твореніямъ Св. Отцовъ, ч. 31, стр. 542—543.

лицъ. Строгое соблюденіе завѣщаннаго намъ Греціей характера живописи продолжалось у насъ до XVI вѣка, когда начались первыя попытки сближенія нашего искусства съ западнымъ, попытки, вызвавшія на первыхъ порахъ энергичный протестъ дьяка Висковатаго и другихъ приверженцевъ старины. Самими мастерами—живописцами долгое время у насъ были греки [1]). Но сохраненіе византійскаго типа живописи не должно понимать такъ, что одна картина точно копировалась съ другой, безъ всякихъ отъ нея отступленій: въ открытыхъ росписяхъ древнѣйшихъ церквей Россіи нѣтъ двухъ картинъ, которыя представляли бы точнѣйшую копію одна съ другой, и это наблюдается даже въ такихъ близкихъ по времени и по мѣсту нахожденія росписяхъ, какъ росписи Владимірскаго Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ. Такъ подъ надписью: „агіос Петр ведетъ вся святыя враі", въ Дмитріевскомъ соборѣ помѣщена группа женщинъ, предшествуемая аскетомъ, а въ Успенскомъ соборѣ этотъ аскетъ поставленъ сзади группы; или: на лонѣ Авраамовомъ въ Дмитріевскомъ соборѣ помѣщено изображеніе одной души, а въ Успенскомъ—нѣсколько и т. п. Еще больше разницы между живописью суздальскихъ и новгородскихъ или кіевскихъ церквей. Византійское искусство, слѣдовательно, не исключаетъ развитія религіозныхъ сюжетовъ, не убиваетъ самостоятельности художника, но, требуя уваженія къ иконописнымъ преданіямъ въ отношеніи представляемыхъ идей и стиля, оно допускаетъ и извѣстную долю индивидуализма, которая можетъ выражаться въ своеобразной комбинаціи сюжетовъ, въ положеніи лицъ въ картинѣ, въ большей или меньшей ихъ красотѣ, правильности фигуръ и т. д. Все это допускалось, лишь бы были сохранены лучшія черты византійскаго искусства: скромность положенія фигуръ; отсутствіе дебелости и красноты лицъ, соотвѣтствующее идеѣ объ изнуреніи и подвигахъ;

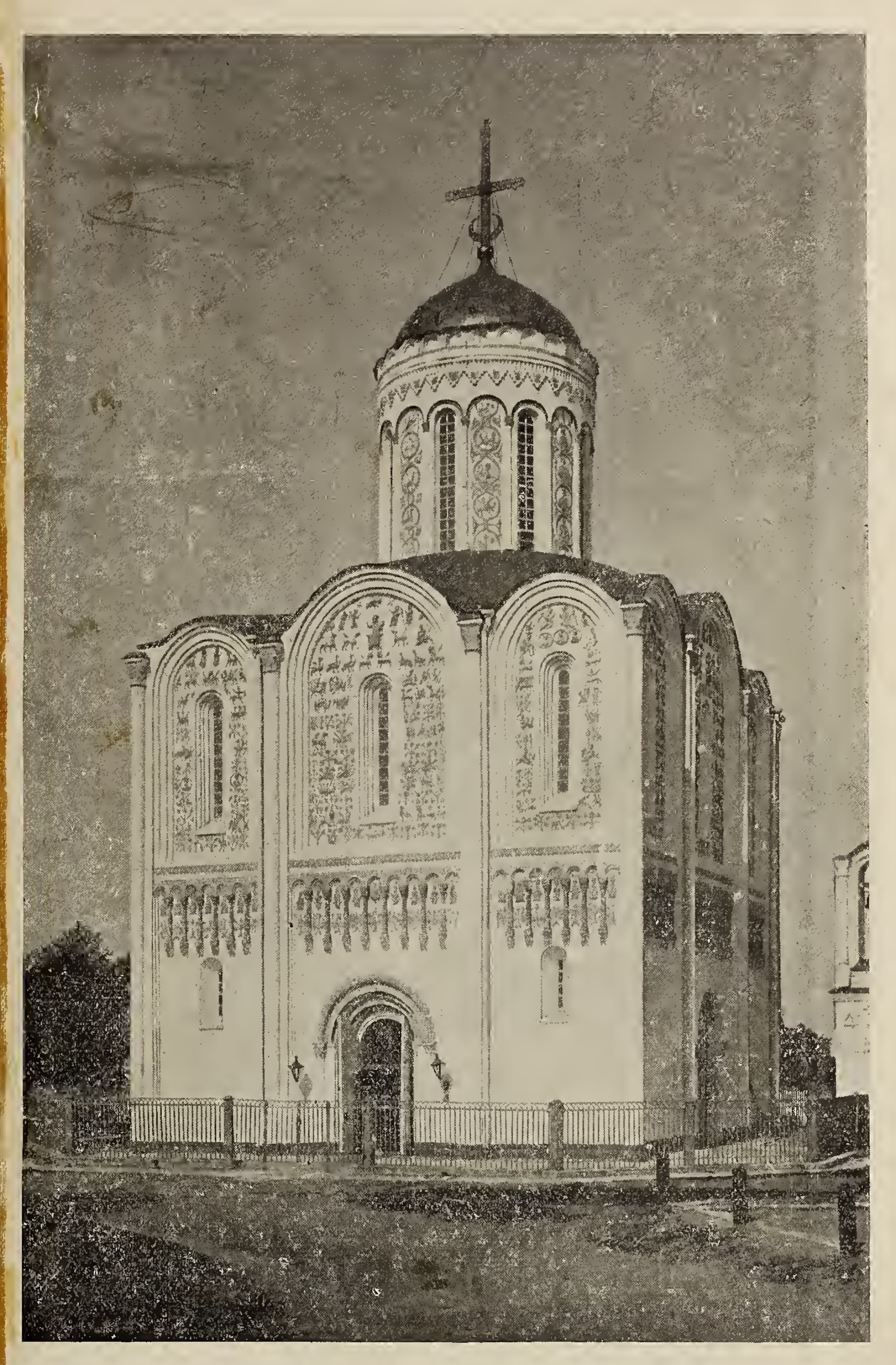
---

[1]) Покровскій Стѣнныя росписи, стр. 36—41.

строгое соблюденіе костюмовъ, вѣрное историческимъ преданіямъ; отсутствіе излишняго обнаженія членовъ; правильность фигуръ и драпировки одеждъ; важность позъ и проч. И мы, дѣйствительно, иногда видимъ, что даже во всей строгости держащіеся требованій византійской школы достигаютъ высокаго совершенства въ искусствѣ: Андрей Рублевъ и его школа являются лучшимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія. Онъ твердо держится основного принципа византійской иконописи—въ точности выражать извѣстную богословскую идею въ образахъ, не привнося сюда своихъ собственныхъ измышленій, а лишь изображая то, что опредѣлено св. отцами [1],—и вмѣстѣ съ тѣмъ, рисунокъ его отчетливъ, строгъ, раскраска плавная и тонкая, положеніе фигуръ естественное. Роспись Владимірскаго Успенскаго собора потому и представляетъ большой интересъ въ исторіи живописи, что она, будучи произведеніемъ этого автора, является лучшимъ изъ имѣющихся у насъ отъ прежняго времени образцомъ въ смыслѣ исполненія греческихъ традицій въ искусствѣ.

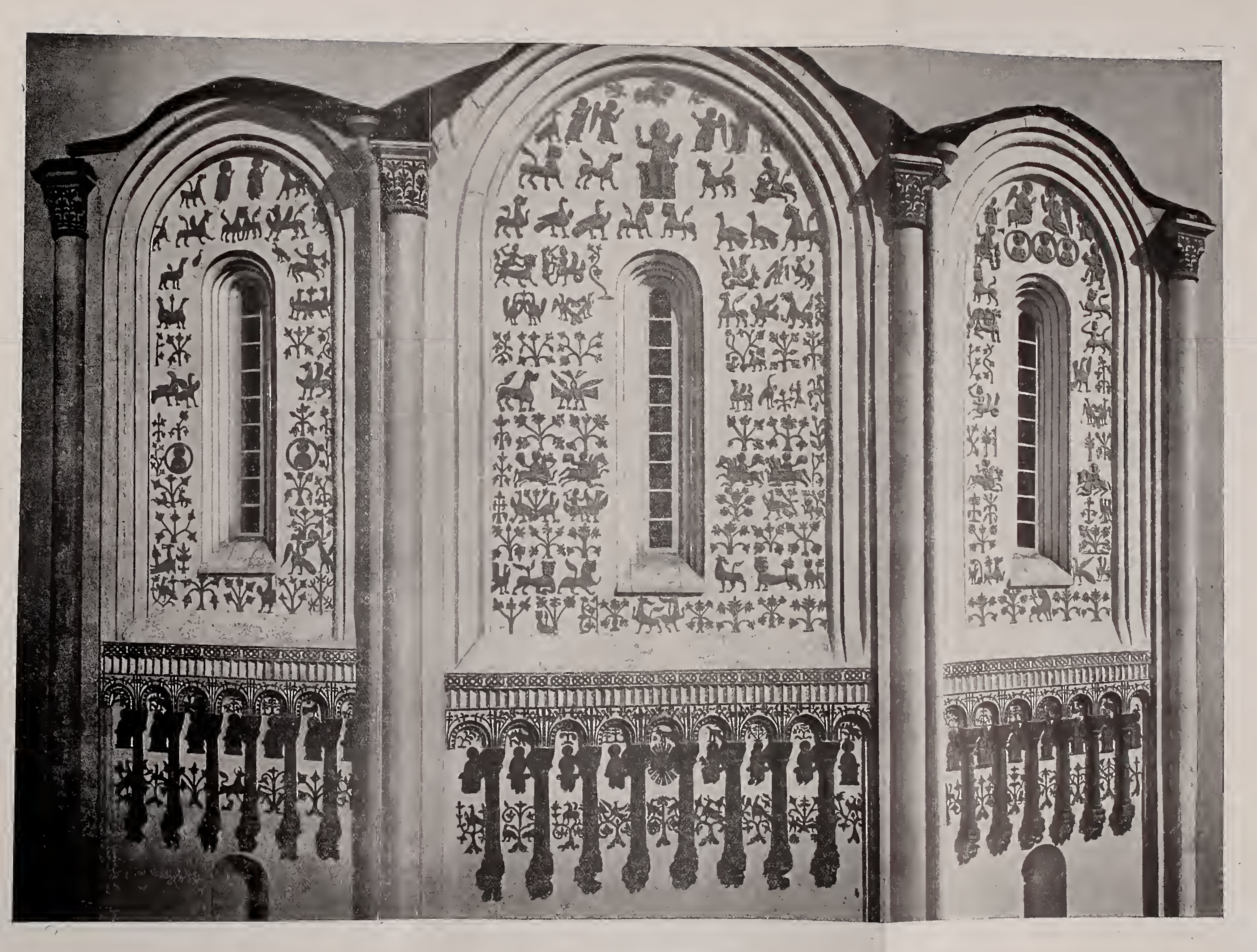
---

[1]) Покровскій. Стѣнныя росписи, стр. 37.

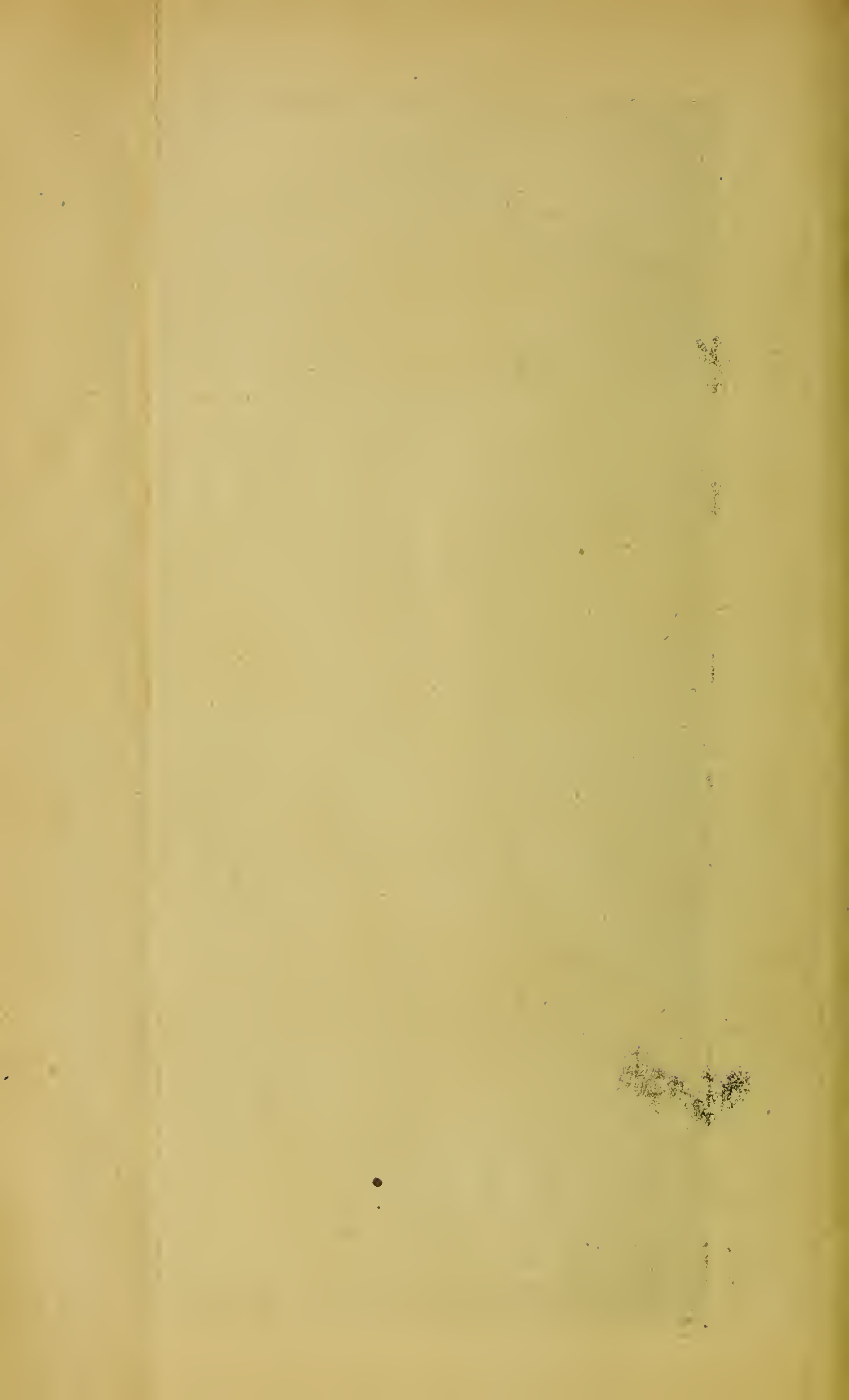

Дмитріевскій соборъ въ гор. Владимірѣ.

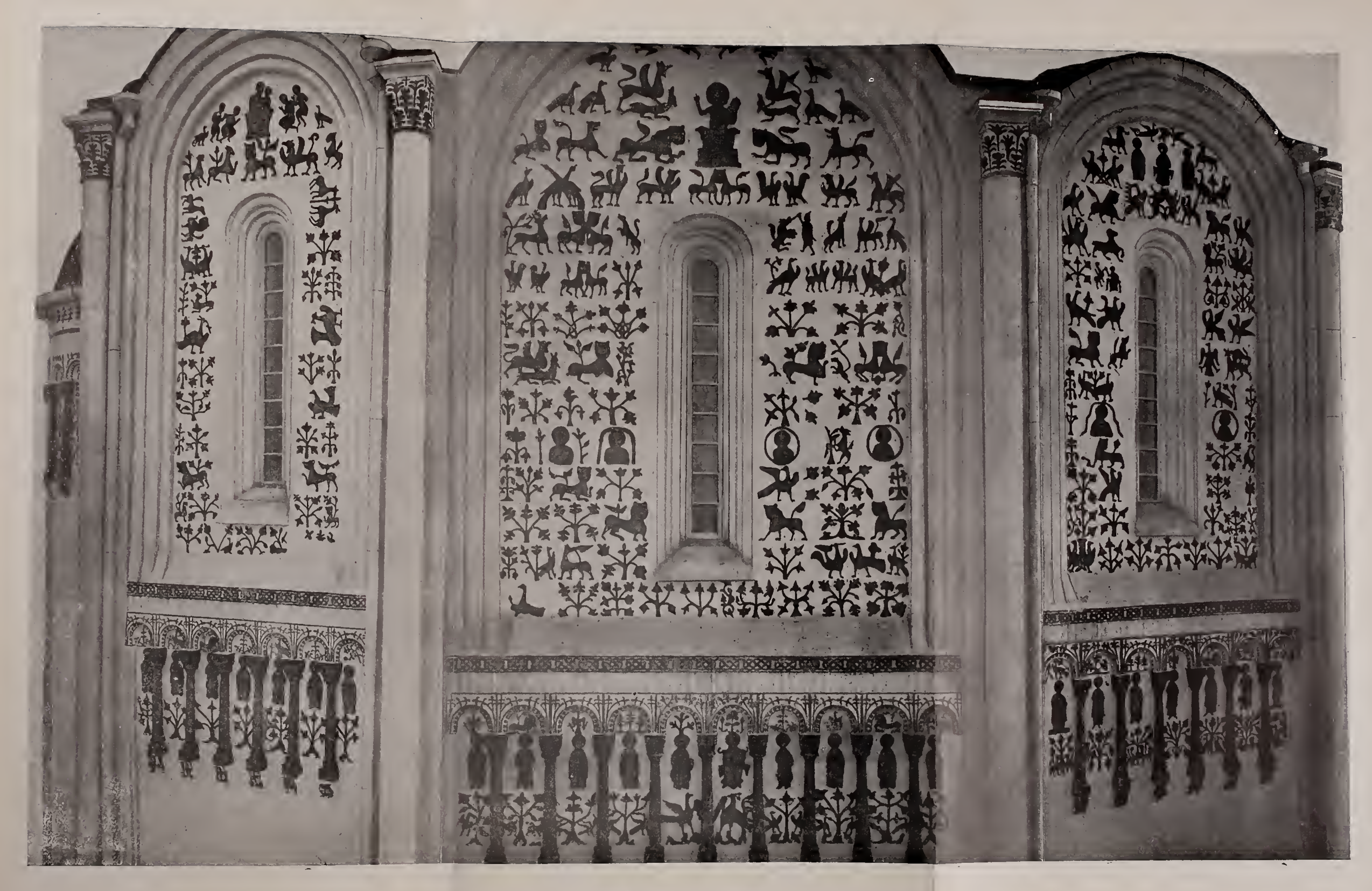
Западная стѣна Дмитріевскаго Собора.

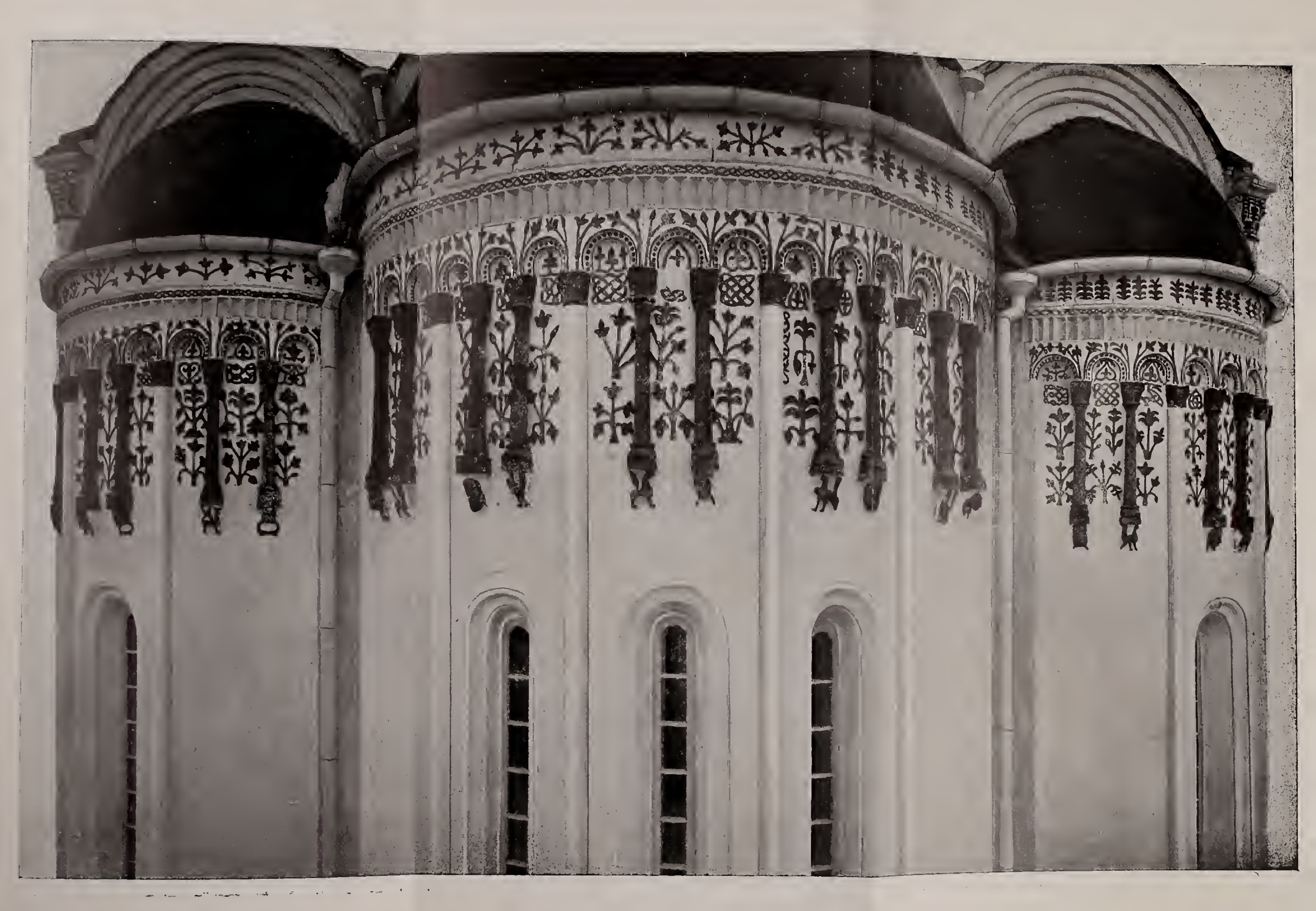
Южная стѣна Дмитріевскаго собора.

Сѣверная стѣна Дмитріевскаго собора.

Восточная стѣна Дмитріевскаго Собора.

Западныя двери Дмитрiевскаго собора.

Южныя двери Дмитріевскаго собора.

Сѣверныя двери Дмитріевскаго собора.

Успенскій соборъ въ гор. Владимірѣ, съ восточной стороны.

Страшный судъ.

Фрески Успенскаго собора въ гор. Владимірѣ.

(По объясненію проф. Н. В. Покровскаго).

1) *Апостолы на престолахъ.* (На западной стѣнѣ надъ входною аркою—уготованіе престола. На сѣверной и южной сторонахъ апостолы на престолахъ съ раскрытыми книгами, и впереди ихъ 4 евангелиста. Мысль та, что апостолы, какъ ближайшіе провозвѣстники дарованнаго во Христѣ спасенія человѣческаго, будутъ соучастниками въ судѣ Господа надъ людьми).

2) *Второе и славное Христово пришествіе.* (Центральная часть этого изображенія—Самъ І. Христосъ, представленный на сводѣ между арками, сѣдящимъ на кругѣ, образованномъ изъ серафимовъ: строгая фигура Спасителя, задрапированная въ мантію, представлена въ рѣшающемъ моментѣ послѣдняго суда: правою рукою призываетъ праведниковъ къ наслѣдію уготованнаго имъ царства небеснаго; лѣвая выражаетъ отверженіе грѣшниковъ. Подлѣ Спасителя—солнце, луна и звѣзды, утвержденныя въ небѣ, имѣющемъ форму полотна, свиваемаго двумя ангелами, въ соотвѣтствіи со словами псалма: „вся яко риза обветшаютъ и яко одежду свіеши я и измѣнятся". По сосѣдству съ изображеніемъ Спасителя представлены внутри арки въ кругѣ символическія фигуры 4-хъ царствъ: Македонскаго—грифонъ, Римскаго—крылат. драконъ, Вавилонскаго—медвѣдь, антихристова—въ видѣ рогатаго звѣря).

Надпись въ срединѣ: Второе и страшное Христово пришествіе.

Изображеніе самаго процесса суда.

3) *Трубящій ангелъ.* (Представлены ангелы, изъ нихъ одинъ трубитъ внизъ (нѣтъ рисунка), другой вверхъ, созывая живыхъ и умершихъ на судъ. По звуку этихъ трубъ земля и море отдаютъ своихъ мертвецовъ).

4) *Земля и море отдаютъ своихъ мертвецовъ.* (Земля изображена въ видѣ женщины съ жезломъ въ правой рукѣ и гробомъ въ лѣвой; вокругъ нея воскресающія женщины въ бѣлыхъ однообразныхъ повязкахъ, представители царства звѣрей, птицъ и пресмыкающихся: левъ, слонъ, пеликанъ, змѣй. Рядомъ другое античное олицетвореніе—*моря* также въ видѣ женщины съ длинными распущенными волосами: правою рукою она держитъ оснащенный корабль, возлѣ котораго плаваютъ морскія рыбы).

5) *Шествіе людей на судъ.* (По звуку тѣхъ же трубъ возстаютъ лики святыхъ царей, царицъ и пр.).

6) *Ангелъ и пророкъ Даніилъ.* (Ангелъ показываетъ прор. Даніилу грядущія событія).

7) *Идутъ святіи въ рай.* Наступаетъ блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ. (Ап. Петръ съ ключомъ въ правой рукѣ ведетъ святыхъ въ рай; въ ряду святыхъ—цари ветхозавѣтный и новозавѣт-

ный, святители, преподобные, царицы и др. праведныя жены; вдали ап. Павелъ, въ лѣвой рукѣ его свитокъ, въ которомъ написано: „придѣте со мною благіихъ“: правою рукою указываетъ на мѣсто блаженства праведниковъ. Надпись: „идутъ святіи въ раі“.

— Тамъ благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ лѣвой рукѣ, среди райскихъ деревьевъ съ надписью: „благоразумный разбойникъ свѣтъ невечерній“. (Нѣтъ рисунка).

Самое *блаженство праведниковъ* представлено въ двухъ видахъ, отличающихся одинаково наивнымъ характеромъ:

8) Въ одномъ мѣстѣ (средина арки въ западной стѣнѣ, подъ хорами) изображена кисть правой руки, въ которой находятся праведныя души; очевидно, художникъ понялъ буквально библейское выраженіе: „праведныхъ души въ руцѣ Божіи“.

9) Въ другомъ мѣстѣ изображено лоно Авраамово: на широкомъ возвышеніи сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, послѣдніе два съ простертыми дланями; у Авраама въ пазухѣ души праведныхъ въ видѣ мальчугановъ; рядомъ съ нимъ еще нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, въ нимбахъ и бѣлыхъ сорочкахъ; кругомъ райскія деревья.

— Картина рая дополнена изображеніемъ Богоматери на тронѣ среди двухъ ангеловъ (на стѣнѣ подъ сводомъ юго-западной части храма. Рисунка нѣтъ).

Рис 1. Апостолы на престолахъ.

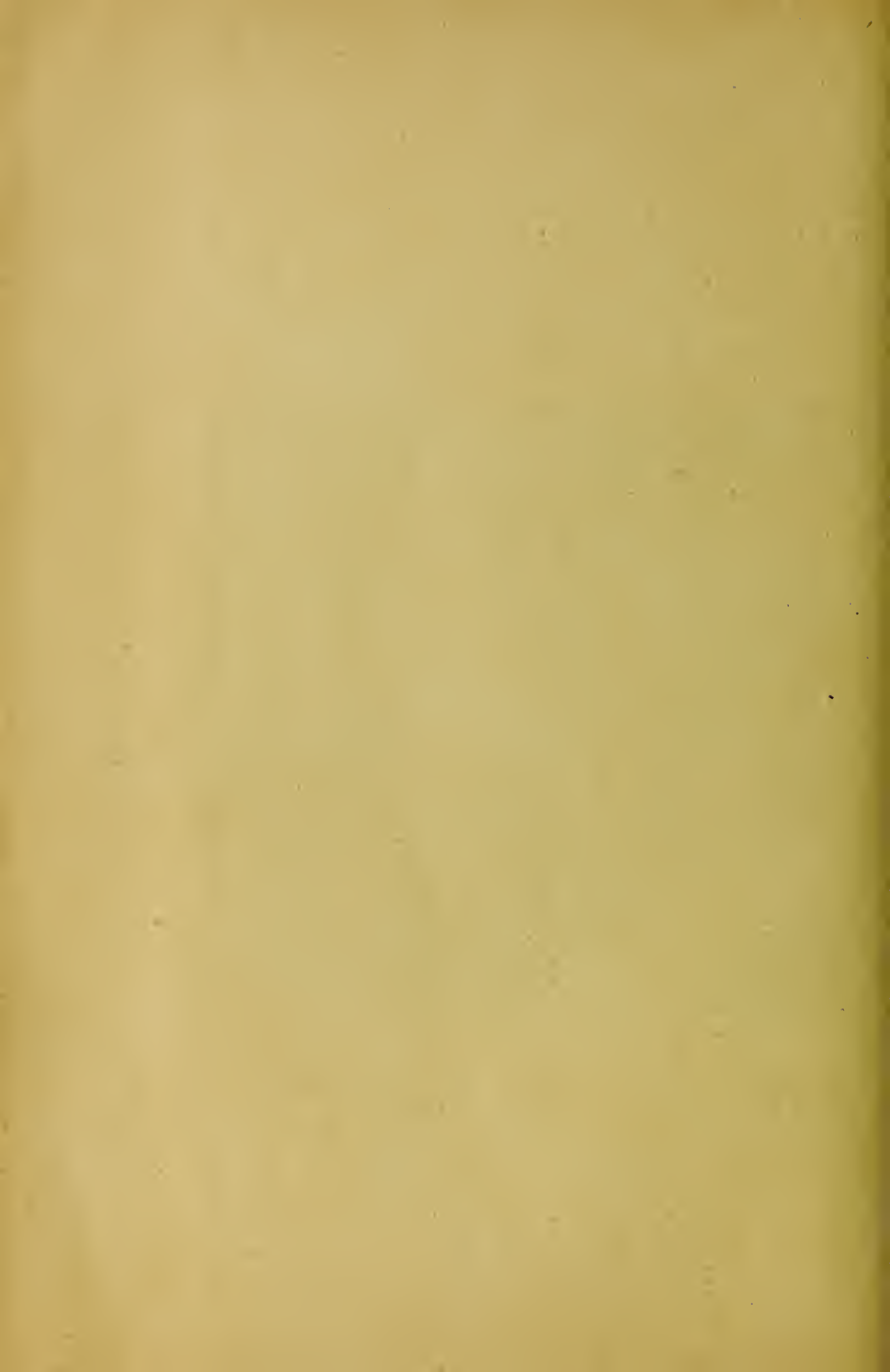

Рис. 2. Второе и страшное Христово пришествіе,

Рис. 3. Трубящій ангелъ.

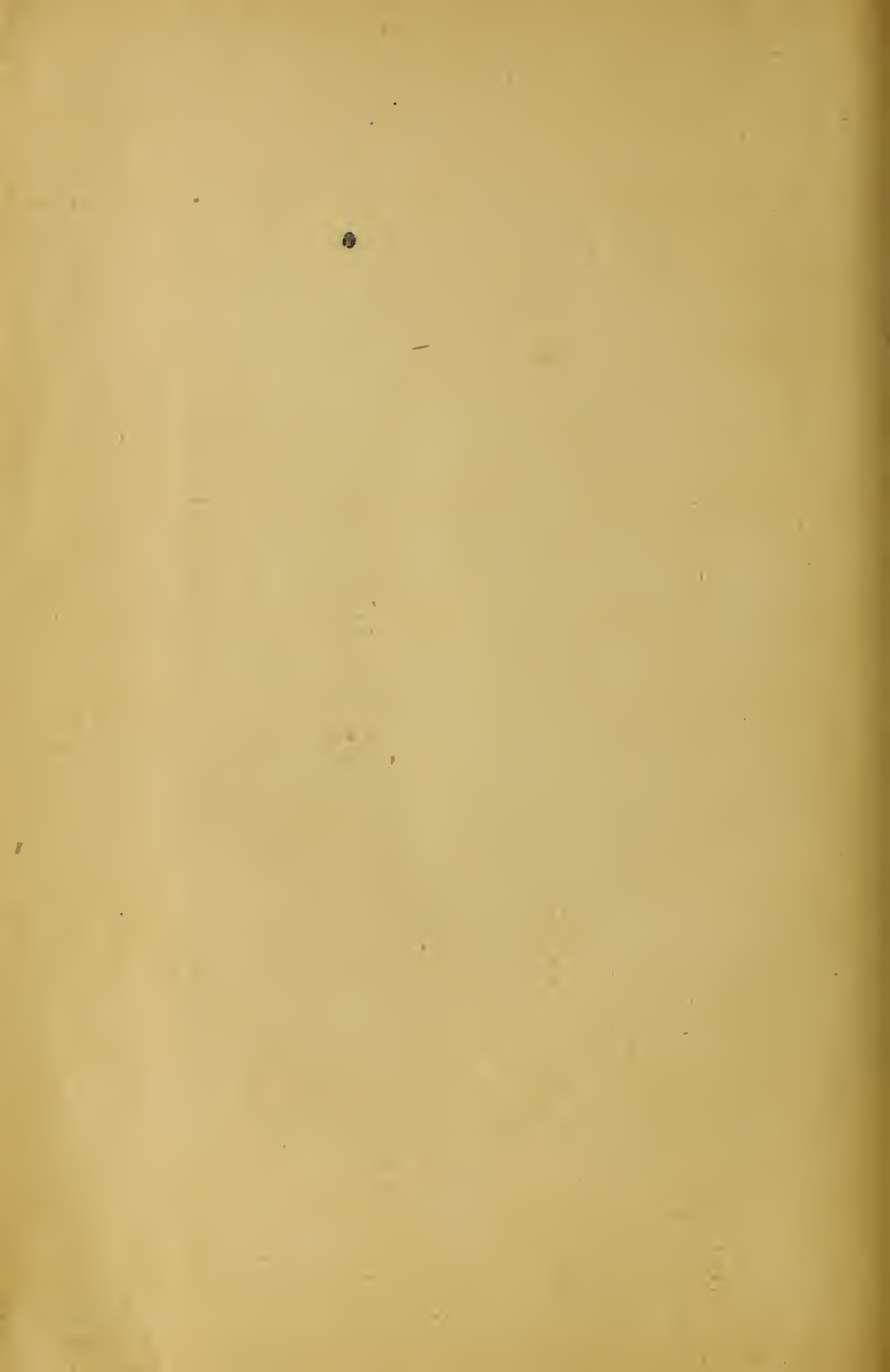

Рис. 4. Земля и море отдаютъ своихъ мертвецовъ.

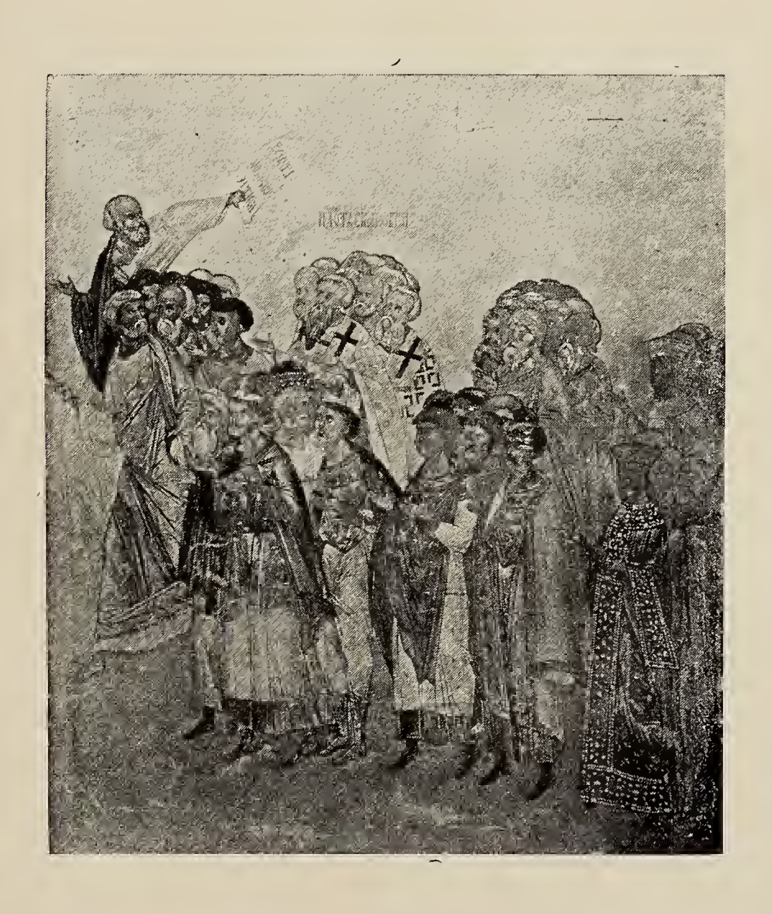

Рис. 7. Идутъ святіи въ рай.

Рис. 5. Шествіе людей на судъ.

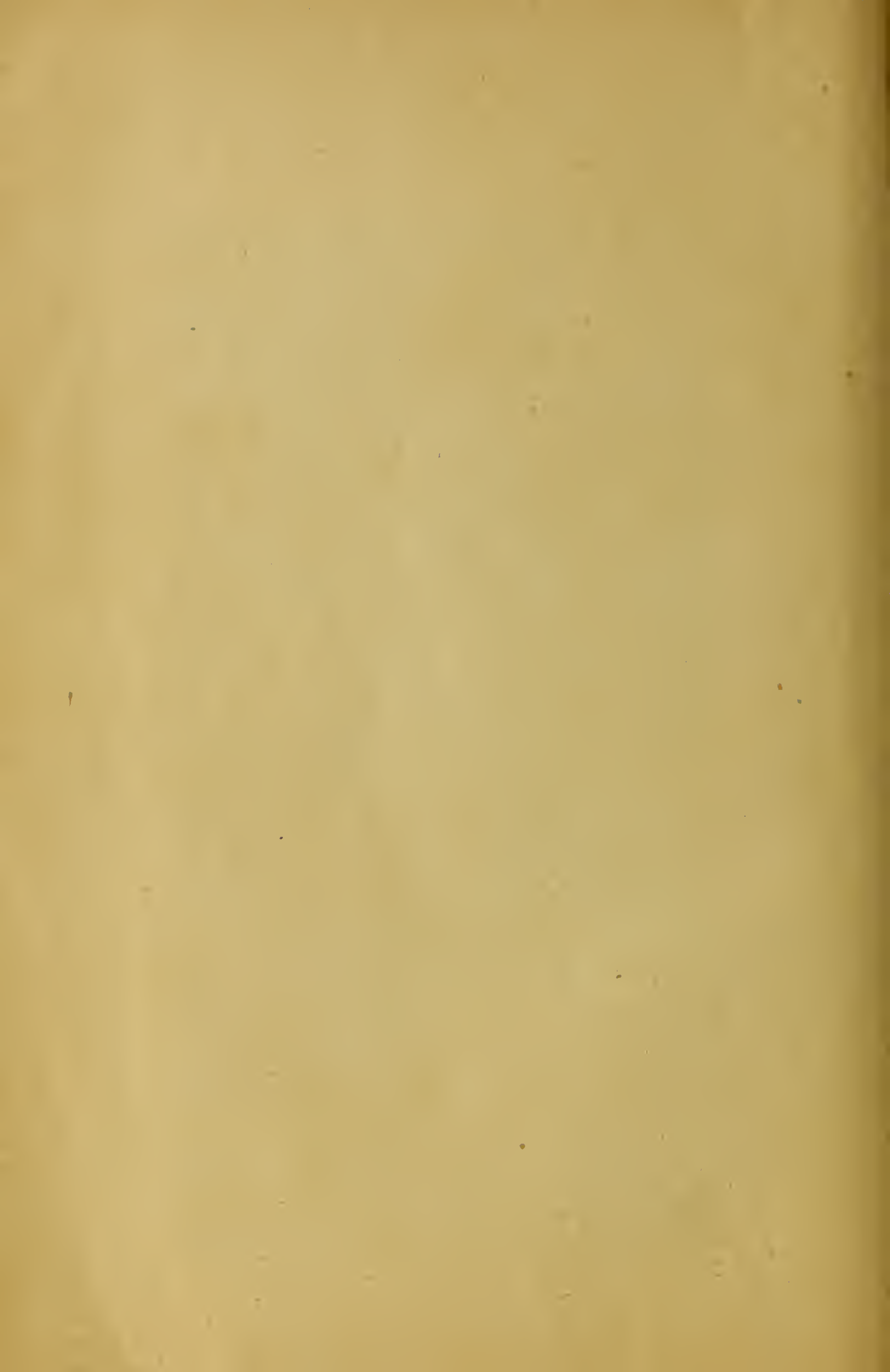

Рис. 6. Ангелъ и пророкъ Даніилъ.

Рис 8. Праведныхъ души
въ руцѣ Божіи.

Рис. 9. Лоно Авраамово.

